

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 4 (69) — 2013

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 19.02.2010 г.)*

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (Ивановский государственный университет; *главный редактор*;
доктор исторических наук, профессор),
- С. Г. Айвазова** (Институт социологии РАН, г. Москва; доктор политических наук, главный научный сотрудник),
- В. Н. Егоров** (Ивановский государственный университет; доктор экономических наук, профессор),
- И. С. Клёцина** (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
доктор психологических наук, профессор),
- З. Х. Саралиева** (Нижегородский государственный исследовательский университет;
доктор исторических наук, профессор),
- Н. Л. Пушкарёва** (Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),
- Т. Б. Рябова** (Ивановский государственный университет; доктор социологических наук, профессор),
- Н. А. Шведова** (Институт США и Канады РАН; доктор политических наук, главный научный сотрудник),
- Н. Б. Гафизова** (Ивановский государственный университет; *ответственный секретарь*;
кандидат исторических наук, доцент),
- И. Н. Кодина** (Ивановский государственный университет; кандидат социологических наук,
старший преподаватель)

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»

Тел./факс в Иваново: (4932) 41 75 79
E-mail: gafizovanb@mail.ru, kodina_inna@mail.ru, riabova2001@inbox.ru
Электронная копия журнала размещена на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

Журнал высылается по предварительной заявке

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2013
© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2013

WOMEN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

№ 4 (69) — 2013

Russian Ministry of Education and Sciences
Ivanovo State University

The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws
on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77–16955 on January 9, 2004

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

Editorial Board:

Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University),

S. G. Aivazova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher

(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Prof. **V. N. Egorov**, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University),

Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Russian State Pedagogic University, St. Petersburg),

Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (Nizhniy Novgorod State Research University),

Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences),

Prof. **T. B. Ryabova**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo State University),

N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences),

Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (Ivanovo State University),

I. N. Kodina (Ivanovo State University)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Ermak str., 39
Publishing House «Ivanovo State University»

Tel./Fax: (4932) 41 75 79

E-mail: gafizovanb@mail.ru, kodina_inna@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

The e-copy of the issue can be accessed at www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

The issues may be sent by the preliminary request
Subscription index in catalogue «Press of RF» 41513

СОЦИОЛОГИЯ ПРОФЕССИЙ И ТРУДА

ББК 74.204.21

А. М. Бекарев, А. В. Шакурова

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-РОЛЕВЫЕ КОМПЛЕКСЫ КАК РЕСУРСЫ ЭФФЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА

Именно труд (его организация, результаты и пр.) играет ведущую роль в социальном развитии человека и общества, поэтому интерес специалистов к исследованию социальных резервов [5], позволяющих оптимизировать эффективность индивидуальных и коллективных трудовых усилий и, как следствие, способствующих повышению конкурентоспособности российской экономики, а также к изучению социально-психологических барьеров качественного труда оказывается вполне оправданным. Однако реальность современной жизни такова, что существенную роль в протекании этих процессов играют женщины, являющиеся наравне с мужчинами частью кадрового обеспечения российских предприятий. Более того, имеются сферы профессиональной занятости, которые постоянно феминизируются и в которых женщины стабильно обладают численным преимуществом. Образование, в том числе среднее полное общее, является одной из них. Так, статистические данные, отражающие удельный вес учителей-женщин в отечественной средней школе 1980-х [1], 1990-х [1], 2000-х гг. [3] и современного периода [4], показывают, что он практически не меняется и составляет около 80 %.

Учительство представляет собой особенную социально значимую группу интеллигенции, которая осуществляет духовно-практическую деятельность по формированию личности (см.: [2]), обладающей в числе прочего востребованными, с точки зрения работодателя, формами трудового поведения, готовой к жизни в высокотехнологичном, конкурентоспособном обществе. Успешное решение этих задач (соответствующих идеям национальной образовательной инициативы «Наша новая школа») отдельными педагогами и образовательными учреждениями (ОУ) в целом требует, на наш взгляд, выявления, а затем внедрения в данных учреждениях индивидуальных и коллективных профессиональных самоидентификаций, которые способствуют выработке у учеников

оптимальных для внешнего контекста универсальных компетенций и действий. Однако в этой связи встает еще одна проблема — психологической готовности самих учителей к реализации профессионального долга, или наличия у них соответствующих ценностей, установок, профессиональных ролей, совокупно влияющих на результаты коллективного труда и «преломляемых» через внешние по отношению к ним, поддерживаемые образовательным менеджментом коллективные цели, ценности и стиль взаимодействия.

Логично предположить, что определение особенностей профессиональной идентичности у педагогов как ресурса и барьера для реализации школой государственной образовательной политики наименее разработано в отечественной науке и практике. Несмотря на то что в литературе имеются публикации по проблеме профессиональной идентичности, ссылки на исследования характера связи между спецификой идентичности учителей и эффективностью коллектива, как правило, отсутствуют. Поэтому в данной работе представлены результаты практического изучения профессионально-ролевых комплексов (ПРК), или системы иерархически упорядоченных ролей, которые характерны для представителей различных образовательных систем (таблица).

Анализ основан на опросе более 600 респондентов — учителей нижегородских школ с высшим образованием.

Соотношение индивидуальных и коллективных профессионально-ролевых комплексов в ОУ разного типа

Виды индивидуальных профессионально-ролевых комплексов	Виды коллективных профессионально-ролевых комплексов, %			
	Коммуникативная / моноидентичность (МОУ СОШ — 352 чел.)	Коммуникативно-завершающая / диада (ОУ с углубленным изучением отдельных предметов — 79 чел.)	Коммуникативно-реализационно-завершающая / триада (лицей, гимназии — 122 чел.)	Равноценное присутствие в репертуаре ролей коммуникатора, реализатора, завершителя, мотиватора и координатора / множественная идентичность (негосударственные религиозные ОУ — 70 чел.)
1	2	3	4	5
«Коммуникатор», «реализатор», «завершитель», «координатор», «мотиватор», «аналитик», «генератор идей», «исследователь ресурсов»	22,2	10	6,15	11,4
«Коммуникатор», «реализатор», «завершитель», «мотиватор», «аналитик», «координатор», «генератор идей», «исследователь ресурсов»	18,5	20,3	24	14,3

1	2	3	4	5
«Коммуникатор», «завершитель», «реализатор», «аналитик», «координатор», «мотиватор», «генератор идей», «исследователь ресурсов»	14	13	14,75	7,2
«Коммуникатор», «реализатор», «завершитель», «генератор идей», «мотиватор», «координатор», «аналитик», «исследователь ресурсов»	9	14	10	10
«Коммуникатор», «мотиватор», «координатор», «исследователь ресурсов»; «генератор идей», «аналитик», «реализатор», «завершитель»	5	8	11	11,4
«Реализатор», «завершитель», «координатор», «мотиватор», «коммуникатор», «аналитик», «генератор идей», «исследователь ресурсов»	8,2	5	7,4	12,55
«Исследователь ресурсов», «коммуникатор», «реализатор», «завершитель», «мотиватор», «аналитик», «координатор», «генератор идей»	10	15,2	7	8,5
«Завершитель», «коммуникатор», «мотиватор», «координатор», «исследователь ресурсов», «аналитик», «реализатор», «генератор идей»	10	12,65	8,2	12,86
«Аналитик», «координатор», «генератор идей», «завершитель», «исследователь ресурсов», «мотиватор», «реализатор», «коммуникатор»	3,9	2,5	11,5	11,42

Полученные результаты свидетельствуют о том, что, несмотря на многообразие ролевых комбинаций, существуют более-менее сходные варианты последних, которые, в свою очередь, не зависят от принадлежности обладателя ПРК к типу школы, хотя доля учителей с одними и теми же «комплексами» в обычных школах, ОУ повышенного статуса и элитных учебных заведениях оказывается различной. В ходе содержательного анализа упорядоченных поведенческих профилей были выявлены следующие особенности.

1. Группа учителей с коммуникативной доминантой, т. е. находящих общий язык со всеми учениками и коллегами, предупреждающих конфликтные ситуации

(«коммуникатор»), является самой многочисленной и по количеству превосходит ту часть выборки, доминирующая идентичность которой направлена:

— на квалифицированную трансформацию образовательных идей в конкретные рабочие задания и планомерную реализацию последних в соответствии с нормативно-правовой базой («реализатор»);

— достижение нужных результатов в запланированные сроки («завершитель»);

— поиск возможностей обеспечить эффективность образовательного процесса за счет развития контактов, привлечения материально-технических, финансовых, социально-психологических и других ресурсов («исследователь ресурсов»);

— анализ и оценку имеющейся информации, конкретного плана, программы и прочего («аналитик»).

Идентификации представителей негосударственных религиозных ОУ, муниципальных школ (МОУ СОШ), ОУ с углубленным изучением отдельных предметов, элитных школ с «реализаторами» и «завершителями» при этом имеют поддерживающий (субдоминантный) характер, а тождество с «исследователями ресурсов» выражено минимально соответственно в 42,8, 63,6, 56,9, 54,9 из 100 %. Что касается местоположения других элементов в структуре ПРК (в частности, «координатор», «мотиватор», «аналитик», «генератор идей»), то различия в «ролевых» акцентах, расставляемых педагогами разнотипных ОУ при оценке собственных действий, практически отсутствуют. Например, доля обладателей ПРК типа «коммуникатор», «реализатор», «завершитель», «мотиватор», «аналитик», «координатор», «генератор идей», «исследователь ресурсов» в православных школах составляет 14,3 %; а в обычных школах, ОУ с углубленным изучением отдельных дисциплин, светских гимназиях и лицеях — 18,5, 20,3 и 24 % соответственно. Профессионально-ролевые комплексы типа «коммуникатор», «реализатор», «завершитель», «генератор идей», «мотиватор», «координатор», «аналитик», «исследователь ресурсов» встречаются в негосударственных религиозных ОУ у 10 % респондентов; в МОУ СОШ — 9 %; в ОУ с углубленным изучением отдельных предметов — 14 % и в элитных ОУ у 10 %, а профессиональная идентичность с ведущей ролью «коммуникатор», в которой по самооценкам аналитический аспект преобладает над мотивационно-координирующим, творческим и исследовательским, наблюдается соответственно в 7,2, 14, 13 и 14,75 % случаев.

Относительное исключение, на наш взгляд, представляют идентификации респондентов с обладателями иерархии ролей «коммуникатор», «реализатор», «завершитель», «координатор», «мотиватор», «аналитик», «генератор идей», «исследователь ресурсов». Согласно полученным данным, 22,2 % учителей из обычных средних школ не только поддерживают хорошие отношения, реализуют образовательную программу, добиваются высоких результатов, но и ставят четкие цели, согласовывают общие усилия в нужном направлении, подбирают оптимальные средства осуществления модели деятельности («координатор»), в то время как в негосударственных религиозных ОУ аналогичное поведение у себя отмечают 11,4 % респондентов, в ОУ с углубленным изучением отдельных предметов — 10 %, в элитных ОУ — 6,15 %.

2. Имеется группа педагогов (41 респондент), профессиональная идентичность которых также обладает коммуникативной доминантой, но иными субдоминантами первого и второго порядка: «мотиватор» и «координатор». В отличие от «коммуникаторов», ориентированных на успешное воплощение обучающих, воспитательных и методических идей в конкретные, как правило, опосредованные инструкциями и традиционными взглядами педагогические действия, «коммуникаторы-мотиваторы-координаторы» проявляют себя следующим образом:

- налаживают контакты с учениками и коллегами;
- активизируют интерес последних к учебе и работе;
- обеспечивают эффективность обучения и преподавания за счет предварительного моделирования и координации этих процессов.

Дополняет портрет представителей данной группы более высокая исследовательская активность, обусловленная осознанием и эмоциональным принятием связи между эффективностью жизнедеятельности школы и самостоятельным, несогласованным с руководством ОУ поиском способов профессионального совершенствования, развитием новых контактов, привлечением материально-технических и финансовых ресурсов за счет написания грантов, участия в конкурсах и т. д. Наконец, творческий и рефлексивный аспекты профессиональной идентичности в выборке выражены сильнее, чем реализационный, и предположительно определяют характер и качество деятельности испытуемых. Примечательно, что в эклектических (негосударственные религиозные ОУ) и деловых (элитные школы) организационных условиях иерархия ролей «коммуникатор», «мотиватор», «координатор», «исследователь ресурсов», «генератор идей», «аналитик», «реализатор», «завершитель» встречается чаще, чем в результативно-кланово-иерархических (МОУ СОШ) и кланово-результативно-иерархических (ОУ с углубленным изучением отдельных предметов) культурах (соответственно 11,4, 11, 4 и 8 % от общего числа).

3. Обладатели профессионально-ролевых комплексов, в которых по самооценкам превалирует поисковая доминанта, поддерживаемая за счет компетенций «коммуникатора», «реализатора» и «завершителя», а мотивационные, аналитические, координирующие и креативные умения задействованы реже, также встречаются во всех типах учебных заведений, но значительно реже, чем испытуемые с доминирующей коммуникативной идентичностью. Наряду с этой особенностью, делающей разнотипные школы похожими друг на друга, ОУ различаются между собой по количеству испытуемых в каждой выборке. В частности, процент педагогов с профидентичностью «исследователь ресурсов», «коммуникатор», «реализатор», «завершитель», «мотиватор», «аналитик», «координатор», «генератор идей» в МОУ СОШ и ОУ с углубленным изучением отдельных дисциплин оказывается чуть выше, чем в элитных светских и религиозных учебных заведениях (10 и 15,2, 7 и 8,5 %), и это неслучайно. Исследовательская активность педагогов, или, другими словами, поиск возможностей обеспечить качественную работу, основанный на соблюдении общих интересов, с опорой на цели и ценности, нормативно-правовые требования школы, на наш взгляд, более востребована в организационных системах, которые ориентируются на ценности консенсуса и алгоритма, т. е. в организационных культурах с сильным клановым и иерархическим компонентами.

4. Что касается профессионально-ролевых комплексов типа 1) «реализатор», «завершитель», «координатор», «мотиватор», «коммуникатор», «аналитик», «генератор идей», «исследователь ресурсов»; 2) «завершитель», «коммуникатор», «мотиватор», «координатор», «исследователь ресурсов», «аналитик», «реализатор», «генератор идей» и 3) «аналитик», «координатор», «генератор идей», «завершитель», «исследователь ресурсов», «мотиватор», «реализатор», «коммуникатор», то легко заметить, что их доля в общей структуре профидентичности индивидуальных субъектов труда составляет менее 15 %, независимо от типов школ, в которых работают носители упомянутых ПРК. Однако в рамках одного ОУ статистика по типу иерархии ролей варьируется. Так, в православных гимназиях педагоги, идентифицирующие себя с «реализаторами...», «завершителями...» и «аналитиками...», представлены практически в равных пропорциях (12,55, 12,86 и 11,42 % соответственно); в элитных ОУ учителя чаще отождествляют себя с «аналитиками» (11,5 %), реже с «реализаторами» и «завершителями» (8,2 и 7,4 %); в МОУ СОШ эта тенденция распространяется на респондентов, в поведении которых ведущее место занимают ориентации на результат («завершитель» — 10 %), безынициативное исполнение функциональных обязанностей («реализатор» — 8,2 %) и рефлексивное отношение к профессиональным обязанностям («аналитик» — 3,9 %). А в школах с углубленным изучением отдельных дисциплин, согласно статистике, работают 12,65 % учителей с ведущей ролью «завершитель», 5 % — с доминантой «аналитик» и только 2,5 % с доминантой «реализатор». При этом численность педагогов, в профессиональной идентичности которых преобладают идентификации аналитического характера, оказывается на порядок выше в тех образовательных учреждениях, где аналогичный (аналитический) аспект коллективной профидентичности обладает более высоким уровнем значимости (2 из 2, 3 из 4), т. е. в гимназиях и лицеях.

Наряду с анкетным опросом, проводилось экспертное интервью (N = 25), в котором приняли участие представители образовательного менеджмента и профессорско-преподавательского состава, осуществляющего подготовку студентов и переподготовку слушателей в области педагогики. При этом сравнительный анализ индивидуальных профессионально-ролевых комплексов, проявляющихся в поведении учителей, с экспертным видением портрета эффективного педагога показал, что наиболее близкой по своему содержанию к оценкам экспертов является профессиональная идентичность с доминантой «аналитик». Так, эксперты сошлись во мнении, что совершенно необходимыми для эффективной деятельности современного педагога являются роли «аналитик», «исследователь ресурсов», «генератор идей», «координатор», «мотиватор» и «завершитель». «Оптимальный» с точки зрения достижения образовательного успеха профессионально-ролевой профиль, согласно экспертным оценкам, представляет собой трехуровневую шкалу, в которой доминирующее положение занимают *аналитические* действия, *поисково-творческие* умения, *мотивационно-координирующие* практики исполнения с направленностью на *достижения* выступают в качестве поддержки или поведенческой субдоминанты, а роли «завершитель» и «исследователь ресурсов» занимают промежуточные позиции. В частности, способность *добиваться желаемых эффектов*,

*последовательно воплощая запланированное в реальные поступки («завершил»)), с одной стороны, относится к наименее важной характеристике исполнения, а с другой стороны, является таким же необходимым элементом педагогической деятельности, как и умения *организовывать учебно-воспитательный процесс, грамотно формулировать образовательные цели и задачи, подбирать оптимальные средства обучения, воспитания и развития учащихся, контролировать и корректировать усилия обучающихся, актуализировать учебные мотивы* и пр. Что касается участия учителей в грантозаявительской деятельности, поиска ресурсов для повышения собственной квалификации и оптимизации образовательного процесса («исследователь ресурсов»), то эксперты придают данным действиям субдоминантный характер, одновременно приравнивая их по значимости к таким видам деятельности, как *оценка собственной коммуникативной и управленческой компетентности, качества преподавания; анализ успеваемости, прилежания и поведения учеников; рефлексия наиболее вероятных причин ситуаций «успеха» и «неуспеха», а также их последствий* («аналитик»), и это неслучайно. По мнению экспертов, представленные выше поведенческие модели являются необходимыми атрибутами *педагогического мастерства и профессионализма в подготовке подрастающего поколения к жизни в инновационном обществе*, обусловлены специфическими потребностями, ценностями, установками, отношением к работе, а также целями образовательной деятельности и способствуют успешной реализации последних. В то же время владение только умениями *срабатываться, находить общий язык со всеми субъектами учебно-воспитательного процесса, выстраивать эффективные вертикальные и горизонтальные коммуникации* («коммуникатор»), *реализовывать учебную программу и план в соответствии с требованиями устава школы, правилами внутреннего трудового распорядка* («реализатор») оказывается явно недостаточным в современных условиях.*

Таким образом, представленные выше данные позволяют предположить, что ресурсом оптимизации педагогической деятельности являются профессионально-ролевые комплексы, которые обусловлены внутренними по отношению к педагогическому труду факторами, а также включают в себя доминирующие роли «аналитик» и «исследователь ресурсов» и поддерживающие доминанту поисково-творческие умения, мотивационно-координирующие практики исполнения с направленностью на результат. При этом роли «коммуникатор» и «реализатор» представляются наименее важными для воплощения в жизнь положений образовательной инициативы, соответственно, их преобладание в поведении учителей можно отнести к тем социально-психологическим факторам, которые сдерживают эффективную деятельность педагога. Вместе с тем из-за отсутствия достоверных данных, характеризующих профессиональную идентичность учителей-мужчин, возникают трудности с интерпретацией выявленных ПРК в качестве сугубо «женских» моделей поведения. Более того, объективно свойственный современной школе незначительный удельный вес лиц мужского пола обуславливает усиление ответственности женщин перед обществом (детьми и их родителями, работодателями) за результаты своего труда и, как следствие, за обретение оптимальной идентичности.

Библиографический список

1. *Баскакова М. Е.* Мужчины и женщины в системе образования // *Вопр. образования.* 2005. № 1. С. 276—303.
2. *Зиятдинова Ф. Г.* Социальное положение и престиж учительства: проблемы, пути решения. М. : Луч, 1992. 287 с.
3. *Полетаев А. В., Агранович М. Л., Жаров Л. Н.* Российское образование в контексте международных показателей : сопоставительный доклад. М. : Центр мониторинга и статистики образования ГНИИ ИТТ «Информика», 2002. 65 с.
4. *Российский статистический ежегодник, 2012* : ст. сб. / Росстат. М., 2012. 786 с.
5. *Тощенко Ж. Т.* Социология труда: генезис идей в контексте мировых и российских реалий : (опыт нового прочтения) // *Мир России.* 2004. Т. 13, № 4. С. 40—61.

ББК 74.204.21

С. В. Лелюхин

**РОЛИ СЕЛЬСКИХ УЧИТЕЛЬНИЦ:
АНАЛИЗ СЛУЧАЯ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

Тенденция сокращения числа малокомплектных школ не является исключительно российской спецификой, она характерна для многих стран с переходной экономикой — Армении, Болгарии, Венгрии, Латвии, Румынии, Украины, Эстонии [14]. На принятие решения о закрытии школ влияют такие социально-экономические факторы, как спад рождаемости, значительное уменьшение численности учеников в классах и снижение количества учеников на одного учителя, а консолидация школ позволяет сократить общие затраты на образование. Но для 92 % российских учащихся зона территориальной доступности ограничивается местом их проживания [3]. Дети, как правило, учатся там, где они живут, и в ответ на угрозу закрытия школ родители протестовали в Москве, Ульяновске, в малых городах и селах забайкальского и приморского краев [11].

Географический диапазон протестных акций показывает, что к результатам оптимизации школьной сети не равнодушны как в городских, так и в сельских школах, как в малых городах, так и в мегаполисах. Но если городские семьи обычно успешно преодолевают территориальные барьеры доступности образования, то для сельских семей оптимизация ставит под вопрос доступность образования как такового. Согласно данным, приведенным в научных исследованиях, доля сельских школ, обладающих особым укладом жизни и спецификой развития, в общем количестве учреждений общего образования в нашей стране в настоящее время составляет 70 %, а за последние годы было закрыто 9 тыс. сельских школ [2].

Выявленные тенденции повлияли на выбор результатов оптимизации сельской школьной сети в качестве объекта нашего исследования, а его пред-

метом стали роли сельских учительниц, предпринимающих действия с целью предотвращения негативных последствий этой оптимизации. Подобный фокус исследовательского интереса характерен для неовеберианского подхода, в рамках которого изучаются конфликтные, негативные аспекты отношений между государством, рынком, профессиями и гражданами [9].

Биографический метод, являющийся разновидностью этнографического подхода к кейс-стади [8], позволил нам сосредоточиться на изучении опыта учителей средней школы села Прокудино Аткарского района Саратовской области. Мы провели нарративное интервью [13] с директором школы и, используя методологию свободных ассоциаций [7], открытое интервью с учениками школы (N = 20) в ноябре 2012 г. В период с 2006 по 2012 г. учителя и работники этой сельской школы, противодействуя ее закрытию, усыновили детей-сирот. Аналогичный по содержанию профессиональный активизм был выявлен нами еще в двух регионах страны — в Пензенской области и в Чувашской Республике [4, 5]. Все эти случаи объединяет единая практика усыновления работниками школ детей-сирот из детских домов, интернатов и приютов.

Село Прокудино Аткарского района Саратовской области хотя и имеет существенные ограничения в транспортной доступности, но территориально все-таки более близко для нас как исследователей, чем отдаленные районы Пензенской области и Чувашской Республики. Это обстоятельство и определило выбор организации для кейс-стади. Начиная с 2006 г. семь педагогов и трое школьных работников прокудинской школы усыновили детей из аткарского приюта «Доброта». В ноябре 2012 г. в школе было 23 приемных ребенка из 48 учеников. А всего за эти годы семьи обрели 30 ребят.

Село расположено примерно в 30 км от районного центра, города Аткарска Саратовской области. Хотя это небольшое расстояние, но рейсовые автобусы в село давно уже не ходят, и жители Прокудина могут выбраться из села или вернуться в него обратно только на личном транспорте или такси. Об учителях школы, взявших на воспитание сирот, в течение шести лет сообщали и саратовские филиалы периодических изданий («Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Новая газета»), и центральные телеканалы (ВГТРК, НТВ). Школа была для корреспондентов СМИ желанным ньюсмейкером. Если в первые годы журналистов привлекал сам факт, необычный поступок учителей, то со временем их стало интересовать, не отказались ли учителя от принятых на себя обязательств по воспитанию детей, бывших сирот.

Используя работы предшественников, мы реконструировали основные моменты процесса вовлечения женщин в профессию учителя в России. М. Масанова, применяя метод социальной истории, описала предпосылки гендерных изменений и их реализацию [6]. Одной из проблем народных школ в конце XIX в. являлся недостаток подготовленных учителей. Поскольку решение этого вопроса было отнесено к компетенции земств, выборных органов местного самоуправления в Российской империи, то именно они в 1870 г. законодательно разрешили привлекать женщин к работе в сельской школе.

Уже в 1880 г., спустя десятилетие, четвертую часть сельских учителей составляли женщины в возрасте от 20 до 29 лет. Как правило, они происходили из семей священнослужителей, крестьян, мещан, колонистов, часть из них бы-

ли воспитанницами Санкт-Петербургского и Московского воспитательных домов. Образование было доступно для них в гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения, в учительских школах или посредством домашнего обучения.

С первых лет советской власти новые государственные органы управления образованием были заинтересованы в скорейших доказательствах обновления, отражавших смену культурной парадигмы, которые бы могли восприниматься обществом через атрибуты, существенно отличавшие советскую школу от школы царских времен. Курс на феминизацию профессии, быстрыми темпами обретавшей женское лицо, реализовывался путем массового приема на работу женщин, что «означало конец мужского диктата в школе» [12, с. 41]. Увеличением доли женщин государство добивалось их вовлечения в революционную большевистскую работу не только в образовательной сфере, подобные процессы происходили, например, и в сфере торговли [15].

В настоящее время в России, согласно оценке Т. Харитоновой, при достижении женщинами равного с мужчинами доступа к образованию очень устойчивой остается тенденция полотипизации профессиональной занятости [10]. Это привело к разделению профессий на мужские и женские. Процесс феминизации характерен для тех сфер деятельности, которые являются малопрестижными и низкооплачиваемыми: здравоохранение, социальное обеспечение, образование. Причем женщины составляют основную долю как среди преподавателей высшей школы, так и среди школьных учителей, особенно в сельской местности.

В изученном нами случае мы выделили несколько ролей, которые выполняют сельские учительницы. Во-первых, роль матери для каждого ребенка-сироты, который попадает в прокудинскую школу:

Каждого нового ребенка в Прокудине ждут всей школой, тепло встречают, помогают адаптироваться. Одни новички сразу вливаются в коллектив, другим нужно время, но в конце концов, смягчаются даже самые «колючие» детки. И тогда начинается кропотливый процесс их возвращения к нормальной жизни. Учителя не форсируют события, прекрасно понимая, что эти ребята в свои юные годы успели хлебнуть столько горя, что даже взрослым на несколько жизней хватит. Не один месяц может потребоваться, чтобы подросток сам захотел поменять сигареты на спорт. Долгие недели уходят на то, чтобы наверстать пропуски в школе (С. Зонова, директор школы).

Во-вторых, роль коррекционного педагога, умеющего понять проблемы ребенка и творчески подойти к их преодолению. Каждый ребенок из приюта требует к себе внимательного отношения, понимания своих «проблемных зон», индивидуального подхода, как в случае со школьницей, у которой было сильно развито чувственное восприятие через тактильный канал:

Никогда не забуду, как мы учили читать Вику. Девочке никак не давался даже алфавит. Захожу однажды в класс и вижу, как учитель после уроков крутит из газет огромные буквы. Вика потрогала их руками и просияла. С этого дня процесс обучения пошел на лад (С. Зонова, директор школы).

Третья роль, выполняемая сельскими учительницами, — это роль усыновителя. Спустя два-три года после первых усыновлений педагоги школы заслужили доверие отдела опеки аткарской администрации:

Первое время проверки у нас были одна за другой. Но постепенно страсти улеглись, контролирующие органы стали относиться к нам с доверием, и мы очень им за это благодарны (С. Зонова, директор школы).

В последние годы специалисты отдела опеки просят педагогов принять в их семьи брошенных детей уже не из приюта «Доброта», прекратившего свое существование за ненадобностью благодаря прокудинским учителям, а появляющихся у них на оперативном учете.

Обращаясь к изучению структуры повседневного мышления детей, мы исходили из того, что мир перед индивидуумом предстает в его собственном переживании и интерпретации. Чтобы понять настроение детей, был использован метод ассоциативного эксперимента. Не травмируя информантов назойливыми вопросами, мы провели исследование анонимно: просили ребят сравнить свое актуальное внутреннее состояние со временем года.

При изложении ассоциаций и мотивов выбора образа дети высказывались практически всегда только позитивно. Они сравнивали свое состояние с весной: «...на душе тепло, весело, меня окружают любящие меня люди. Весна — это расцвет, энергия, сила, процветание». Они сравнивали себя с летом, когда «красивая, интересная жизнь. Летом каждый день праздник». И все-таки, мы установили один случай негативных ассоциаций, когда на душе у ребенка бывает осень: «Это когда журналисты и СМИ приезжают к нам в школу и “достают” вопросом приемных детей “Как вам в семье?”. Или еще хуже, снимают нас и показывают по телевизору, что мы приемные дети».

В-четвертых, учителя выполняют роль защитника села. Прокудинская школа являлась для корреспондентов СМИ желанным ньюсмейкером, и журналисты были способны обмануть приемных родителей ради того, чтобы вызвать их на откровенный разговор. Их внимание было сфокусировано на сложностях личной жизни детей, а не на особенностях профессиональной деятельности учителей:

Чего только не писали про нас и не говорили. Что взяли мы детей ради денег, что это было шагом отчаяния во имя спасения работы. Просмаковали все страшные подробности из нелегкого детского прошлого, а ведь мы поделились ими по секрету. Представьте, каково это было читать нашим ребятам! Да спасти мы хотели не только себя, а все село, ведь деревня без школы обречена на гибель (С. Зонова, директор школы).

Если бы учителя не усыновили детей, то наступили бы негативные последствия. За короткий период времени школа лишилась бы статуса общеобразовательной, а со временем стала только начальной. Это привело бы к постепенному, но значительному сокращению штатных единиц учителей. Для сокращенных учителей было бы только два выхода: выезд из села с сохранением, по возможности, работы по профессии или отказ от профессии учителя, если продолжать жить в селе. Для прокудинских детей получение общего образования было бы возможно только при условии продолжения обучения в школах Аткарска либо Саратова с проживанием в арендуемой квартире без родителей, ранним взрослением или выездом из села семей, в которых есть дети школьного возраста.

Во время визита в Саратовскую область в сентябре 2012 г. премьер-министр Российской Федерации Д. Медведев посетил сельскую школу в Энгельском районе. Он отметил: «Школа современная, хорошая. Есть школа —

есть село, есть деревня. Нет школы — всё, конец, деревня умирает. Поэтому образовательные учреждения должны сохраняться, их оптимизация, которая идет, естественно, не может приводить к бездумному механическому сокращению так называемых малокомплектных школ» (цит. по: [1]). Этот вывод был сделан им спустя 10 лет после начала применения практики оптимизации школ в образовательной политике государства.

Каждую весну учителя и школьники села Прокудино сажают молодые березки на пришкольном участке. Многие деревца погибают, но из года в год люди пытаются вырастить новые:

Как-то один из моих учеников спросил: «Зачем сажать, если они все равно засохнут?» Я тогда ответила: «Одно погибнет, другое выживет. А если не будем сажать, то когда-нибудь в будущем останется вместо нашей рожи одно голое поле». Мальчик согласился и с двойным усердием принялся за работу. И я подумала, что через историю про эти березы можно посмотреть на всю нашу жизнь: с каждым годом все больше людей уезжает из деревень, все меньше детей остается в школах. Но в нашем селе не дадут деревцам зачахнуть, мы все равно будем растить свой сад (С. Зонова, директор школы).

Анализируя действия сельских учительниц, мы выявили четыре роли, которые они выполняют с целью предотвращения негативных последствий оптимизации школьной сети. Реализуя роли матери и коррекционного педагога, они смогли обеспечить условия для адаптации детей-сирот в школе посредством создания особой педагогической заботы в большой школьной семье. Самоотверженное исполнение ролей усыновителей и защитников села позволило сельским учительницам сохранить свою профессиональную занятость и предотвратить постепенное угасание села из-за потенциальной угрозы ликвидации школы в Прокудине.

Библиографический список

1. *Горевая И.* Дмитрий Медведев : «Живет школа — живет село» // Наше слово. 2012. № 96. С. 1—2.
2. *Каримов Р. Ю., Борисенко Н. В.* Наша сельская школа // Народное образование. 2011. № 5. С. 62—66.
3. *Константиновский Д. Л.* Неравенство и образование : опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы — начало 2000-х). М. : ЦСП, 2008. 552 с.
4. *Кузин А.* Школу удочерили // Российская газета-неделя : Волга — Урал : интернет-изд. 2012. 22 февр. URL: <http://www.rg.ru/2012/02/22/reg-pfo/shkola.html> (дата обращения: 08.04.2012).
5. *Куликов А., Саванкова Н.* Большая разница // Российская газета-неделя : интернет-изд. 2009. 22 окт. URL: <http://www.rg.ru/2009/10/22/eksperimenty.html> (дата обращения: 08.04.2012).
6. *Масанова М.* Роль женщин из непривилегированных сословий в становлении института начального образования в земской России в 70—80-е гг. XIX века // Вариации на тему гендера : материалы III межвуз. конф. молодых исследователей «Гендерные отношения в современном российском обществе». СПб. : Алетей, 2004. С. 47—52.

7. Паутова Л. А. Ассоциативный эксперимент: опыт социологического применения // Социология: 4М. 2007. № 24. С. 149—168.
8. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Методы прикладных социальных исследований. М. : Вариант : ЦСПГИ, 2008. 215 с.
9. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Мир профессий: пересмотр аналитических перспектив // Социол. исслед. 2009. № 8. С. 25—35.
10. Харитонова Т. Женщины в образовании: привилегированное положение или дискриминация? // Вариации на тему гендера : материалы III межвуз. конф. молодых исследователей «Гендерные отношения в современном российском обществе». СПб. : Алетейя, 2004. С. 43—47.
11. Чиликова Л. Власти Ульяновской области опубликуют программу оптимизации школ // Российский образовательный портал Минобрнауки РФ. 2010. URL: http://www.school.edu.ru/news.asp?ob_no=76197 (дата обращения: 08.04.2012).
12. Юинг Е. Т. Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. М. : РОССПЭН : Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2011. 360 с.
13. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. М. : Омега-Л, 2011. 567 с.
14. Soure T. Is school network optimization an opportunity for education in transition countries // Free Forum for Research on Eastern Europe and Emerging Economies. 2011. Nov., 7. URL: <http://freepolicybriefs.org/2011/11/07/is-school-network-optimization-an-opportunity-for-education-in-transition-countries/> (дата обращения: 08.04.2012).
15. Randall A. E. Legitimizing Soviet Trade: gender and the feminization of the retail workforce in the Soviet 1930s // J. of Social History. 2004. Vol. 37, № 4. P. 965—990.

ББК 74.200.3

А. В. Микляева

ГЕНДЕРНЫЕ ТРАЕКТОРИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПУТИ УЧИТЕЛЯ: ВЗГЛЯД УЧЕНИКОВ

Проблемы гендерных отношений весьма популярны в современной психологии, в том числе в исследованиях, посвященных педагогическому взаимодействию. Достаточно известными являются работы, в которых обсуждаются как общеметодологические проблемы гендерного подхода в образовании (см., напр.: [3, 8, 14, 15]), так и более локальные вопросы гендерной экспертизы образования (см., напр.: [1, 5, 13]), гендерных аспектов учительского труда (см., напр.: [9, 11]), гендерной социализации учащихся в образовательной среде (см., напр.: [4, 16]), гендерной дифференциации обучения и воспитания (см., напр.: [2, 12]). К настоящему моменту накоплен богатый теоретический и эмпирический материал, позволяющий охарактеризовать различные аспекты гендерных отношений в педагогической сфере: гендерные стереотипы, установки, практи-

ки взаимодействия и т. д. Однако акценты в подобных исследованиях зачастую обусловлены характером педагогической профессии, которая традиционно рассматривается как женская, что создает условия для определенной тенденциозности в описании полученных данных, концентрации внимания на фигуре учительницы. Тем не менее, по данным Госкомстата России, на сегодняшний день мужчины-учителя составляют около 10 % от общей численности педагогических коллективов учреждений среднего образования, что определяет необходимость изучения не только женского, но и мужского профессионального педагогического пути.

Профессиональный путь человека неразрывно связан с возрастным процессом: профессионализация представляет собой один из значимых аспектов взросления, профессиональная деятельность составляет один из ключевых аспектов социальной роли взрослого человека, утрата профессионального статуса является одним из маркеров этапа поздней зрелости. Соотнося возрастной процесс с этапами профессионального пути, выделенными Сьюпером (см.: [6, с. 714]), можно отметить, что этап «профессионального исследования» в большинстве случаев сопоставим с юношеским возрастом, этап «упрочения карьеры» — с периодом взрослости, этап «сохранения достигнутого» — с периодом зрелости, этап «спада» — с периодом поздней зрелости. В целом профессиональное развитие личности может рассматриваться как сложное явление, происходящее в определенном социокультурном контексте и взаимосвязанное с общими закономерностями возрастного развития.

Приведенные выше рассуждения позволяют утверждать, что профессиональный педагогический путь, помимо собственно профессиональных, а также гендерных отношений, оказывается опосредованным возрастными отношениями.

Однако очевидно, что данные виды отношений в реальной практике взаимодействия людей не существуют в чистом виде, сами по себе, а тесно переплетаются друг с другом, а также с другими видами социальных отношений. Необходимо отметить, что эти связи на сегодняшний день изучены весьма фрагментарно. В данной статье рассматриваются взаимосвязи гендерных и возрастных отношений (причем последние, наряду с гендерными, понимаются как разновидность социальных отношений) в пространстве профессиональных отношений, конкретизированных на материале педагогической деятельности, в контексте проблемы социальной перцепции.

Анализ отечественных и зарубежных исследований, посвященных проблемам социальной перцепции, позволяет утверждать, что в основе восприятия людьми друг друга лежат не статусно-ролевые характеристики людей как представителей отдельных социальных групп (т. е. в нашем контексте гендерных и возрастных групп самих по себе), а целая совокупность статусов и ролей, наиболее типичных для представителей данной профессиональной группы. Результаты, полученные в исследовании М. Е. Кайт, Дж. Стокдейла, Дж. Уитли и Б. Т. Джонсона, показывают, что интерпретация человека осуществляется на основе всех его социальных ролей в комплексе и появление у воспринимающего субъекта даже минимальной дополнительной информации, типа сведений о семейном положении или состоянии здоровья партнера по взаимодействию, приводит к изменению приписываемых ему характеристик [18].

В зарубежных социально-психологических исследованиях было установлено наличие тесной взаимосвязи между гендерной, профессиональной и возрастной стереотипизацией в процессах восприятия людьми друг друга. Для нашего исследования особенно значимыми являются данные, полученные М. Е. Кайт, К. Декс и М. Майли, согласно которым возраст имеет различное социальное значение для женщин и мужчин, причем соотношение возрастных и гендерных стереотипов варьируется в зависимости от конкретного социального, в том числе профессионального, контекста [21]. Ранее в исследованиях Ф. М. Дойча, С. М. Заленски и М. Е. Кларк было показано, что существует двойной стандарт оценки старения: считается, что женская женственность с возрастом снижается, тогда как мужская мужественность не зависит от возраста [20]. В работе С. Сонтаг [23] было выдвинуто предположение, позже эмпирически подтвержденное С. Арбером и Дж. Гинном, о том, что мужская хронология зависит от профессионального статуса, который с течением времени может расти, а возрастная идентификация женщины определяется в терминах событий в репродуктивном цикле и привлекательности, имеющих обратную тенденцию [17]. Именно поэтому женщины в целом раньше, чем мужчины, начинают идентифицировать себя с возрастной группой пожилых людей [22], однако при этом более, чем мужчины, склонны к итерации [19].

Аналогичные данные были получены и в отечественных психологических исследованиях. В частности, Е. Л. Солдатова выявила значительное совпадение стереотипных представлений о мужчинах и женщинах одного возраста. Однако в стереотипном содержании представлений о возрастных особенностях мужчин теснее всего коррелируют периоды молодости и зрелости, тогда как аналогичные результаты относительно женщин объединяют этапы средней зрелости и старости. Автор исследования объясняет выявленные особенности различными задачами развития, которые решают мужчины и женщины, находясь на одном и том же этапе жизненного пути [10]. Нам представляется, что эту интерпретацию можно дополнить, предположив, что выявленные различия характеризуют двойные стандарты взросления и старения, а также двойные стандарты профессионального пути, существующие для мужчин и женщин в российском обществе.

Таким образом, гендерные и возрастные отношения с очевидностью опосредуют профессиональный путь личности, создавая предпосылки для формирования двойных стандартов профессионального пути мужчины и женщины. Важную роль в этом процессе играют механизмы социальной категоризации. Социальная категоризация видоизменяет основу социальной перцепции таким образом, что люди воспринимаются не по своим уникальным индивидуальным характеристикам, а по разделяемым группой людей признакам данной социальной категории. Благодаря социальной категоризации человек получает возможность относить себя и окружающих к тем или иным социальным группам, акцентировать различия между ними и смягчать различия внутри групп на основе стереотипно приписываемых этим группам (в нашем случае профессиональным, гендерным и возрастным) характеристик.

Итак, представленные в литературе данные позволяют утверждать, что гендерная стереотипизация не может рассматриваться изолированно от других содержательных контекстов социальной перцепции, в частности профессио-

нального и возрастного. Однако непроявленным остается вопрос о том, каким образом меняется характер этих связей по мере реализации мужчинами и женщинами собственного профессионального пути, в частности в аспекте их восприятия другими людьми.

Можно предположить, что описанные выше тенденции наиболее ярко будут проявляться в тех видах профессионального взаимодействия, которые традиционно «нагружены» возрастным и гендерным содержанием. В частности, это характерно для педагогического взаимодействия, в котором, с одной стороны, значимую роль играет стереотипное представление о «женском характере» педагогической профессии и, с другой — выражен аспект возрастных отношений, обусловленный асимметрией возрастных ролей учителя и учеников.

Сказанное выше определило цель нашего исследования, которой стало выявление особенностей гендерной и возрастной стереотипизации в процессах восприятия педагогов подростками*. Для получения максимально яркой характеристики интересующего нас феномена контекстом социальной категоризации была выбрана ситуация формирования первого впечатления, когда, как известно, социальные стереотипы играют в процессах восприятия людьми друг друга особенно значимую роль.

В качестве основного метода исследования был использован метод эксперимента. Испытуемые были случайным образом разбиты на подгруппы, уравненные по формально-демографическим характеристикам. Основная часть исследования проводилась индивидуально. Испытуемому последовательно предъявлялись размытые фотографии женщины и мужчины. Перед предъявлением фотографий испытуемому давалась инструкция следующего содержания: «Это портрет учителя. Ему чуть больше 20 (50) лет. Опиши то, что ты видишь». Цифры, обозначающие возраст персонажа, в разных группах варьировались. Таким образом, испытуемые в обеих группах давали характеристику одним и тем же фотографиям, персонажи которых, однако, инструкцией относились к разным возрастным категориям — «молодой учитель» и «пожилой учитель».

После предъявления каждой фотографии испытуемый устно отвечал на вопросы экспериментатора, касающиеся персонажа, изображенного на фотографии (ответы на вопросы интервью фиксировались на диктофон):

- Как ты думаешь, что это за человек?
- Какой у него характер?
- Как он себя ведет?
- Как он общается с учениками?
- Насколько комфортно у него на уроке? Почему?

Данные, полученные с помощью интервью, в дальнейшем подвергались контент-анализу по эмпирически выделенным категориям. Сопоставление показателей осуществлялось с помощью углового преобразования Фишера.

В исследовании приняли участие 58 подростков 13—15 лет — учащихся 8—10 классов общеобразовательных школ Санкт-Петербурга, в их числе 34 девочки и 24 мальчика.

* В исследовании принимали участие студенты психолого-педагогического факультета РГПУ им. А. И. Герцена. Материалы публикуются с их согласия.

Результаты исследования позволили выделить учебные дисциплины, которые ассоциируются у подростков с педагогом-женщиной и педагогом-мужчиной. С женщиной-педагогом связан весь спектр «основных» учебных предметов, прежде всего русский язык и литература (37 % от общего числа ассоциаций), история (14 %), ИЗО (11 %), иностранный язык (7 %). Такие предметы, как математика (5 %), химия (5 %), физика (2 %) и биология (2 %), также были приписаны подростками только педагогам-женщинам, однако их упоминания встречались значительно реже. Типично «мужскими» в этой связи подростки назвали предметы, традиционно воспринимаемые как «второстепенные»: физкультуру (57 %), информатику (11 %), ОБЖ (10 %). При этом специфики ответов, связанной с возрастом персонажей фотографий, выявлено не было.

Эти результаты позволяют предполагать, что содержательная сторона деятельности педагога со стороны учащихся в большей степени подвергается гендерной стереотипизации, чем возрастной. С одной стороны, в подростковых ответах воспроизводится представление о том, что педагог — это типично женская профессия, именно женщина в условиях школы несет основную нагрузку по выполнению образовательных функций. С другой стороны, прослеживается и традиционная тенденция связывать женщину с гуманитарными областями знания в противовес естественно-научным: несмотря на то что ни у одного из опрошенных подростков фотографии мужчин-педагогов не ассоциировались с преподаванием «основных» дисциплин физико-математического цикла, женщинам-педагогам эти дисциплины тоже практически не приписывались.

Если содержательные аспекты взаимодействия с педагогом в большей степени находятся под влиянием гендерных стереотипов, свойственных учащимся, то операциональная сторона оказывается стереотипизированной не только по гендерному признаку, но и по признаку возраста педагога (табл. 1).

Таблица 1

**Стили взаимодействия с учащимися, приписываемые учителям
разного возраста (по результатам контент-анализа)**

Категория контент-анализа	Частота встречаемости категории (n = 152)			
	Учитель — молодая женщина	Учитель — пожилая женщина	Учитель — молодой мужчина	Учитель — пожилой мужчина
Демократический стиль взаимодействия	0,76	0,51	0,31	0,33
Авторитарный стиль взаимодействия	0,18	0,34	0,49	—
Либеральный стиль взаимодействия	0,06	0,15	0,2	0,67

Молодой учительнице, в сравнении с пожилой, учащиеся достоверно чаще приписывают демократический стиль взаимодействия (критерий χ^2 , $\alpha \leq 0,05$), ожидая от нее, таким образом, выбора позиции «на равных», паритетных отношений, симметрии прав и обязанностей. От пожилой учительницы, наряду с демократическим стилем взаимодействия, довольно ощутимо ожидаются про-

явления авторитарности (различие на уровне тенденций), доминирования во взаимодействии с учениками.

Молодой мужчина-учитель, напротив, ассоциируется у учащихся преимущественно с проявлениями авторитаризма во взаимодействии, жестким контролем над происходящим. Однако по мере «взросления» мужчина-учитель превращается в либерального педагога. Для пожилого мужчины-учителя наиболее вероятным оказывается, по мнению испытуемых, именно либеральный стиль руководства (критерий ϕ^* , $\alpha \leq 0,01$), дистанцирование от учеников.

Таким образом, стереотипные образы профессионального пути педагога-мужчины и педагога-женщины в восприятии учащихся существенно различаются: траектория женского профессионального педагогического пути разворачивается в направлении от демократичности к авторитарности, тогда как мужского — от авторитарности к либеральности.

Обозначенная тенденция отчетливо проявляется и при более детальном анализе характеристик педагогов, которые те, по мнению учащихся, проявляют во взаимодействии с ними (табл. 2).

Таблица 2

Характеристики, демонстрируемые в педагогическом взаимодействии, которые приписываются педагогам разного возраста (по результатам контент-анализа)

Категория контент-анализа	Частота встречаемости категории (n = 209)			
	Учитель — молодая женщина	Учитель — пожилая женщина	Учитель — молодой мужчина	Учитель — пожилой мужчина
Строгость, требовательность	0,18	0,15	0,33	0,32
Доброта, понимание, забота	0,24	0,14	0,05	0,21
Веселость, чувство юмора	0,01	0,03	0,07	0,09
Спокойствие, выдержка	0,13	0,25	0,08	0,03
Профессионализм, компетентность	0,14	0,4	0,13	0,07
Заинтересованность, любовь к работе	0,09	0,04	0,03	—
Справедливость, объективность	0,03	—	0,05	0,12
Общительность	0,06	0,01	0,13	—

Мужчины-педагоги в среднем описываются как более строгие, требовательные и несдержанные, но одновременно более веселые и общительные, чем педагоги-женщины. Женщины-педагоги, напротив, в описаниях подростков на фоне педагогов-мужчин выглядят более спокойными, выдержанными, заинтересованными в работе.

Однако ярче всего гендерная специфика стереотипизации восприятия учащимися педагогов проявляется при сопоставлении характеристик взаимодействия, приписываемых педагогам разных возрастов. Профессиональное взросление женщины-педагога, по мнению учащихся, сопровождается сниже-

нием способности понимать ученика и заботиться о нем, постепенной утратой интереса к собственной работе на фоне нарастания выдержки. Мужчины, напротив, движутся по пути к большему пониманию, заботе и доброте во взаимодействии с учащимися, в то время как их способности к самоконтролю в общении постепенно снижаются. При этом в обоих случаях подростки склонны считать, что с возрастом любой учитель, независимо от пола, растрчивает свой профессионализм, теряет компетентность, а также исходный уровень коммуникативных способностей.

В целом можно констатировать, что в ответах подростков воспроизводится содержание стереотипов маскулинности и фемининности в контексте закономерностей педагогического взаимодействия. Можно предполагать, что профессиональный путь педагога-мужчины в восприятии подростков сопряжен с его феминизацией, тогда как изменения, происходящие с педагогами-женщинами, не ассоциируются с их маскулинизацией, напоминая скорее проявления эмоционального выгорания. По всей вероятности, профессиональная педагогическая деятельность расценивается подростками как типично женская, что накладывает отпечаток прежде всего на восприятие педагогов-мужчин.

При этом, помимо гендерного, значимым оказывается возрастной аспект профессионализации, характеризующий ее временную динамику. В восприятии педагогов-мужчин в большей степени, чем в восприятии педагогов-женщин, прослеживаются взаимосвязи с распространенными стереотипами взросления и старения (см., напр.: [7]), их траектория профессионального пути в большей степени опосредована эффектами возрастных отношений. В восприятии педагогов-женщин влияния возрастных стереотипов в целом не прослеживается. Утрируя, можно сказать, что профессиональный путь женщины-педагога сопровождается в глазах ее учеников размыванием гендерных и возрастных характеристик, основным ориентиром для социальной категоризации остается ее профессиональная роль. Этого эффекта не наблюдается в восприятии подростками педагогов-мужчин, в процессе которого происходит трансформация приписываемых им гендерных характеристик на фоне традиционного содержания возрастной стереотипизации.

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Для профессионального педагогического взаимодействия характерна тесная связь гендерной категоризации с категоризацией по возрастному признаку, что проявляется в существовании двойных стандартов профессионализации педагогов-мужчин и педагогов-женщин.

2. Содержательная сторона профессиональной деятельности педагогов в большей степени подвергается гендерной стереотипизации, чем возрастной.

3. Траектории мужского и женского профессионального педагогического пути в восприятии подростков различаются, что, судя по всему, опосредовано представлением об учительстве как женской профессии: женский профессиональный педагогический путь разворачивается в контексте накопления признаков эмоционального выгорания, в то время как для мужчины-педагога профессиональный путь сопряжен с нарастающей феминизацией способов взаимодействия с учащимися.

4. В восприятии подростками траекторий профессионального пути педагогов-женщин и педагогов-мужчин наблюдаются сложные взаимосвязи эффектов гендерных отношений с другими аспектами отношений между людьми, в частности возрастными.

В заключение необходимо отметить, что проведенное исследование демонстрирует важность изучения гендерных отношений (так же как и любого другого вида социальных отношений) не изолированно, а во взаимосвязи с другими аспектами взаимоотношений людей для более полного понимания закономерностей их функционирования.

Библиографический список

1. Гендерная экспертиза учебников для высшей школы / под ред. О. А. Ворониной. М. : МЦГИ : Солтэкс, 2005. 260 с.
2. *Еремеева В. Д.* Мальчики и девочки : учить по-разному, любить по-разному : нейропедагогика — учителям, воспитателям, родителям, школьным психологам. Самара : Учеб. лит. : Федоров, 2007. 157 с.
3. *Ерофеева Н. Ю.* Основные категории гендерной педагогики // Вестник Удмурт. ун-та. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2009. Вып. 2. С. 85—102.
4. *Клёцина И. С.* Гендерная социализация. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. 92 с.
5. *Котлова Т. Б., Смирнова А. В.* Гендерные стереотипы в учебниках начальной школы // Женщина в российском обществе. 2001. № 3/4. С. 53—61.
6. *Крайг Г.* Психология развития. СПб. : Питер, 2000. 992 с.
7. *Краснова О. В., Лидерс А. Г.* Социальная психология старости. М. : Академия, 2002. 228 с.
8. *Окулова Л. П.* Гендер в системе отечественного образования // Грани познания : электрон. науч.-образоват. журнал. 2010. № 2. URL: <http://www.grani.vspu.ru/jurnal/7> (дата обращения: 01.03.2013).
9. *Омельченко Е. Л.* Стилиевые стратегии занятости и их гендерные особенности // Социол. исслед. 2002. № 11. С. 36—47.
10. *Солдатова Е. Л.* Нормативные кризисы развития личности взрослого человека : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Екатеринбург, 2007. 43 с.
11. *Чекалина А. А.* Учитель как личность и профессионал: гендерный анализ. М. : Экон-Информ, 2010. 194 с.
12. *Шелухина И. П.* Мальчики и девочки : дифференцированный подход к воспитанию детей старшего дошкольного возраста. М. : ТЦ «Сфера», 2006. 96 с.
13. *Штылёва Л. В.* Методические аспекты гендерной экспертизы образовательных программ и пособий // Гендерный подход в дошкольной педагогике: теория и практика. Мурманск : ОУ КРЦДО и РЖ, 2001. Ч. 2. С. 70—73.
14. *Юкина И. И.* Гендерное образование в России: состояние вопроса // Пол и гендер в науках о человеке и обществе / под ред. В. Успенской. Тверь : Феминист-Пресс, 2005. С. 9—14.
15. *Юсупова М. В.* Образование в гендерном измерении // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2010. Т. 12, № 5. С. 90—91.
16. *Ярская-Смирнова Е. Р.* Гендерная социализация в системе образования: скрытый учебный план // Одежда для Адама и Евы : очерки гендерных исследований. Саратов : Сарат. гос. техн. ун-т : Центр соц. политики и гендер. исслед. ; М. : ИНИОН РАН, 2001. С. 93—110.

17. *Arber S., Ginn J.* Gender and Later Life: a Sociological Analysis of Resources and Constraints. Sage ; Newbury Park (CA), 1991. 136 p.
18. Attitudes toward younger and older adults: an updated meta-analytic review / M. E. Kite, G. D. Stockdale, Jr. B. E. Whitley, B. T. Johnson // *J. of Social Issues*. 2005. Vol. 61, № 2. P. 241—266.
19. *Barrett A. E.* Gendered experiences in midlife : implications for age identity // *J. of Aging Studies*. 2005. Vol. 19, № 2. P. 163—183.
20. *Deutsch F. M., Zalensk C. M., Clark M. E.* Is there a double standard of aging? // *J. of Applied Social Psychology*. 1986. № 16. P. 771—785.
21. *Kite M. E., Deaux K., Miele M.* Stereotypes of young and old: does age outweigh gender? // *Psychology and Aging*. 1991. Vol. 6, № 1. P. 19—27.
22. *Seccombe K., Ishii-Kuntz M.* Perceptions of problems associated with aging : comparisons among four older age cohorts // *The Gerontologist*. 1991. Vol. 31. P. 527—533.
23. *Sontag S.* The double standard of aging // *Saturday Rev*. 1972. Vol. 55. P. 29—38.

ББК 60.524.222.24+65.240.593

Ж. В. Петрова

**ДИСКРИМИНАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ
ПЕНСИОНЕРОВ ПО ВОЗРАСТУ
В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТРУДОВОЙ СФЕРЕ
КАК ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ**

Глобальные трансформационные процессы, происходящие в рамках масштабного демографического старения населения, конструируют гендерные отношения взаимозависимости развития общества в целом с социализацией, идентификацией, социальным статусом женщин и мужчин. Перспектива демографических изменений, увеличивающаяся гендерная диспропорциональность и асимметричность выступают факторами социально-экономического риска, требуют кардинального пересмотра возможностей женщин и мужчин с учетом возрастного ценза, уровня образования, социального положения, в том числе и в профессионально-деловой сфере.

Традиционно объектом анализа служат здоровье и трудоспособность пожилых людей, их отношение к труду и социальная активность после выхода на пенсию. Отметим, что в нынешних российских условиях наблюдается значительное сокращение практик использования трудового потенциала пожилых людей, их возможностей участвовать в общепризнанном и приемлемом для них образе жизни [1, с. 26]. При этом вопрос об определении места пожилых людей в структуре современного общества так и остается открытым.

Трудовой кодекс Российской Федерации и многочисленные законы, призванные регулировать социально-трудовые отношения, по-прежнему неостребованы большинством взаимодействующих субъектов. Работодатели очень часто дистанцируются от профессионального партнерства с представителями третьего возраста, государство не укрепляет свои позиции в повышении эффективности социально-трудовых отношений. С точки зрения законодательного обеспечения развития профессионально-трудовых отношений наемная рабочая сила до сих пор продолжает функционировать в рамках несовершенной нормативно-правовой базы. Трудовой кодекс, являясь в определенной степени базовым документом, тем не менее, не отражает интересов представителей предпенсионного и пенсионного возрастов.

Выделить пенсионеров как особую социальную группу можно только относительно, т. к. в большинстве своем после выхода на пенсию люди вынуждены продолжать профессионально-трудовую деятельность. Таким образом, на этом этапе органическая связь с трудоспособным обществом на различных его уровнях не прекращается.

Увеличение численности пожилых людей, объективные требования социально-экономического развития Российской Федерации определяют необходимость использования трудового потенциала пожилых граждан, создания благоприятных гибких условий для удовлетворения индивидуальной и групповой потребности в пролонгировании профессионально-трудовой деятельности в самых разных ее отраслях. Сотрудники третьего возраста — это та социальная группа, которая имеет возможность внести свой вклад в развитие различных сфер современного общества. Одна из первостепенных задач социальной политики государства, заключающаяся в обеспечении условий, которые способствуют пролонгированию профессиональной деятельности, преодолению дискриминационных по полу и возрасту практик социального исключения из профессионально-деловой среды, так и остается нерешенной.

Неостребованность пенсионеров по возрасту на рынке труда связана и с традиционными для России институционализированными гендерными отношениями, в которых представители третьего возраста (в особенности женщины) рассматриваются в качестве домохозяйственного резерва, призванного выполнять функции по созданию домашнего уюта и воспитанию внуков. Конструируемые образы женщин и мужчин закрепляются гендерными границами социальных норм, в рамках которых воспроизводится ожидаемое социальное поведение.

Результат проявляется в наличии новых видов социальной эксклюзии, незащищенности гендерно-геронтологических групп. Стратификационные свойства выражаются в феминизации бедности, незащищенности социально-экономических прав женщин, большей дискриминации их в профессионально-деловой сфере.

Сложившаяся иерархия не учитывает реального баланса общественных сил, новых социальных ролей мужчин и женщин, не позволяет скорректировать социальную ориентацию развития общества, реализовать его демократические ресурсы [3, с. 21]. Наибольшая опасность оказаться в ситуации социальной напряженности существует именно для женщин, т. к. общественное мнение

ориентировано на постпенсионное возвращение женщины как хранительницы домашнего очага в семью (порой не учитывая, что ее нет), мужчина же в массовом сознании продолжает ассоциироваться с образом добытчика и кормильца. Спектр трудовой занятости для женщин значительно сужается вследствие физической невозможности выполнения определенных видов труда. Главная проблема представителей третьего возраста — не востребованность, ощущение собственной ненужности в профессиональной среде, т. к. момент перехода из одной жизненной ситуации существования к другой не может быть чисто формальным и не затронуть внутренний мир человека.

При этом мужчины и женщины в силу целого ряда причин как биологического, так и социально-экономического характера оказываются в неравном положении. Гендерное неравенство в профессионально-деловом пространстве укрепляется на фоне рассогласованности и противоречивости формальных и неформальных практик, слабости институтов, обеспечивающих социальный контроль.

Как правило, женщины гораздо чаще мужчин заняты на работах, отличающихся незначительными возможностями карьерного продвижения, невысокой заработной платой и нестабильностью с точки зрения занятости. Существует дискриминация «женских отраслей» и «женских профессий» по уровню оплаты труда. В последние годы наблюдается сконцентрированность женщин в наименее оплачиваемых отраслях экономики и увеличение разрыва в средней заработной плате мужчин и женщин. По данным различных исследований, средний доход работающей женщины составляет лишь 60 % от суммы, которую получает мужчина, что свидетельствует о том, что реформы, упразднившие какие-либо ограничения, кроме установленных рыночных, способствовали повышению ценности мужских профессий на современном рынке труда. Результатом явилось вытеснение женщин во вторичный сектор занятости, затруднение перехода в первичный сектор, характеризующийся высокой оплатой, стабильностью занятости, благоприятными условиями труда, перспективами карьерного роста. Неблагоприятное положение женщин в профессионально-трудовой сфере проявляется в ухудшении качественных параметров женской занятости. Женщины вынуждены не просто менять в массовом порядке свой социальный и профессиональный статус, но и в большинстве случаев его снижать, ориентируясь, как правило, на формы занятости, не требующие ни образования и квалификации, ни накопленных профессиональных знаний. Отрицательными последствиями этого являются снижение жизненного уровня и социально-экономическая незащищенность женщин пенсионного возраста. Основные причины бедности данной категории населения связаны с экономической сферой и обусловлены недостаточностью размеров трудовых и социальных пенсий. Это способствует тому, что после выхода на пенсию женщины становятся зависимыми от родственников и близких людей, выполняя роли нянечек, гувернанток и другие функции неоплачиваемого домашнего труда в собственной семье, не принимая при этом жизненно важных решений.

Угнетенное положение женщин предпенсионного и пенсионного возрастов, зависимое от социальной политики государства в целом и от устоявшихся стереотипов современных работодателей в частности, транслируют результаты проведенного автором социологического исследования в г. Саратове. В качест-

ве метода сбора данных использовалось глубинное интервью с применением целевой выборки (выбирались респонденты, представляющие информационно значимые случаи, о которых имелась предварительная информация); проинтервьюировано 15 респондентов. Целью проведенного исследования было выявление гендерной специфики проблем, с которыми сталкиваются женщины предпенсионного и пенсионного возрастов в случае пролонгирования профессионально-трудовой деятельности.

Анализ глубинных интервью позволил выделить следующие группы проблем.

1. Отказ в продолжении профессионального сотрудничества или в трудоустройстве при достижении сотрудником или соискателем пенсионного возраста. Это одна из первых, преобладающих проблем, о которой высказывались респонденты. Практики «добровольного» ухода на пенсию были выявлены как в бюджетных, так и в коммерческих предприятиях.

Для более детального анализа данной проблемы обратимся к фрагменту следующего интервью:

Сейчас мне 54 года и работаю я последний год, этого от меня никто не скрывает. А говорить мне об этом стали, еще когда мне 52 было. Вот и ждут до сих пор, когда я им место освобожу (женщина, 54 года, младший медицинский сотрудник).

Параллельный пример приводит в своем интервью и другой респондент:

Я на этом предприятии всю свою жизнь проработала, еще девчонкой сюда пришла <...> Через несколько месяцев тут и закончится моя трудовая деятельность — на пенсию я ухожу. Была бы возможность, я бы и дальше работала, но тут так не принято, все уходит, а значит, и для меня исключения не сделают (женщина, 54 года, сотрудница швейной фабрики).

Общим, объединяющим звеном для респондентов, отнесенных к данной группе, является их готовность, даже несмотря на некоторое внутреннее сопротивление, к прекращению профессиональной деятельности на предприятии. Подобная позиция смирения лишь подчеркивает незащищенность представительниц третьего возраста, недостаточность компонентов влияния сфер социальной политики на эту группу.

Пенсия, которую мне установят после прекращения трудовой деятельности, будет намного меньше моей нынешней зарплаты, и большая ее часть будет уходить на погашение счетов за коммунальные услуги. На какие средства мне жить и как дальше существовать, я просто не представляю. Пробовала искать новую работу <...> на подходящие вакансии меня не берут... (женщина, 54 года, сотрудник дошкольного общеобразовательного учреждения).

Необходимо подчеркнуть, что отказ в приеме на работу или в продолжении профессионального сотрудничества со ссылкой на возраст является неправомерным и дискриминирующим, за исключением тех случаев, в которых непосредственно содержатся требования к возрасту кандидата на ту или иную должность, закрепленные законодательством Российской Федерации.

Итог социально-политических и экономических реформ, проведенных в условиях системного кризиса, проявился в непредсказуемых негативных, а порою даже разрушительных для существующих социальных норм и установок

последствиях. В обществе все большую ценность приобретают молодость и экстремизм, а накопленный годами профессиональный опыт, точность, предусмотрительность уступают им место. Если раньше человек, подходящий к пенсионному возрасту или достигший его, был уверен в завтрашнем дне, то в настоящий момент складывается совершенно другая ситуация. Временные и постоянные дезориентации, связанные со сменой социального статуса (самообеспечивающий человек становится полностью зависимым от государства — государственных пенсий и пособий), приводят к заметным экономическим утратам и для экономики страны, общества как социального института, и для каждого конкретного представителя третьего возраста.

2. Возрастная конкуренция на предприятии при пролонгировании профессионально-трудовой деятельности. Интересным моментом, характерным для женской когорты, стало наличие конкуренции между представительницами разных возрастных групп. Целый спектр профессий, таких как диктор телевидения, переводчик, секретарь-референт, стюардесса и другие, требуют наличия ярких внешних данных, которые с возрастом изменяются. Опасения понижения визуального статуса, трансформации внешнего вида, боязнь утраты привлекательности свойственна всей женской половине населения, что является одной из явных или скрытых причин конкуренции на предприятиях. Об этом свидетельствуют данные проведенного интервью:

Работа по моей профессии обязывает меня постоянно за собой следить. Я стараюсь ей соответствовать и знаю, что имею огромный опыт в проведении деловых переговоров и великолепное знание трех иностранных языков, но новые молодые сотрудницы, даже не имея всего этого, меня обходят. И только за счет их возраста и внешности <...> Последнее время меня даже и в командировки не отправляют. Внешний облик ценится выше профессиональных качеств и навыков (женщина, 51 год, сотрудник коммерческой фирмы).

Утрата внешней привлекательности ограничивает сферы профессиональной деятельности и усиливает конкуренцию в большей степени среди женской части населения (если ранее женщина работала секретарем в офисе, продавцом-консультантом в фирменном магазине, то с наступлением пенсионного возраста данная профессия становится для нее недоступной), возникает необходимость смены профессионального вида деятельности на труд непрестижный и низкооплачиваемый.

Подобную ситуацию описывает и высказывание респондента — руководителя одной из коммерческих фирм г. Саратова. Фрагмент из приведенного интервью наглядно демонстрирует, что даже при наличии профессионального опыта, свойственного работницам третьего возраста, предпочтение при приеме на работу отдается более привлекательным молодым сотрудницам:

На моем предприятии секретарю знание каких-либо особых компьютерных программ необязательно (эти профессиональные обязанности выполняют специальные сотрудники). Работа секретаря несложная и включает в себя ответы на поступающие телефонные звонки, составление расписания деловых встреч и совещаний, просмотр поступающей информации. Бесспорно, с подобной работой в силах справиться любая сотрудница. Но на этой должности мне хотелось бы видеть девушку 23... максимум 28 лет (мужчина, 45 лет, директор коммерческой фирмы).

Работодатель не отрицает того, что с указанными обязанностями вполне могла бы справиться и женщина старшего возраста. Подобное высказывание респондента свидетельствует о наличии элементов дискриминационной кадровой политики, проводимой по отношению к представительницам третьего возраста. Достижение определенного хронологического порога, утрата привлекательности создают при этом дополнительный барьер для продолжения профессиональной деятельности; закономерным и ожидаемым является отказ женщинам при попытках вновь трудоустроиться. Несовершенство законодательных актов, возможность их двоякого толкования позволяют работодателям обходить существующие законы и находить причины отказа претендентам на вакансии.

3. Практики притеснения, гендерного эйджизма по отношению к сотрудницам предпенсионного возраста. Данные практики встречаются достаточно часто на предприятиях различных форм собственности и касаются и мужчин и женщин почти в равной степени. Однако женщины оказываются в более угнетенном положении в связи с тем, что им сложнее, чем мужчинам, адаптироваться к изменившимся условиям труда, ухудшению морально-психологического климата в коллективе; они в большей степени восприимчивы к моральному прессингу со стороны руководства.

Приведем следующий фрагмент интервью:

Я долгое время работала корректором в этой организации. Я люблю свою работу и всегда с ней справлялась. Но сейчас работать стало практически невозможно. Объемы текстов, требующих корректировки, постоянно увеличиваются. А вычитать порядка пятисот листов даже за целые сутки невозможно. <...> ...Невыполнение объема работы руководство связывает с моим возрастом, но я понимаю истинную причину (женщина, 54 года, сотрудник издательства).

О наличии дискриминационных практик на предприятии свидетельствует и другой фрагмент интервью:

Мой стаж работы в должности бухгалтера составляет 27 лет. Думаю, это немало. Тем не менее работу, выполненную мною, всегда тщательно проверяют. К остальным сотрудницам отношение более лояльное, а я... у меня такое ощущение, что я работаю до первой ошибки (женщина, 52 года, сотрудник коммерческой фирмы).

Дискриминация по возрастному признаку на практике выражается в унижающем отношении, возникающем вследствие предвзятого мнения о человеке на основе его хронологических характеристик. Пожилые люди, в особенности пожилые женщины, позиционируются при этом как зависимые и потому легко уязвимые. Работодателями на предприятиях создается атмосфера искусственной инфантилизации сотрудников, подходящих к пенсионному порогу. Необоснованно считается, что люди теряют профессиональные навыки, четкость, внимательность в выполнении поручений, связанных с их профессиональными обязанностями. Все это находит свое отражение в морально-психологическом климате, господствующем на предприятии, и в конечном счете приводит к выключению представителей третьего возраста из социально активной жизни коллектива. Для женщин данная ситуация представляется

более сложной, т. к. для них, в силу их большей эмоциональности, очень важен благоприятный морально-психологический климат в коллективе. Явная или скрытая дискриминация, выражающаяся в недоверии, эмоциональном давлении, профессиональном моббинге как крайней степени этого давления, вынуждает многих сотрудниц прекращать профессиональную деятельность, порою не дожидаясь выхода на пенсию.

4. Трудности, связанные с невозможностью совмещения профессиональных и социальных ролей.

...Сейчас я нахожусь в растерянности. Внук учится в институте на коммерческом отделении. Им нужна моя финансовая поддержка. Вторая дочь недавно подарила мне внучку. Сейчас постоянно обращается ко мне за помощью. А я без конца на работе... Как быть? Ведь все они мне очень дороги... но я просто разрываюсь (женщина, 54 года, учитель общеобразовательной школы).

В данном случае вынужденное совмещение профессиональных и социальных ролей является огромной ношей для женщины и требует от нее четкого распределения времени между профессиональной деятельностью и семейными обязанностями (воспитание внуков). Для исполнения каждой из этих ролей нужны большое количество времени и существенные затраты сил.

Важным моментом в проведенном исследовании выступило то, что почти все респонденты единогласно высказывались о необходимости продолжения профессионально-трудовой деятельности после выхода на пенсию, объясняя это недостаточной мерой участия государственных структур в жизни пенсионеров: низким уровнем пенсионного обеспечения, систематически возрастающей оплатой коммунальных услуг, постоянно увеличивающимися ценами на жизненно необходимые продукты питания и лекарства.

Фрагмент следующего интервью это наглядно доказывает:

С завода после выхода на пенсию мне уйти, конечно же, придется. Но в дальнейшем буду искать хоть какую-то работу, чтобы хоть как-то существовать. Моя пенсия не покрывает расходов на оплату коммунальных платежей за квартиру, а мне еще нужно на что-то жить. Основная проблема ведь не в том, что мы после выхода на пенсию не хотим или не можем трудиться, а в том, что мы вынуждены это делать, так как на чью-либо помощь рассчитывать не приходится (женщина, 51 год, работник промышленного предприятия).

Достижение человеком пенсионного возраста согласно законодательству Российской Федерации не означает мгновенного прекращения его профессиональной деятельности. Тем не менее, сталкиваясь с многочисленными дискриминационными практиками, чувствуя эйджистское настроение современных руководителей, достигшие определенного порога сотрудники вынуждены покидать места своей прежней профессиональной деятельности. Необходимо отметить следующую прямую зависимость: с увеличением возраста усиливается эффект от «пересечения» возрастной и гендерной дискриминации.

Резкое ухудшение материального положения вынуждает людей вновь искать работу и трудоустроиваться на новом месте, хотя бы с неполной занятостью. Закономерным становится постоянное увеличение количества работающих пенсионеров. С изменением количества пожилых соискателей вакансий неуклонно возрастает и потребность в обеспечении их места в социально-

экономической сфере, возможности их активного участия в жизни общества посредством труда.

Эту проблему на государственном уровне сегодня пытаются решить за счет фактического увеличения возрастной границы выхода на пенсию. Но данная тенденция не является верной. Представители третьего возраста — неоднородная по своему гендерному составу группа, включающая людей, которые имеют индивидуальные возрастные особенности и потребности, преследуют различные цели и придерживаются определенных норм и ценностей. Соответственно и подход к ней должен быть адресным, индивидуальным и гибким. Речь следует вести не о повышении пенсионного возраста, а о предоставлении возможности трудиться и быть активным членом общества в силу собственных возможностей и интересов. Активность человека приобретает особое значение как важнейшее качество личности, как способность изменять окружающую действительность в соответствии с собственными потребностями и целями [2, с. 110].

Сегодня необходимость в использовании значительного человеческого капитала, носителями которого являются пожилые люди, все больше увеличивается. У некоторых крупных предприятий появилось стремление продолжать профессионально-деловое сотрудничество с работниками пенсионного возраста. Но стимулом к этому, к сожалению, являются не лично-профессиональные установки современных руководителей, а происходящие изменения на рынке труда и обостряющаяся нехватка квалифицированных рабочих кадров. Шаг навстречу профессионально-трудовому сотрудничеству можно назвать вынужденным, т. к. подобная поддержка не находит своего отражения в нормативно-правовых документах и не является результатом соглашения работодателей и работников.

Переход России к рыночным отношениям потребовал изменения экономического и правового положения субъектов социально-трудовых отношений, сформировал новые профессионально-ролевые функции, соответствующие новому социально-профессиональному статусу, новое социально-трудовое поведение, новые способы и формы согласования интересов. Тем не менее отношения между работниками третьего возраста и работодателями на предприятиях очень далеки от оптимальных и труд выступает как право индивидов, которое государством практически не реализуется и не защищается.

Мудрость и жизненный опыт, присущие данной категории населения, — наиболее осязаемая форма человеческого капитала, включающая в себя в числе прочего комплекс профессиональных знаний, умений, мнений, профессионального опыта, накопленных в процессе профессионально-трудовой деятельности. Задача социально-экономической политики заключается в профессиональном подходе к инвестированию этого капитала в жизненно важные сферы общества.

В связи с вышесказанным актуальной представляется разработка концепции гибкого пролонгирования профессионально-трудовой деятельности пенсионеров по возрасту, включающей стратегии, которые учитывают гендерные возможности и потребности выходящих и вышедших на пенсию граждан. Специфика гендерных стратегий заключается в создании условий межгендерного согласования, удовлетворяющего потребностям в пролонгировании профессионально-трудовой деятельности женщин и мужчин с учетом гендерного равенства, модификации

гендерных отношений, профессиональной мобильности. В рамках разработки данной концепции необходимо выделить и содержательно охарактеризовать следующие стратегии превенции дискриминационных практик.

1. Создание нормативно-правовых рамок для продолжения профессионально-трудовой деятельности пенсионеров по возрасту.

Демографический процесс старения российского общества с каждым годом демонстрирует увеличение процентной доли представителей третьего возраста, выявляя аспекты гендерной асимметрии — преобладание женской когорты населения над мужской. Формирование гендерных асимметрий и диспропорций требует гендерно-геронтологической ориентации социальной политики, центром внимания которой должен стать человек, имеющий пол и возраст, т. к. юридическая незащищенность представителей третьего возраста способствует распространению дискриминационных практик в профессионально-трудовой сфере современного общества.

2. Формирование информационно-образовательных условий.

Традиционное исполнение роли хранительницы домашнего очага больше не является достаточным для женщины. Причинами тому служат как трансформационные процессы, происходящие в обществе, так и собственные жизненные ценности, одной из которых выступает профессиональная самореализация. Гендерно-ориентированное направление социальной политики — это важнейшее условие, позволяющее учитывать интересы женщин и мужчин, предвидеть возможные социальные последствия от принятия экономических решений. Необходимо активное содействие общества разработке политики учета гендерной проблематики во всех стратегиях, направлениях и программах. Анализ гендерной проблематики должен содержать прогнозирование возможных вариантов развития ситуации, способы предотвращения негативных последствий и обеспечения равных прав для женщин и мужчин. Это предполагает включение гендерных аспектов в планы, законодательства и программы, разрабатываемые органами государственной власти. Необходимо введение учета интересов по социополовому признаку.

Актуальны государственные меры, направленные на укрепление положения женщин предпенсионного и пенсионного возрастов на рынке труда, повышение уровня конкурентоспособности, мобильности женщин как на профессиональном (готовность к смене профессии), так и на социальном уровнях. Создание толерантного психологического климата, обеспечение благоприятных условий труда, предоставление возможности продолжать профессиональную деятельность и совмещать с ней исполнение домашних обязанностей будут способствовать гибкому пролонгированию профессиональной трудовой занятости, реализации индивидуального права на ее продолжение или прекращение.

Рационализация социальной политики, внимание к гендерным аспектам профессионально-трудовой деятельности в позднем возрасте обеспечат снижение дисбаланса социальной уязвимости, незащищенности женщин, повышение их социальной компетентности — способности устанавливать социальные контакты и осуществлять взаимодействие в различных, в том числе и в профессиональных, социальных группах. Смена вектора направления социальной политики в сторону достижения максимально возможной интеграции пожилых

людей в общество посредством продления их работоспособного периода, применения дополнительных мер (повышение квалификации и переквалификации, разрушение господствующих негативных установок и стереотипов, предоставление пожилому человеку условий для достойной благополучной долгой жизни, самореализации и выявления скрытого потенциала) приобретает не столько лично значимый, сколько общественно важный характер, оказывая влияние в числе прочего и на социально-экономические интересы страны.

Библиографический список

1. *Березняк О. Л.* Адаптивный потенциал пожилого населения в современной России // Изв. Саратов. ун-та. Сер.: Социология. Политология. 2009. Т. 9, вып. 3. С. 25—27.
2. *Овчарова Е. В.* Социально-психологические особенности людей пожилого возраста с активной жизненной позицией // Психолого-социальная работа в современном обществе: проблемы и решения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 21—22 апр. 2011 г. / под. общ. ред. Ю. П. Платонова. СПб. : СПбГИПСР, 2011. С. 108—111.
3. *Чеканова Э. Е.* Социальное конструирование старости в современном обществе : автореф. дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.04. Саратов, 2005. 34 с.

ББК 60.561.22

А. А. Юдина

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ГАТЧИНЕ

Современное общество вполне можно сравнить с паутиной или сетью, сплетенной из множества различных по содержанию и структуре нитей или связей. Именно поэтому интерес к исследованию социальных сетей в последнее время так вырос и у западных, и у отечественных социологов. Между тем в России проведено пока совсем мало исследований социальных сетей малого предпринимательства, к тому же в данных исследованиях совершенно не описываются их гендерные особенности. И эта ситуация несколько не удивляет, ведь, к сожалению, лишь немногие современные российские исследования затрагивают гендерные аспекты. Даже Э. Гидденс указывал на то, что «исследования стратификации на протяжении ряда лет игнорировали фактор пола. Авторы писали так, будто женщин не существовало или при анализе распределения власти, богатства и престижа женский фактор оказывался неважным и неинтересным. Пол сам по себе является одним из наиболее глубоких примеров стратификации» [1, с. 109]. Эти слова и по сей день не теряют актуальности. Так, по данным Госкомстата, средняя зарплата мужчин составляет 23 946 руб., а женщин всего 15 639 руб. [6], или 65,3 % от мужской зарплаты. Хотелось бы также отметить, что эти данные весьма завышены, поскольку такая зарплата

© Юдина А. А., 2013

характерна только для крупных городов, в реальности женщины получают еще меньше. Именно поэтому в основных группах малоимущего населения процент женщин сравнительно выше. Малое же предпринимательство открывает женщинам новые перспективы решения проблем занятости, может повысить их социально-экономический статус. Между тем малое женское предпринимательство пока находится в незавидном положении, о чем свидетельствует гендерная диспропорция российского малого предпринимательства [3]. Такая ситуация требует научного осмысления, в частности, с помощью анализа социальных сетей малого предпринимательства в России.

По определению У. Пауэлла и Л. Смит-Дора, «сеть образована некоторым набором отношений, или связей, между акторами (будь то индивиды или организации). Связь между акторами характеризуется содержанием (тип отношений) и формой (сила отношений). В содержание связей могут входить потоки информации или ресурсов, помощь советом или дружеское участие, наличие общего персонала или членов в советах директоров» [4, с. 69]. Таким образом, чтобы исследовать социальные сети малого предпринимательства, можно в качестве основной переменной, характеризующей наличие социальной сети, использовать такой показатель, как знакомство предпринимателей с другими предпринимателями [5, с. 18].

Для того чтобы узнать о гендерных особенностях социальных сетей малого предпринимательства, нами был проведен опрос малых предпринимателей в городе Гатчина в форме анкетирования и использована серийная гнездовая выборка. В качестве обследуемого гнезда был выбран потребительский комплекс, куда входят такие сферы предпринимательской деятельности, как розничная торговля, общественное питание, бытовое обслуживание, здравоохранение и предоставление социальных услуг. В результате было опрошено 945 малых предпринимателей Гатчины, из них 671 мужчина и 274 женщины. Анализировались социальные сети с помощью структурного подхода, утверждающего, что такие сети предпринимателей обеспечивают им доступ к ресурсам и информации [7, р. 346], т. е. с помощью данного подхода можно определить, как малые предприниматели Гатчины используют социальные взаимоотношения для получения советов и ресурсов на развитие и поддержание своего бизнеса, а также описать структуру и особенности их сетей.

В целях определения наличия социальной сети малого предпринимательства в Гатчине нами был задан вопрос о вовлеченности предпринимателей в социальные сети. Безусловно, как мы и предполагали, все предприниматели в той или иной степени знакомы с другими предпринимателями, отличие оказалось лишь в количестве знакомых. Так, только у 15 % малых предпринимателей знакомых в сфере бизнеса совсем мало, тогда как 50,9 % отмечают, что у них много знакомых. Кроме того, выяснилось, что такой признак, как пол, оказывает влияние на количество связей в социальных сетях и соответственно на размер сети. Так, 50,4 % малых предпринимательниц отмечают, что знакомых предпринимателей у них совсем мало, и только 20,5 % могут похвастаться широкими связями в данной среде. У мужчин — малых предпринимателей все несколько иначе. Лишь 0,6 % из них имеют немногочисленные связи с другими предпринимателями, а 77,5 % отмечают, что у них много знакомых в сфере

бизнеса. Таким образом, можно констатировать, что размер социальных сетей мужчин — малых предпринимателей больше, чем размер социальных сетей женщин — малых предпринимателей Гатчины.

Такая переменная, как возраст, также оказывает влияние на количество связей в социальных сетях малых предпринимателей Гатчины и на размер этих сетей. Лишь 14,3 % мужчин в возрасте от 18 до 24 лет отмечают, что у них много знакомых предпринимателей, в возрасте от 25 до 30 лет количеством знакомых предпринимателей могут похвастаться уже 74,8 %, в возрастной группе 31 год — 40 лет — 77,1 %, в возрастной группе 41 год — 50 лет — 88,9 %, а мужчины старше 50 лет почти все утверждают, что у них много знакомых предпринимателей (90 %). У женщин — малых предпринимателей также прослеживается увеличение количества связей с другими предпринимателями с увеличением возраста. Так, среди женщин в возрасте от 25 до 30 лет количеством знакомых предпринимателей могут похвастаться лишь 9,1 %, тогда как 90,9 % отмечают, что у них совсем мало знакомых в этой среде; в возрастной группе 31 год — 40 лет всего 0,7 % женщин утверждают, что у них много знакомых предпринимателей, в возрастной группе 41 год — 50 лет — 34,7 %, а в возрасте старше 50 лет все женщины отмечают, что имеют множество знакомых в данной сфере. Таким образом, у малых предпринимателей Гатчины старших возрастных групп больше знакомых предпринимателей, чем у более молодых, а значит, можно утверждать, что размер социальных сетей малых предпринимателей младших возрастных групп (до 30 лет) намного меньше, и это касается как мужчин, так и женщин.

Между тем если мы посмотрим, сколько лет гатчинские предприниматели занимаются бизнесом, в гендерном разрезе и соотнесем данный стаж с количеством их знакомых предпринимателей, то не увидим прямой зависимости, которая наблюдается в ситуации с возрастом. В общем 48,5 % предпринимателей-новичков, работающих в бизнесе до года, отмечают, что у них много знакомых в этой сфере, тогда как тех, у кого таких знакомств нет, всего 16,7 %; предприниматели, занимающиеся бизнесом от года до 3 лет, являются группой с наибольшим количеством связей, так, 66,2 % из них утверждают, что имеют много знакомых предпринимателей; 60,3 % малых предпринимателей, работающих в бизнесе от 4 до 7 лет, отмечают то же самое. В группе предпринимателей с бизнес-стажем от 8 до 12 лет доля имеющих большое количество знакомых в этой сфере несколько снижается (55,9 %), а в группе предпринимателей-старожилов (тех, кто в бизнесе более 12 лет) она составляет 62,6 %. Между тем в гендерном разрезе наблюдаются некоторые отличия. Так, у мужчин — малых предпринимателей, занимающихся бизнесом от 4 до 12 лет, наибольшее количество знакомых предпринимателей (97,1 %), у мужчин, работающих в бизнесе более 12 лет, — наименьшее (64,9 %). У женщин — малых предпринимателей с бизнес-стажем от года до 12 лет совсем нет знакомых в этой среде (97,7 %). Предпринимательницы-новички и предпринимательницы-старожиловы могут похвастаться количеством знакомых в сфере бизнеса (48,5 и 55 % соответственно). Таким образом, для малых предпринимателей при построении социальной сети или вхождении в нее важным фактором выступает наличие знакомых предпринимателей еще до открытия своего собственного дела, что также влияет и на размер социальной сети.

Что можно сказать о структуре социальных сетей малых предпринимателей Гатчины? Существует два основных вида социальных связей в сети, описанных современной наукой: сильные связи — постоянные контакты между членами семьи и близкими друзьями, слабые связи — менее регулярные контакты, охватывающие круг знакомых [2, с. 33—35]. В группах, основанных на сильных связях, поддерживаются интенсивные и тесные контакты всех участников друг с другом, что придает этим группам характер относительно закрытых систем. В свою очередь, слабые связи представляют собой систему нерегулярных контактов, распространяющихся за пределы круга близких друзей и семьи индивида на представителей других тесно связанных групп, к которым он не принадлежит. Межгрупповые контакты разных групп, с которыми связан данный индивид, не поддерживаются, а вероятность существования общих знакомых невелика. Таким образом, конкретный человек может установить контакты с членами большого количества взаимно непересекающихся групп, не входя в каждую из них. Данный тип контактов будет являться слабой связью.

Какие же виды социальных связей преобладают в социальных сетях малого предпринимательства Гатчины? Как отмечают 90,9 % мужчин — малых предпринимателей, в качестве их поставщиков, партнеров, консультантов довольно часто и практически постоянно выступают лично им незнакомые люди; только 2,8 % мужчин никогда не используют или используют довольно редко непроверенных, неизвестных им людей. У женщин ситуация обратная. 74 % из них практически никогда не имели дела с незнакомыми им поставщиками, партнерами, консультантами; и только 17,8 % довольно часто пользуются услугами лично им незнакомых людей. Кроме того, большинство женщин уверены, что именно семья, родственники и близкие друзья их главные помощники в бизнесе. Мужчины же так не считают. 67,2 % из них отмечают, что семья, родственники и близкие друзья не являются их главными помощниками в бизнесе, при этом 7,6 % соглашаются, что именно семья, родственники и близкие друзья их главные помощники в бизнесе, а 25,1 % полагают, что семья и является таким помощником, и не является. 70,4 % женщин — малых предпринимателей утверждают, что семья, родственники и близкие друзья их главные помощники в бизнесе, 3,6 % не соглашаются с этим, а 25,9 % полагают, что семья и является таким помощником, и не является. При этом те, кто считают, что семья их главный помощник, отмечают, что у них мало знакомых предпринимателей, о чем свидетельствует коэффициент корреляции Пирсона между количественными переменными «Считаете ли вы, что семья, родственники, близкие друзья ваши главные помощники в бизнесе» и «Много ли у вас знакомых предпринимателей», равный 0,528 (уровень значимости для двух сторон — 0,0005). Следовательно, можно заключить, что в структуре социальных сетей малых предпринимателей — мужчин преобладают слабые связи, в структуре сетей женщин — малых предпринимателей — сильные связи.

Каким образом малые предприниматели Гатчины используют имеющиеся у них связи с другими предпринимателями сети? Они обращаются к своим знакомым за различной помощью. Между тем здесь наблюдаются некоторые гендерные особенности. Так, 50,2 % мужчин за помощью к знакомым предпринимателям обращаются довольно часто, тогда как только 1,5 % женщин поступа-

ют подобным образом. Это объясняется тем, что у женщин меньше знакомых среди предпринимателей, нежели у мужчин. Кроме того, те малые предприниматели, которые считают семью, родственников и друзей своими главными помощниками в бизнесе (а это в большинстве случаев женщины), крайне редко обращаются за помощью к знакомым предпринимателям, о чем свидетельствует коэффициент корреляции Пирсона между количественными переменными «Считаете ли вы, что семья, родственники, близкие друзья ваши главные помощники в бизнесе» и «Часто ли вы обращаетесь за помощью к знакомым предпринимателям», равный 0,492 (уровень значимости для двух сторон — 0,0005), а те предприниматели, которые почти постоянно в качестве своих поставщиков, партнеров, консультантов используют лично им незнакомых людей, регулярно обращаются за помощью к знакомым предпринимателям (коэффициент корреляции Пирсона между количественными переменными «Часто ли в качестве ваших поставщиков, партнеров, консультантов выступают лично вам незнакомые люди» и «Часто ли вы обращаетесь за помощью к знакомым предпринимателям» равен 0,701). Таким образом, можно заключить, что степень развития сотрудничества между мужчинами — малыми предпринимателями Гатчины внутри социальной сети гораздо выше, чем между женщинами — малыми предпринимателями.

Что же социальные сети дают малым предпринимателям? По идее, чем больше размер социальной сети, тем к большему количеству ресурсов имеет доступ малый предприниматель. Именно это мы попытались проследить в нашем исследовании. Во-первых, оказалось, что чем больше у малых предпринимателей знакомых в сфере бизнеса, тем выше их материальный уровень. Об этом свидетельствует коэффициент корреляции Пирсона между количественными переменными «Много ли у вас знакомых предпринимателей» и «Ваш материальный уровень сейчас», равный 0,560 (уровень значимости для двух сторон — 0,0005). Кроме того, размер сети также оказывает влияние на уверенность малых предпринимателей в завтрашнем дне своего бизнеса. Так, в группе малых предпринимателей с небольшим количеством знакомых предпринимателей лишь 13,3 % уверены, что через год их бизнес продолжит успешно функционировать; доля тех, кто считает, что через год их бизнес перестанет существовать, составляет 45,7 %; при этом 41 % предпринимателей затруднились с ответом, также проявив свою неуверенность в будущем. В группе малых предпринимателей с большим количеством знакомых 66,8 % отмечают, что через год их бизнес продолжит успешно функционировать, а доля тех, кто считают, что через год их бизнес перестанет существовать, составляет 26,7 %, затрудняются с ответом о будущем всего 6,4 %. Таким образом, можно констатировать, что чем больше размер социальной сети малого предпринимателя Гатчины, тем выше его материальный уровень и выше уверенность в будущем своего бизнеса. А это еще раз указывает на нестабильность женского малого бизнеса, обладающего меньшими по размеру социальными сетями, нежели мужской. Нестабильность женского бизнеса проявляется не только в финансовых характеристиках, но и в эмоционально-психологических.

Во-вторых, структура связей предпринимателей оказывает влияние на их материальный уровень. Так, мужчины — малые предприниматели, опирающие-

ся на слабые связи в социальных сетях, в основном имеют материальный уровень выше среднего (34,5 %) и высокий (64,9 %), ниже среднего материальный уровень в этой группе всего у 0,5 %; женщины, опирающиеся на сильные связи в социальных сетях, имеют средний материальный уровень (67,8 %), высокий (12,1 %) и ниже среднего (19,4 %). Таким образом, структура связей мужчин — малых предпринимателей оказывает более благоприятное влияние на их экономический статус в социальной сети, структура же связей женщин — малых предпринимателей не позволяет им занимать удачные позиции в этой сети.

В-третьих, слабые связи в социальных сетях малых предпринимателей Гатчины в большей степени открывают им доступ к разным сферам деятельности, капиталу и ресурсам, чем сильные связи. Так, женщины — малые предприниматели считают, что для них затруднен доступ к определенным сферам предпринимательской деятельности (71 %), капиталу и ресурсам, необходимым для развития бизнеса (65,9 %). Мужчины — малые предприниматели отмечают, что доступ к разным сферам предпринимательской деятельности (65,4 %), капиталу и ресурсам (64,3 %) для них не ограничен.

В-четвертых, размер социальной сети оказывает влияние на наличие у малых предпринимателей специальных знаний, необходимых для успешного ведения своего дела. Так, малые предприниматели с большим количеством знакомых в сети отмечают, что им хватает специальных знаний, тогда как те, кто знаком лишь с малым количеством предпринимателей, в большинстве случаев полагают, что таких знаний у них недостаточно (88,8 и 80,9 % соответственно). Следовательно, чем больше социальная сеть, тем больше у малого предпринимателя специальных знаний, помогающих успешно управлять бизнесом. Из-за меньшего размера социальных сетей такие ценные ресурсы, как информация, советы, знания других предпринимателей, оказываются ограниченными у женщин — малых предпринимателей, что в итоге сказывается на их социальном статусе.

В-пятых, степень развития сотрудничества между предпринимателями внутри социальной сети влияет на длительность их рабочего дня. Так, мужчины, часто обращающиеся за помощью к своим знакомым предпринимателям, т. е. находящиеся в социальных сетях с высокой степенью развития сотрудничества, отмечают, что их рабочий день в большинстве случаев длится 8 часов (55,4 %), а у женщин, включенных в сети со слабо развитым сотрудничеством, рабочий день в большинстве случаев продолжается от 13 до 16 часов (23,2 %) (тех, кто трудится по 8 часов, всего 6,9 %). Таким образом, с помощью сотрудничества в социальной сети удастся быстрее и качественней решать многие проблемы, с которыми сталкиваются малые предприниматели, что уменьшает длительность рабочего дня. Между тем низкая степень сотрудничества женщин — малых предпринимателей, свидетельствующая о их замкнутости в профессиональной среде, указывает на то, что они не идентифицируют себя с группой малых предпринимателей. Это создает им дополнительные проблемы и, безусловно, отражается на их социальном и психологическом самочувствии.

Итак, в результате проведенного исследования социальных сетей малого предпринимательства Гатчины в гендерном разрезе было выявлено, что пол — это та социальная характеристика, которая в наибольшей степени влияет на размер и структуру социальной сети, на степень развития сотрудничества в ней

и размер тех преимуществ, которые она способна дать малым предпринимателям. У женщин — малых предпринимателей социальные сети меньше, чем у мужчин, и в структуре их преобладают сильные институциональные связи, что делает женский бизнес менее доходным, менее устойчивым, а самим женщинам добавляет социально-психологических проблем. Между тем с этой ситуацией возможно справиться, если разработать для женщин специальные программы помощи их бизнесу и его поддержки, которые будут направлены в первую очередь на повышение их образовательного уровня, увеличение числа знакомых в бизнес-среде и, конечно, на повышение женской солидарности в деловом мире.

Библиографический список

1. *Гидденс Э.* Стратификация и классовая структура // Социол. исслед. 1992. № 11. С. 107—120.
2. *Грановеттер М.* Сила слабых связей / пер. З. В. Котельниковой // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 4. С. 31—50.
3. *Корнева М. Н.* Малое предпринимательство как форма занятости женщин в условиях социально-экономических реформ : дис. ... канд. экон. наук. М., 2002. 148 с.
4. *Пауэлл У., Смит-Дор Л.* Сети и хозяйственная жизнь / пер. М. С. Добряковой // Экономическая социология. 2003. Т. 4, № 3. С. 61—105.
5. *Широкова Г. В., Молодцова М. Ю., Арепьева М. А.* Влияние социальных сетей на разных этапах развития предпринимательской фирмы: результаты анализа данных Глобального мониторинга предпринимательства в России : науч. докл. № 3 (R) — 2009. СПб. : Высш. шк. менеджмента СПбГУ, 2009. 38 с.
6. Данные Росстата о средней заработной плате мужчин и женщин. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_36/IssWWW.exe/Stg/d2/08-28.htm (дата обращения: 14.02.2013).
7. *Liao J., Welsch H.* Roles of social capital in venture creation : key dimensions and research implications // J. of Small Business Management. 2005. Vol. 43, № 4. P. 345—362.

ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

ББК 83.3(2=411.2)53-47+63.211

Е. Н. Меньшикова

МАЛАЯ ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ ПРОЗА («КАРТИНКИ ИЗ КУПЕЧЕСКОГО БЫТА») КАК НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ РУССКОГО КУПЕЧЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в.

Современная историческая наука характеризуется изменением взгляда на комплекс исторических источников — все более заметной становится тенденция к расширению их круга, привлечению в ходе исторического исследования так называемых нетрадиционных типов источников, таких как изобразительные произведения [2, 4, 8, 17, 18, 50, 55, 76—78, 80, 128, 131], произведения художественной литературы различных жанров [53, 115, 132—136].

Использование литературно-художественных памятников в качестве исторического источника в последнее время заметно активизировалось [10—12, 19, 27, 33, 45—47, 51, 52, 56, 62, 73, 81, 83, 103, 106, 108, 109, 111, 112, 114, 117, 123—125, 127, 129, 130], о чем свидетельствует в числе прочего и некоторая «институционализация» этого явления как в отечественной традиции историописания, так и в зарубежной (например, в выпуске за 2010/2011 гг. авторитетного и во многом как прежде новаторского по содержанию ежегодника Института всеобщей истории РАН «Одиссей. Человек в истории» появился специальный раздел «История и литература»; на страницах зарубежных академических журналов «History», «Historische Zeitschrift», «Historisches Jahrbuch», «Historical Research», «History of the Family», «Gender and History», «Literature and History», «Feminist Studies» и других систематически публикуются результаты исторических исследований, основанных на анализе литературно-художественных памятников). Это связано, с одной стороны, с тем, что научные выводы, полученные в результате анализа и интерпретации литературно-художественных текстов, «расширяют территорию историка», во многом помогают воссоздать картину прошлого, а также передают «дух времени» [131,

© Меньшикова Е. Н., 2013

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-31-01255-а2).

с. 10]. Высокий информативный потенциал художественных произведений основывается еще и на том, что они несут в себе характеристики картины мира, сложившейся в изучаемую эпоху, мировосприятия, менталитета, психологических свойств исторического общества, его эстетических норм и вкуса, а также повседневной жизни.

С другой стороны, особое значение литературно-художественные памятники как источники по исследованию проблем женской истории русского купечества второй половины XIX — начала XX в. (а именно об этом пойдет речь в настоящей статье) приобретают ввиду ограниченности (прежде всего в количественном отношении) женского купеческого нарратива. Как известно, наиболее интимные источники, такие как письма или дневники, автобиографические сочинения, сохранившиеся до наших дней, в своем большинстве отражают жизнь элитарной части купечества, в основном населявшей столичные или губернские города. Подавляющее же число представительниц купеческого сословия провинциальной России оставили после себя незначительное количество каких-либо эго-документов.

Настоящая статья посвящена выявлению источникового потенциала литературно-художественных памятников второй половины XIX — начала XX в., написанных авторами в юмористическом стиле, в формате так называемых «картинок из купеческого быта» [1, 3, 5, 7, 9, 16, 20, 21, 23, 25, 26, 29, 32, 34—44, 48, 49, 57—60, 63, 64, 66—69, 72, 74, 75, 79, 82, 85—93, 97, 98, 101, 102, 113, 116, 118—122], обоснованию возможности их использования при анализе явлений этого периода, в частности, в женской истории русского купечества. Большая часть данных литературно-художественных памятников выявлена в результате поисковой работы автора и впервые вводится в научный оборот.

«Картинки из купеческого быта» создавались как произведения юмористические, носили развлекательный характер. При этом авторы позиционировали их как тексты, напрямую отражающие стандартный для купечества второй половины XIX — начала XX в. *хабитус*¹, решительно заявляя, что сюжеты заимствованы из современного купеческого быта [3, 38, 88], написаны «с натуры», доносят «голос из купеческой среды» [90, 102]. Подобные характеристики, как правило, предваряли литературно-художественный текст, по сути анонсируя само произведение: они были вынесены на обложки либо же входили в библиографическое описание произведения, размещенное на форзаце.

Разумеется, было бы крайне непрофессионально доверять подобного рода «археографическим предисловиям»; равно как и вообще использовать данные произведения в историческом исследовании без серьезного критического осмысления и сопоставления с более традиционными (а для большинства отечественных историков это равнозначно понятиям «серьезные» и «достоверные») историческими источниками (главным образом источниками личного происхождения). И все же следует признать, что при осуществлении всех необходимых этапов источниковедческого анализа (в их ряду и проведе-

¹ Понятие «хабитус» трактуется с позиций концепции Пьера Бурдьё — как некая привычная усвоенная модель поведения, позволяющая уверенно чувствовать и вести себя в обществе (см.: [30, с. 104]).

ние обязательных сопоставительных «процедур») литературно-художественные памятники в стиле «картинок из купеческого быта» предлагают богатый и разноплановый источниковый материал по истории русского купечества в целом и женской истории этого сословия в частности, соотносимый (идентичный по своей сути, наполненности) с купеческими эго-документами (прежде всего с дневниками, письмами, мемуарами, различными записками, духовными завещаниями и др.) [6, 13—15, 22, 24, 31, 54, 58, 61, 65, 70, 71, 84, 94, 96, 99, 100, 104, 105, 107, 110, 126].

Жанр «картинок из купеческого быта» в конце XIX — начале XX в. был весьма популярен; об этом можно судить как по большому количеству наименований подобных произведений (даже тех, что сохранились до сегодняшних дней; их наиболее полная коллекция хранится в фондах Российской национальной библиотеки), так и по их частому «применению»: на основе «картинок» создавались театральные постановки [7, 26, 42]. На популярность в исследуемый период «картинок из купеческого быта» указывает и тот факт, что подобного рода литературные «труды» нередко представляли собой не отдельно изданное произведение, но по замыслу авторов и воле издателей они выходили специальными сериями, выпусками, публиковавшимися на протяжении ряда лет. Иногда прозаические «картинки из купеческого быта» предварялись стихотворными прологами (порой большими по объему), содержащими емкие авторские характеристики купцов и купчих [49, 85]. Часто «сцены» и «очерки», относимые авторами к разряду «картинок из купеческого быта», публиковались в составе разнородных сборников (причем нередко в совокупности с юмористическими стихотворениями, куплетами, шансонетками, романсами и песнями; рассказами, имевшими целью сравнение быта, шире — повседневности, представителей различных сословий и даже народов) [37, 113].

Авторы «картинок из купеческого быта» изначально настраивали читателей на некую несерьезность содержания, юмористичность своих произведений, подчеркивая это характерными заголовками: «Муж в накладе от приданого жены, или Как иногда с капиталом жену взять», «Жених в мешке, или Без свахи плохо», «Жена мужа не бьет, а под свой норов ведет», «Жена с капризом», «Жена-развратница», «Купчиха вдовушка и замоскворецкая сводня», «Купец в пироге», «Купчиха в тесте», «Московские свахи, или Купцы и купчики, купеческие жены и купеческие вдовушки», «Парикмахер под кроватью, или Проклятый шпион!!!» и т. п.

Издатели «картинок из купеческого быта», учитывая развлекательный характер жанра данных произведений, ориентировались на доступность своего издательского продукта наиболее широкому кругу читателей, а потому внешний вид книг был весьма скромный — отсутствовали какие-либо сложные полиграфические эффекты, использовались недорогие сорта бумаги, незамысловатые художественные приемы оформления и украшения обложки и страниц. Подобного рода издания имели небольшой объем: в среднем публикация насчитывала от пятнадцати до тридцати страниц, являясь, по сути, удобной для ношения карманной книгой.

Подходя к анализу данных произведений с позиций современного источниковедческого знания, следует указать на то, что сюжеты «картинок» неза-

тейливы, построены во многом на привычных/стереотипных для общества эпохи перехода представлениях о купечестве как об организме, с одной стороны основанном на незыблемых домостроевских принципах «темного царства», с другой — стремящемся как можно больше соответствовать стилю жизни прогрессивного «благородного» сословия. Подавляющее большинство сюжетов «картинок из купеческого быта» базировалось на противопоставлении привычного старого и нового в купеческом образе жизни, появившегося вместе с пореформенным периодом. Чаще всего проявления данного противопоставления авторы демонстрировали на примере конструкций или деконструкций брачных/семейных стратегий купечества (именно эти сюжеты доминируют в указанных изданиях).

Необходимо заметить, что привлечение к историческому исследованию подобного рода художественных произведений позволяет по-иному оценить отношение общества эпохи перехода — рубежа XIX—XX столетий — к новому, все усиливавшему свои позиции социальному слою — буржуазии в целом и его женскому сегменту в частности. А отношение авторов, вышедших из дворянства или разночинной среды, к купечеству, этому новому «игроку» в социальной, экономической и культурной жизни имперской России, и к началу XX в. часто было негативным или, во всяком случае, весьма настроженным. Об этом свидетельствует и «визуальный имидж» купцов/купчих, созданный на страницах указанных произведений. В них представители купеческого сословия обоих полов изображены в подавляющем большинстве однозначно, в традициях, заложенных еще в 40—50-е гг. XIX в. А. Н. Островским, который ярко, но саркастично вывел образ русского купечества дореформенного периода. Для усиления этих характеристик авторы «картинок из купеческого быта» во второй половине XIX — начале XX в. использовали привычный литературный прием именованья купцов и купчих фамилиями уничижительными по форме (например, Мошенников [68], Самодуров, Выжигин, Подлипалов [93], Лизоблюдов [26], Почкин, Кашеваров [97], Косолапов, Грабилов [34], Недовесов [122], Оболдуев [9], Меднолюбов [63], Разгуляева, Захватихина [93], Обвесова [92], Замухрышкина [25]). Отношение авторов литературно-художественных памятников в стиле «картинок из купеческого быта» к представителям купечества часто проявлялось и в специфических характеристиках, которыми наделялись герои, например таких как «купчики-голубчики», «квасной патриот», «пентюх старый», «купчиха <...> породы крупной и лягавой», «темный богач» и пр. Едва ли полностью справедливыми и соответствующими действительности можно считать подобные уничижительные «обрисовки типов купеческого звания» [13, с. 96], но типичными для данных произведений признать все же следует.

«Картинки из купеческого быта» сквозь призму художественного сознания авторов отражают различные аспекты женской истории русского купечества исследуемого периода, такие как общая авторская оценка купеческого сословия; социальное самочувствие русского купечества в целом и женщин в частности (главным образом в сравнении с самочувствием «благородного» сословия); отношение женщин-купчих к формальным и неформальным властным институциям (в том числе и к власти мужчин) и собственности; трансформации

«жизненного сценария» женщины купеческого сословия; брачные стратегии купечества; модель семейных/супружеских отношений и ее трансформации в купеческой среде; оценка психоэмоциональной сферы жизни женщины-купчихи в семье в целом и супружеских отношениях в частности; раскрепощение стиля жизни и поведения женщин купеческого сословия; оценка личности женщины-купчихи (собирательный образ); характеристика эстетических и нравственных идеалов женщин купеческого сословия; оценка одобряемых/неодобряемых женщиной-купчихой социальных качеств человека; трансформации представлений купечества об идеальной среде обитания; характеристика интеллектуального и образовательного уровня женщин-купчих; характеристика внешнего облика женщин купеческого сословия; характеристика досуговых практик женщин купеческого сословия; оценка женщиной-купчихой мужчин своего сословия и мужчин из других социальных групп с точки зрения возможных деловых или личностных отношений; характеристика ценностных ориентаций женщины-купчихи в контексте пореформенного слома традиционной ментальности.

Кроме этих сторон исторической действительности, «картинки из купеческого быта» предлагают историку широкий источниковый материал для исследования категорий картины мира² женщины-купчихи во второй половине XIX — начале XX в., а именно: отношение к богатству и бедности (страх разорения купеческой семьи); переживания, связанные со смертью; верования, относящиеся к потустороннему миру; восприятие многочисленных суеверий; оценка возраста и соответствующих ему практик поведения; оценка раскрепощения стиля жизни и поведения женщин купчих.

Таким образом, комплексный анализ привлеченных литературно-художественных памятников, написанных во второй половине XIX — начале XX в. в формате «картинок из купеческого быта», позволяет сделать вывод о широких источниковых возможностях этих произведений для исследования проблем, связанных с женской историей русского купечества.

Библиографический список

1. *Аврамов А. М.* Невесту собираются смотреть : картинка из купеческого быта. М. : Литография С. Ф. Разсохина, 1890. 24 с.
2. *Антонов Д. И., Майзульс М. Р.* Демоны, монстры и грешники: негативные персонажи в пространстве древнерусской иконографии // *Одиссей : человек в истории*, 2010/2011. М. : Наука, 2012. С. 144—199.
3. *Апраксин А. Д.* Полтина за рубль : очерки из современной купеческой жизни. М. : Типолитография Г. И. Простакова, 1897. 224 с.
4. *Арнаутова Ю. Е.* Мемориальные аспекты иконографии святого // *Одиссей : человек в истории*, 2002. М. : Наука, 2002. С. 53—75.
5. *Басанин М.* Торговый дом Бахвалова сыновья : роман из купеческой жизни. Пг. : Б-ка «Вечернего времени», 1917. 336 с.
6. *Бахрушин Ю. А.* Воспоминания. М. : Худож. лит., 1994. 702 с.

² Используется классификация категорий картины мира, предложенная А. Я. Гуревичем [28, с. 277].

7. Беркутов Д., Иванов С. Коммерсант нашего века : сцена из купеческого быта. М. : Изд. Театр. б-ки С. И. Напойкина, 1886. 24 с.
8. Блок М. Загробная жизнь царя Соломона // Одиссей : человек в истории, 2002. М. : Наука, 2002. С. 237—260.
9. Бойся, не бойся, а судьбы не миновать : рассказ из купеческого быта. М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1901. 35 с.
10. Болербух А. Г. История и художественная литература: к специфике социальной рецепции // Гуманитарный журнал. 2011. № 1/2. С. 3—11.
11. Болербух А. Г. Художественная литература в историческом аспекте // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Мінск : БДУ, 2005. Вып. 2. С. 8—17.
12. Булыгина Т. Литература «второго плана» как источник истории городского локального сообщества // Джерела локальної історії : культурний побут городян XVIII — першої половини ХХ ст. : збірник наукових праць. Київ : Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України, 2013. С. 24—39.
13. Бурьшкин П. А. Москва купеческая. М. : Высш. шк., 1991. 352 с.
14. Варенцов Н. А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. 2-е изд. М. : Новое лит. обозрение, 2011. 844 с.
15. Вишняков Н. П. Сведения о купеческом роде Вишняковых : в 3 ч. М. : Тип. Г. Лиснера и А. Гешала, 1903—1911. Ч. 1. 1903. 102 с. ; Ч. 2. 1905. 210 с. ; Ч. 3. 1911. 167 с.
16. Воронецкий А. Красноярцу // Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны. М. : Тип. Лазаревского ин-та, 1867. Вып. 3. С. 17—22.
17. Воскобойников О. С. Новые подходы к традиционным вопросам // Одиссей : человек в истории, 2002. М. : Наука, 2002. С. 365—378.
18. Воскобойников О. С. Репрезентация власти Фридриха II в искусстве Италии (1220—1250) // Одиссей : человек в истории, 2002. М. : Наука, 2002. С. 169—199.
19. Гали Б. Т. Татарская художественная литература 1914—1917 годов как исторический источник // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. Т. 150, кн. 8. С. 183—188.
20. Горбунов И. Живем в свое удовольствие : сцены из купеческого быта. СПб. : Типолитография В. В. Комарова, 1903. 16 с.
21. Горбунов И. Просто случай. СПб. : Тип. Ф. Стелловского, 1860. 10 с.
22. Городская семья XVIII в. : семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / сост., введ. ст. и коммент. Н. В. Козловой. М. : Изд-во МГУ, 2002. 608 с.
23. Горячее сердце, или Нашему праву не препятствуй. М. : Изд. Е. И. Абрамовой, 1893. 36 с.
24. Государственный архив Курской области. Ф. 724. Личный архив И. В. Гладкова. Оп. 1. Д. 23—26, 28—31, 33, 34, 49—51, 55, 57, 61, 64, 65, 67, 69—73.
25. Грехи, а не женихи! : сцены из купеческой жизни. СПб. : Тип. В. А. Неметти, 1889. 18 с.
26. Григорьев П. Еще купцы третьей гильдии : оригинальный водевиль : в 2 д. СПб. : Тип. А. Сычева, 1842. 72 с.
27. Гумилёв Л. Н. Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником? // Рус. лит. 1972. № 1. С. 73—82.
28. Гуревич А. Я. «Феодальное средневековье»: что это такое? // Одиссей : человек в истории, 2002. М. : Наука, 2002. С. 261—293.

29. Диван : (дневник купеческой девушки) ; Наши деды-купцы : бытовые картины начала XIX столетия. СПб. : Изд. А. Ф. Девриена, 1907. 328 с.
30. Дингес М. Историческая антропология и социальная история: через теорию «стиля жизни» к культурной истории повседневности // Одиссей : человек в истории, 2000. М. : Наука, 2000. С. 96—124.
31. Дмитриев С. В. Воспоминания. Ярославль : Александр Рутман, 1999. 329 с.
32. Дочь : сцены из московской глуши // Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны. М. : Тип. Лазаревского ин-та, 1867. Вып. 3. 185 с.
33. Думова Н. О. Художественная литература как источник для изучения социальной психологии // О подлинности и достоверности исторического источника на примере романа-эпопеи М. Горького «Жизнь Клима Самгина». Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1991. С. 112—117.
34. Дуэль на аршинах : сцена из купеческого быта. СПб. : Тип. Р. Голике, 1876. 15 с.
35. Евстигнеев М. Жених в мешке, или Без свахи плохо. СПб. : Тип. Почт. департамента, 1867. 36 с.
36. Евстигнеев М. Е. Муж в накладе от приданого жены, или Как иногда с капиталом жену взять. М. : А. В. Морозов, 1873. 32 с.
37. Евстигнеев М. Е. Сцены из еврейского, цыганского, немецкого, татарского, малороссийского и русского мастерового и купеческого быта. М. : Д. И. Преснов, 1872. 269 с.
38. Елизаров Н. По гривеннику — за рубль : сцены из современной купеческой жизни. СПб. : Тип. Я. Трей, 1897. 83 с.
39. Жена мужа не бьет, а под свой норев ведет. М. : Типолитография Торгового дома Е. Коновалова, 1908. 24 с.
40. Жена с капризом : забавный рассказ из купеческого быта. М. : Изд. книготорговца П. И. Орехова, 1880. 36 с.
41. Жена-развратница. М. : Ломоносов, 1911. 16 с.
42. Жених без фрака, или Вот каковы друзья : комедия-водевиль : в 1 д. М. : Тип. А. Семена, 1850. 114 с.
43. Женихи и сваха. М. : Тип. Ф. И. Филатова, 1909. 32 с.
44. Замоскворечье, или Вот как живет да поживает русское купечество нынешнего мудреного, промышленного XIX века. М. : Тип. Т. Волкова, 1859. 46 с.
45. Зарецкий Ю. П. Свидетельства о себе: новые исследования голландских историков // Социальная история : ежегодник, 2008. СПб. : Алетейя, 2009. С. 329—340.
46. Зверев В. «Власть земли» и «власть денег» в произведениях Глеба Успенского // Историк и художник. 2004. № 1. С. 43—58.
47. Зверев В. В. Новые подходы к художественной литературе как историческому источнику // Вопр. истории. 2003. № 4. С. 161—166.
48. Золотое сердце : картинка из купеческой жизни. СПб. : Тип. Я. А. Копелиовича, 1897. 12 с.
49. Зотов М. Купчиха вдовушка и замоскворецкая сводня. М. : Тип. Филатова, 1906. 16 с.
50. Игина Ю. Ф. Изображая ведьму: иконография ведьм в английской памфлетной литературе раннего Нового времени // Одиссей : человек в истории, 2010/2011. М. : Наука, 2012. С. 199—242.
51. Исторические источники и литературные памятники XVI—XX вв. : развитие традиций : сб. науч. тр. / РАН, Сиб. отд-ние, Ин-т истории ; отв. ред. акад. Н. Н. Покровский. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2004. 334 с.
52. История России XIX—XX веков: новые источники понимания : сб. ст. / под ред. С. С. Секиринского. М. : МНФ, 2001. 304 с.

53. *Кабантус А.* Ночь как объект исторической науки : (Западная Европа XVII—XVIII вв.) // *Одиссей : человек в истории*, 2008. М. : Наука, 2008. С. 230—251.
54. *Кизеветтер А. А.* На рубеже двух столетий : воспоминания, 1881—1914. М. : Искусство, 1997. 396 с.
55. *Клатши-Зубер К.* От священной истории к наглядному изображению генеалогий в X—XIII веках // *Одиссей : человек в истории*, 2002. М. : Наука, 2002. С. 200—227.
56. *Клишина О. С. Н. С.* Лесков как историк быта и этнограф // *Исторические, философские, политические и юридические науки и искусствоведение : вопросы теории и практики*. 2011. № 7, ч. 2. С. 105—111.
57. *Козырев М. А.* Типы Замоскворечья : очерки и рассказы из купеческого быта. М. : Тип. Мартынова и К°, 1879. 167 с.
58. *Коковцев В. Н.* Из моего прошлого. М. : Наука, 1992. Т. 2. 456 с.
59. *Комиссионер* // *Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны*. М. : Тип. Лазаревского ин-та, 1866. Вып. 2.
60. *Крачковский Д.* Купеческий сын : рассказы. СПб. : Жизнь, 1908. Т. 1. 157 с.
61. *Крестовников Н. К.* Семейная хроника Крестовниковых : в 3 кн. М. : Т-во скоропеч. А. А. Левенсона, 1903—1904. Кн. 1. 1903. 112 с. ; Кн. 2. 1904. 139 с. ; Кн. 3. 1904. 133 с.
62. *Крылова Р. И.* Художественная литература как источник при изучении отечественной истории // *Альманах современной науки и образования*. Тамбов : Грамота, 2007. № 7, ч. 2. С. 87—89.
63. *Купец в пироге*. М. : Тип. П. В. Вельцова, 1910. 16 с.
64. *Купец Подсолов и прикащик его Иван Андреевич* : очерки из купеческого быта. М. : Тип. М. Смирновой, 1854. 55 с.
65. *Купеческие дневники и мемуары конца XVIII — первой половины XIX в.* М. : РОССПЭН : Памятники ист. мысли, 2007. 470 с.
66. *Купеческий сынок, или Следствия неблагоприятного воспитания* : нравственно-сатирический роман. М. : Тип. Семена Селиванского, 1830. 44 с.
67. *Купеческий сынок ; Ехал с ярмарки ухарь Федот*. М. : Книгоиздательство Максимова, 1910. 16 с.
68. *Купчиха в тесте*. М. : Тип. Ф. И. Филатова, 1913. 16 с.
69. *Купчиха*. М. : Изд. М. Ф. Гиппиус. 1913. 12 с.
70. *Курский государственный областной краеведческий музей. Отд. досоветского периода. Архив Гладковых. Письмо И. В. Гладкову от жены А. Гладковой, 1822 г. ; Письмо И. В. Гладкову от жены от 11 янв. 1823 г. ; Письмо И. В. Гладкову от жены и дочери Марьи Гладковой от 12 сент. 1824 г. ; Письмо-записка И. В. Гладкову от А. Пересмыцкой от 18 мая, 24 авг. 1849 г., 10 авг. 1853 г., 8 дек. 1855 г., 13 дек. 1856 г. ; Записка И. В. Гладкову от И. П. Петрова, 1873 г. ; Копия счета В. М. Мачурину от А. Гладковой, 25 мая 1866 г. ; Письмо И. В. и А. А. Гладковым от внука Ивана Слатина от 25 дек. 1873 г. ; Письмо И. В. и А. А. Гладковым от дочери М. Слатиной от 14 янв. 1874 г.*
71. *Курский самоучка — астроном и метеоролог Федор Алексеевич Семенов*. Курск : Изд. Курск. губерн. земства, 1911. 35 с.
72. *Ларшенов М. В.* Сватанье на Таганке : комедия-шутка из купеческого быта. М. : Литография С. Ф. Разсохина, 1895. 29 с.
73. *Левандовская А. А., Левандовский А. А.* «Темное царство»: купец-предприниматель и его литературные образы // *Отечественная история*. 2002. № 1. С. 146—158.
74. *Лейкин Н. А.* Рукобитие ; Ряженые : картины из купеческого быта. 2-е изд. СПб. : Типолитография Р. Р. Голике, 1895. 68 с.

75. *Лейкин Н. А.* Сцены из купеческого быта. СПб. : С. В. Звонарёв, 1871. 165 с.
76. *Лучицкая С. И.* Вместо предисловия // *Одиссей : человек в истории*, 2002. М. : Наука, 2002. С. 5—8.
77. *Лучицкая С. И.* Мусульмане в иллюстрациях к хронике Гийома Тирского: визуальный код инаковости // *Одиссей : человек в истории*, 1999. М. : Наука, 1999. С. 245—270.
78. *Лучицкая С. И.* Образ рая в средневековой иконографии // *Одиссей : человек в истории*, 2002. М. : Наука, 2002. С. 365—378.
79. *Мансфельд Д. А.* По Сеньке шапка : сценка из купеческого быта : в 1 д. М. : Литография С. Ф. Рассохина, 1881. 23 с.
80. *Метлицкая З. Ю.* Средневековые церковные росписи как исторический источник // *Реферативный журнал*. 2001. № 1. С. 83—89.
81. *Миронец И. И.* Художественная литература как исторический источник : (к историографии вопроса) // *История СССР*. 1976. № 1. С. 125—141.
82. *Михневич В.* Супруги-любовники // *Михневич В.* Картинки петербургской жизни. СПб. : Тип. Ф. Сущинского, 1884. С. 112—143.
83. *Могильнер М. Б.* Художественная литература как источник по истории российской радикальной интеллигенции начала XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Казан. гос. ун-т. Казань, 1998. 23 с.
84. *Морозов С. Т.* Дед умер молодым. М. : Рубикон, 1992. 199 с.
85. *Московские свахи, или Купцы и купчики, купеческие жены и купеческие вдовушки.* М. : Тип. Александра Сенена, 1848. 31 с.
86. *Муж-капиталист.* СПб. : Тип. д-ра М. Хана, 1868. 58 с.
87. *Наше купечество : сатирический и юмористический быт.* СПб. : Тип. Лурье и К^о, 1904. 130 с.
88. *Наши купцы и капиталисты : (очерки из современного быта купцов).* СПб. : Тип. В. Спиридонова, 1867. 209 с.
89. *Наши купчики-голубчики : веселые рассказы из купеческого быта.* М. : Изд-во В. А. Живарёва, 1903. 18 с.
90. *Невольники : (голос из купеческой среды).* Киев : Тип. И. И. Чоколова, 1899. 15 с.
91. *Офранцузились : оригинальный фарс из купеческого быта.* М. : Литография С. Ф. Разсохина, 1897. 22 с.
92. *Парикмахер под кроватью, или Проклятый шпион!!! : веселый рассказ из купеческого быта.* СПб. : Тип. и литография К. Куна, 1870. 16 с.
93. *Паутов-Светлов А. Д.* Нижегородская ярмарка, или Купцы на семейном положении. М. : Типолитография Ф. И. Филатова, 1900. 28 с.
94. *Плевицкая Н. В.* Возвращение в Россию ; Дежкин хоровод. М. : Вагриус, 1993. 457 с.
95. *Плетнёв И. Т.* Воспоминания шестидесятника // *Наша старина*. 1915. № 7. С. 656—664.
96. *Плетнёв И. Т.* Воспоминания шестидесятника // *Наша старина*. 1915. № 8. С. 734—744.
97. *Повесть о том, каким образом приезжие купцы познакомились с приказным и как он их обманул.* М. : Тип. В. Кирилова, 1839. 87 с.
98. *Под ножом убийцы : исторический рассказ из купеческого быта.* М. : Изд. П. И. Орехова, 1880. 36 с.
99. *Полевой К. А.* Записки о жизни и сочинениях Н. А. Полевого, составленные братом его К. Полевым. СПб. : Тип. И. Фишона, 1860. Ч. 1. 273 с.

100. *Полилова Ю. Е.* Дневник купеческой девушки // Полилов-Северцев Г. Т. Наши деды — купцы : бытовые картины начала XIX столетия. СПб. : А. Ф. Девриен, 1907. 328 с.
101. *Помпа-Лирский (Попандопуло) А. Н.* Купец с Кавказа, купчиха из Сибири. Камышин (Сарат. губ.) : Тип. Г. И. Фадеева, 1913. 15 с.
102. *Попов П. В.* Семьдесят тысяч сериями : комедия : в 5 д. : (с натуры). Казань : Тип. М. А. Гладышевой, 1870. 124 с.
103. *Предтеченский А. В.* Художественная литература как исторический источник // Вестник Ленингр. гос. ун-та. Сер. истории, языка и литературы. 1964. Вып. 3, № 14. С. 76—84.
104. Российский государственный исторический архив. Ф. 1412. Канцелярия Его Императорского Величества по принятию прошений, на «высочайшее» имя приносимых. Оп. 212. Д. 112, 140.
105. *Рябушинский В. П.* Старообрядчество и русское религиозное чувство / сост., вступ. ст. и коммент. М. Л. Гринберга, В. В. Нехотина. М. ; Иерусалим : Мос-ты, 1994. 239 с.
106. *Саар Г. П.* Источники и методы исторического исследования. Баку: Изд-во Азерб. гос. науч.-исслед. ин-та, 1930. 174 с.
107. *Савёлов Л. М.* Из воспоминаний, 1892—1903. Воронеж : Петровский сквер, 1996. 121 с.
108. *Секиринский С. С.* Александр Твардовский: «Все потом будет написано заново» : фронтовые очерки 41 года и поэма «Василий Теркин» // Историк и художник. 2005. № 2. С. 7—16.
109. *Секиринский С. С.* Об историках, художниках и нашем журнале // Историк и художник. 2004. № 1. С. 4—6.
110. *Семёнов Ф. А.* Автобиография курского астронома-любителя Федора Алексеевича Семенова. Пг. : 2-я Гос. тип., 1920. 72 с.
111. *Сенявская Е. С.* Художественная литература как исторический источник // История : еженед. приложение к газ. «1 сентября». 2001. № 44. С. 7—13.
112. *Сенявская Е. С.* Литература фронтового поколения как исторический источник // Отечественная история. 2002. № 1. С. 101—109.
113. Стрелок : сб. юмористических рассказов из быта народного, купеческого, чиновничьего и европейского, сатирических юмористических стихотворений, современных куплетов, шансонеток, романсов и песен. М. : Типолитография И. И. Пашкова, 1904. 316 с.
114. *Твардовская В. А.* Социальный кадастр пореформенной России в романе «Братья Карамазовы» // Отечественная история. 2002. № 1. С. 72—83.
115. *Толстиков А. В.* Испытание терпения: поэтическое описание злоключений шведского посольства в России середины XVII в. // Одиссей : человек в истории, 2009. М. : Наука, 2010. С. 244—267.
116. *Толстой Г. В.* Муж моей тетушки. М. : Тип. «Русских ведомостей», 1871. 50 с.
117. *Томилов В. Г.* Современная сибирская художественная литература как исторический источник // Вестник Томск. гос. ун-та. Сер.: История. 2009. № 1. С. 103—109.
118. Тузы // Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны. М. : Тип. Лазаревского ин-та, 1867. Вып. 3. 185 с.
119. *Успенский Г. И.* Книжка чеков // Соч. : в 2 т. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлиха, 1889. Т. 1. 1192 с.

120. *Ушаков А. С.* Барин и купец // Ушаков А. С. Из купеческого быта : повести и очерки. М. : А. Черенин и К°, 1852. Ч. 1. С. 120—126.
121. *Ушаков А. С.* Тарькины // Ушаков А. С. Из купеческого быта : повести и очерки. М. : А. Черенин и К°, 1852. Ч. 1.
122. *Фалютинский С.* Квасной патриот : купеческая сценка : в 1 д. Пг. : Тип. журн. «Спорт и фавориты», 1917. 10 с.
123. *Филиппова Е. И.* Художественная литература как источник для этнографического изучения города // Советская этнография. 1986. № 3/4. С. 26—36.
124. *Фрумкин К. Г.* Купечество и мещанство: социально-психологические размышления на материале русской классической драмы // Историческая психология и социология истории. 2009. Т. 2, № 1. С. 74—91.
125. *Харсеева Н. В.* Образ купечества в русской художественной литературе XIX — начала XX в. // Теория и практика общественного развития. 2009. № 3/4. С. 213—224.
126. *Харузина В. Н.* Прошлое : воспоминания детских и отроческих лет. М. : Новое лит. обозрение, 1999. 558 с.
127. Художественная литература как историко-психологический источник : материалы XVI Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 14—15 дек. 2004 г. СПб. : Нестор, 2004. 457 с.
128. *Черных А. П.* «Белое — венчальное, черное — печальное», или Необычная геральдика // Одиссей : человек в истории, 2002. М. : Наука, 2002. С. 354—364.
129. *Шмидт С. О.* Историографические источники и литературные памятники // Шмидт С. О. Путь историка : избр. тр. по источниковедению и историографии. М. : Изд-во РГГУ, 1997. 612 с.
130. *Шмидт С. О.* Памятники художественной литературы как источник исторических знаний // Отечественная история. 2002. № 1. С. 40—49.
131. *Шмит Ж.-К.* Историк и изображение // Одиссей : человек в истории, 2002. М. : Наука, 2002. С. 9—11.
132. *Bentley N.* «New Elizabethans»: the representation of youth subcultures in 1950s British fiction // Literature and History. 2010. Vol. 19, iss. 1. P. 16—33.
133. *Hinds H.* Sectarian spaces: the politics of place and gender in seventeenth-century prophetic writing // Literature and History. 2004. Vol. 13, iss. 2. P. 1—25.
134. *Shail A.* Literature and history special issue cinema and modernism : introduction // Literature and History. 2012. Vol. 21, iss. 1. P. 1—5.
135. *Stewart V.* «War memoirs of the dead»: writing and remembrance in the first world war // Literature and History. 2005. Vol. 14, iss. 2. P. 37—52.
136. *Tickell A.* Cawnpore, Kipling and Charivari: 1857 and the politics of commemoration // Literature and History. 2009. Vol. 18, iss. 2. P. 1—19.

ББК 63.3(2)53-284.3

З. З. Мухина

СТАРЫЕ ДЕВЫ В РУССКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ (вторая половина XIX — начало XX в.)

Система социовозрастной стратификации пронизывала все стороны крестьянской жизни. Наряду с семьей и общиной половозрастные группы представляли первичные единицы общества. Им отводилась огромная роль в преемственности, накоплении опыта, его межпоколенной трансляции, конструировании на основе традиций конкретных стереотипов поведения [5, 22, 23]. При стремительных социально-экономических изменениях жизни крестьянства в пореформенный период половозрастная структура крестьянского социума продолжала сохранять свою стабильность еще в первые десятилетия XX в. Многообразные взаимодействия таких разноплановых общностей, как семья и община, с одной стороны, и социовозрастные группы — с другой, приводили к значительной вариативности форм отношений в общественной реальности. В русской крестьянской среде поведение, семейные роли, имущественные права, ритуальные функции и все другие стороны жизни были в высокой степени стереотипизированы и жестко регламентированы. Имелась явная зависимость положения женщин от возрастной и социально-семейной стратификации.

Исследование одной из маргинальных групп женщин — старых дев должно способствовать выявлению особенностей связей и отношений в семье и общине, жизненного цикла женщин русской крестьянской среды пореформенного периода. Группа старых дев, казалось бы, нарушала установившийся традиционный порядок жизни, однако вследствие разнообразия и гибкости отношений и связей внутри крестьянского социума трансформировалась так, что согласованным образом включалась в его жизнь. Это происходило многообразными путями: женщины из данной группы вовлекались в хозяйственную, ритуальную, религиозную деятельность, выполняли воспитательные и образовательные функции. Как и другие социовозрастные группы женщин, старые девы составляли неотъемлемую, органичную часть крестьянского социума. Хотя стародевичество воспринималось как отклонение и даже как моральное уродство [13, с. 156—157], своим существованием эта социовозрастная группа не только не расшатывала патриархальные устои, но своей включенностью в жизнь деревни способствовала функционированию традиционного общества. Обобщающих этнографических исследований, касающихся явления стародевичества, крайне мало. Из работ последних десятилетий, дающих ему общую характеристику, отметим статьи А. В. Гуры [6] и Г. И. Кабаковой [13] в энциклопедии «Славянские древности», а также Н. И. Прокопьевой [21] в популярной энциклопедии «Мужики и бабы».

В данной статье сделана попытка в некоторой степени восполнить указанный пробел. В основу работы положены материалы недавно введенных в

3. 3. Мухина. Старые девы в русской крестьянской среде
(вторая половина XIX — начало XX в.)

научный оборот выпусков многотомного издания «Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы» [24—33] — наиболее полного и систематического источника, повествующего о жизни русских крестьян на рубеже веков. Кроме того, использована разбросанная, отрывочная и погребенная в недрах этнографической литературы (главным образом до 1917 г.) информация о разных аспектах жизни этой категории женщин.

Старые девы (старая девка, седая макушка, вековуха, вековушка, девуниха, домовуха, браковка, старая ведьма, непокрытая голова, старка, перестарка, невеста прокисла, домовая девица, однокосая) [24, с. 467; 27, с. 310; 28, с. 229; 30, с. 317; 7, с. 86; 36, с. 29, 31; 21, с. 96—99]) — девушки, которым по каким-то причинам не удалось выйти замуж. Девушка в 22—23 года считалась засидевшейся, с этого возраста ее шансы выйти замуж были невелики [24, с. 467; 27, с. 310; 28, с. 229; 32, с. 357, 368; 10, с. 77]. Отмечены случаи, когда на 20-летнюю девушку смотрели уже как на вековуху, перестарку [27, с. 204, 308]. Брак считался богоугодным делом, поэтому к полноценным членам крестьянского социума относили лишь тех, кто обзавелся семьей, в силу чего со старыми девами по крестьянским представлениям ассоциировалась некоторая ущербность. Положение старых дев было маргинальным, оно существенно отличалось от статуса замужних женщин в социальном, правовом, ритуальном и других отношениях. Категория старых дев, с учетом матримониальных традиций русского крестьянства, была довольно многочисленной. По материалам переписи 1897 г., например во Владимирской губернии, на девушек в возрасте 20—29 лет их приходилось 20,2 %, в возрасте 30—49 лет — более 8 % [18, с. VI], в Ярославской губернии эти группы составляли 36,5 % и более 16 % [19, с. VIII]. Соответствующие показатели для холостых мужчин во Владимирской губернии — 28,1 % и менее 4 %, в Ярославской губернии — 46,5 % и около 8 % [18, с. VI; 19, с. VIII]. Распространение безбрачия было неравномерным, существенный отпечаток накладывали локальные особенности. Так, по сообщению А. В. Балова, в ряде местностей Пошехонского уезда Ярославской губернии безбрачие представляло довольно редкое явление, особенно у мужчин [25, с. 506]. В то же время в Вологодской губернии случаи безбрачия были нередки (у женщин гораздо чаще, чем у мужчин) [29, с. 105]. Несмотря на участвовавшие в пореформенный период случаи внебрачного сожителства, категория старых дев оставалась достаточно многочисленной. В местностях с развитым отходничеством из-за большого перевеса количества женщин одни девушки нанимались в работницы во время сенокоса и страдной поры поденно и сдельно, другие, соблазненные лучшим заработком или из-за необходимости сокрытия «греха», отправлялись в столичные города прислугой — кормилицами, кухарками, няньками [10, с. 72].

Причины безбрачия были весьма разнообразны [6, с. 147; 13, с. 156—157]. Одной из самых распространенных причин являлись физические недостатки: уродство, глухота, болезненность, близорукость, хромота и др. [25, с. 506; 28, с. 229; 29, с. 106; 31, с. 219]. Это вполне понятно, поскольку жену брали в дом не только для продолжения рода, но и как работницу. Чаще обрекали себя на безбрачие девушки физически слабые и при этом из более или менее зажиточных семей, имевших достаточные средства. В крестьянской среде

причиной безбрачия девушек без внешних изъянов считали также порчу, нарушение ритуалов при рождении или брачных обычаев [6, с. 147; 21, с. 96; 13, с. 156—157].

Достигшая брачного возраста и не вышедшая замуж девушка постепенно выбывала из группы потенциальных невест. Так, 20-летнюю девушку начинали «браковать»: если несколько лет «сидит в девках», то, значит, имеются какие-то недостатки.

Маргинальное положение отражалось в атрибутике социовозрастного символизма. Оно проявлялось изменениями в манерах поведения, внешнем облике и т. д. Вхождение в группу старых дев маркировалось «смиренной» одеждой, представлявшей комбинацию девичьего и старушечьего наряда: платок вместо женского головного убора, глухая темная одежда без украшений, отсутствие поясной одежды (поневы), одна коса. Ношение одежды определенного типа являлось жестким императивом, его нарушение влекло за собой негативную реакцию окружающих [4, с. 26, 50].

Вместо участия в хороводах и гуляньях молодежи старые девы старались больше общаться с замужними женщинами [32, с. 368; 2, с. 267; 38, с. 529]. Девушка переставала ходить на беседы, наряжаться и «невеститься». Парню считалось зазорно жениться на перестарке, это была незавидная партия. Таким образом, перед девушкой стояла невеселая задача: найти соответствующего своему положению жениха — социально или физически ущербного, отвергнутого другими девушками из-за плохого рода, бедности, слабого здоровья или крайней безнравственности («непутящего»). Имелась еще возможность выйти за вдовца. Тут надо принять во внимание одно обстоятельство: выйти замуж за вдовца мешали предубеждения, суеверия о наведенной им «порче» на покойную жену, о гнилости рода и др. Девушки старались избегать таких женихов [11, с. 32—33; 3, с. 64; 10, с. 77].

Сильное влияние на замужество девушки с физическими недостатками оказывало деревенское «общественное мнение». Если за такую девушку кто-то начинал свататься, соседские женщины считали своим долгом непременно разубедить жениха. Они собирались у него в доме, где каждая женщина высказывала свое мнение. При этом к действительно имеющемуся недостатку всегда добавлялись другие, несуществующие. Препятствием к браку могли быть распространяемые вымыслы и слухи, а также венерические болезни, туберкулез, психические расстройства, слабоумие родителей невесты [29, с. 106, 408]. В число отрицательных факторов могло входить сложившееся мнение о дурном поведении девушки, нарушение невинности, разборчивость в женихах [25, с. 506; 26, с. 383; 27, с. 310; 28, с. 229; 29, с. 107; 32, с. 359].

Огромное значение в брачных отношениях имели материальные соображения, особенно это касается пореформенного периода. Бедность невесты, недостаток приданого служили значительными препятствиями при заключении брака [25, с. 506; 31, с. 219]. Однако считать такое положение дел повсеместным нельзя. Так, корреспондент Этнографического бюро из Калужского уезда Калужской губернии указывал, что невступление в брак по такой причине было явлением редким [27, с. 310], тогда как в Вельском уезде Вологодской губернии она была сильным и наиболее распространенным препятствием [29,

с. 107]. Иногда девушки сами не желали выходить замуж [28, с. 229], они боялись замужней жизни и оставались в доме родителей или братьев [26, с. 383], а также с овдовевшим отцом, чтобы помочь ему управиться с малыми детьми [30, с. 376]. Дочь оставалась в доме отца, помогала в работах по хозяйству, пользуясь вполне достаточным содержанием. Точно так же взрослая сестра могла остаться незамужней в доме родного брата по его просьбе или совету из-за недостатка в работниках [36, с. 29]. Непростая альтернатива для крестьянской девушки — выйти замуж или остаться старой девой — выражена в словах Н. А. Иваницкого: «Баба спорит со старой девкой: “Я не дура — у меня муж есть!” “Я не дура — замуж не пошла!” — возражает последняя» [12, с. 55].

Вхождение в группу старых дев сопровождалось обретением соответствующего статуса, который не обладал в глазах крестьянского социума той же степенью определенности и нормативности, как статус девушек и замужних женщин. Из сказанного следует, что в деревне отношение к девушкам, не вышедшим замуж, было амбивалентным. С одной стороны, существовала веками культивируемая и поддерживаемая церковью традиция замужества, которое считалось богоугодным делом, и только замужнюю женщину относили к полноправным членам общества. Но если девушка оставалась вне брака по собственному выбору, по обету или для поддержки вдового отца с малыми детьми, это соответствовало религиозным и крестьянским канонам и встречалось с одобрением [29, с. 108; 30, с. 376; 2, с. 267].

Тем не менее о большинстве незамужних в деревне отзывались неодобрительно [27, с. 310], про них говорили, что они «смущают семью» [36, с. 61]. Старые девы нередко считались бесполезными членами общества, несмотря на их достоинства и трудолюбие: «Старая девка — семейная язва. Старые девки считаются воплощением злобы...» [12, с. 54]. Но в некоторых местностях отношение к старым девам было вполне терпимое и даже одобрительное, их уважали, считая «менее греховными, чем прочие, в смысле сохранения ими девственности без вкушения плотского греха и греха, бываемого в супружестве по случаю семейных ссор и дразг» [30, с. 376].

Понятием безбрачия объединялись старые девы, вдовы, старухи, уже не имевшие супружеских отношений. Традиционные взгляды на брак как жесткий императив проявлялись в том, что в случае смерти старая дева должна была хоть символическим образом, но выйти замуж. Похороны старых дев оформлялись как свадьба, даже подбирали «мужа» для будущей супружеской жизни «на том свете» [6, с. 147—148].

Отметим объединения старых дев, выходившие за рамки традиционного крестьянского социума. Существовали некие сообщества девственниц, носившие сектантский характер. Их члены отказывались от брака, обрезали себе косы, соблюдали посты, носили темное платье [32, с. 247]. Иногда несколько старых дев составляли что-то вроде коммуны, жили вместе в одном помещении («келье»). Они избирали «главную», которая управляла хозяйством. Заработки и питание у них были общими, они вместе молились, вместе приобретали все, что требовалось для жизни [36, с. 61].

Обычно же старая дева оставалась жить в доме родителей или кого-либо из родственников. Хотя положение старых девиц в семье нельзя было назвать

хорошим, их, как правило, не притесняли: «живут в свою волю» [31, с. 214; 27, с. 531; 33, с. 360; 37, с. 133]. В случае каких-либо семейных неурядиц приоритет отдавался семье в ущерб личным правам старой девы. Если ее в семье притесняли, она не могла обратиться с жалобой к сельскому сходу или в суд. На все жалобы ответ был один: если тебе в семье плохо, отделись от нее [35, с. 350—351]. По народным представлениям, вековухи должны были оставаться невинными, потеря девственности и рождение ребенка ими считались особенно позорными [6, с. 147]. Однако описаны случаи, когда старые девы рожали детей и на это смотрели снисходительно. Детей они воспитывали сами, а отца ребенка вынуждали давать средства на пропитание, «выждав, когда он задумает жениться; в этих случаях народ оправдывает девиц — по пословице: “Любил кататься, люби и саночки возить”» [32, с. 356].

Семейная роль старой девы не ограничивалась только тем, что она являлась помощницей и советчицей для своих родителей, иногда она достигала высокого положения в семье. Описаны случаи, когда старая дева становилась большухой, и не только в семьях, где умерли родители, но и в полной семье [24, с. 446—447; 25, с. 341; 26, с. 98; 20, с. 558—559]. Иногда в доме при отце большухой становилась не старшая сноха, а ловкая старая дева [29, с. 361], «отцова сестра, всем делом правит» [33, с. 360]. В деревне Петрилово (Тотемский уезд Вологодской губернии) в семье с большим количеством женщин большухой была девушка 30 лет, сестра большака. По словам одного из крестьян, «все бабы в дому и слушают эту большуху. Ну и девка, ух!» [31, с. 423]. Они, «как сами незамужние, завидуют своей снохе и страшно на нее злятся, — общий недостаток всех старых дев» [8, с. 127]. Невестки всегда находились у них в подчинении [32, с. 368].

Коснемся некоторых аспектов правового положения старой девы. При дележе наследства она получала лишь имущество матери, ее брал «на пропитание» кто-либо из братьев, к кому она желала пойти; никакой прибавки к наделу брата из-за нее не было. При желании жить отдельно вековухе строили отдельное жилище (келью) с небольшим участком земли. Имеются данные, что в некоторых местностях происходили не совсем обычные для сельской России явления — дележ сестер. Если старая дева была большухой и не хотела жить в семье, то при дележе отец давал ей как большухе иногда чуть ли не равную часть с братьями. Некоторые из них, отделившись, выходили замуж. «Нужно заметить, что в описываемой местности старых дев порядочно, — пишет корреспондент из Вологодской губернии. — Поэтому дележ сестер явление почти заурядное» [29, с. 361]. Старая дева, если не жила в семье родных, старалась, пока были силы, скопить себе на старость и дожить свой век в своем уголке. Она легко находила себе место в чужих людях: их обыкновенно брали в няни [33, с. 360].

Отношение деревенского сообщества к старым девам было противоречивым [1, с. 75—76]. С одной стороны, отсутствие половой жизни сближало их с группами невинных девушек и старух, поэтому они могли участвовать в различных ритуальных обрядах. Например, широко известен обряд, совершавшийся в русских деревнях во время эпидемий для предохранения от проникновения опасных болезней. Старые девы, девушки, вдовы, старухи впрягались в

косулю (соху) и проводили борозду вокруг деревни, полагая, что опаживание явится защитой [24, с. 232; 27, с. 320—321; 2, с. 269; 15, с. 217—218; 34, с. 90—91; 17, с. 63]; они могли быть знахарками [9, с. 107—108; 1, с. 75]. С другой стороны, старым девам приписывались различные вредительские действия, в результате чего они не могли быть повитухами, присутствовать при родах, ставить квашню и выпекать хлеб для всей семьи, участвовать в свадебных обрядах и пире [21, с. 98; 13, с. 157].

Непорочных старых дев приглашали обмывать тела покойников, укладывать их в гроб [24, с. 102; 26, с. 214, 390; 27, с. 312—313; 28, с. 255—259; 31, с. 206—208; 32, с. 76]. Такие обязанности рассматривались, видимо, как наказание: «Под сердитый час мать погрозит купить ей [дочери — старой деве] шайку, мыло и мочалу “покойников мыть”» [32, с. 368], — пишет корреспондент Этнографического бюро из Санкт-Петербургской губернии.

Старые девы выполняли и просветительскую роль. Они обучали грамоте женщин, чтобы те могли «по церквам, молельням исполнять обязанности причетника, наставницы, читать по покойникам, молиться за усопших» [14, с. 270], читали и писали письма неграмотным женщинам [10, с. 97] и др.

В заключение необходимо подчеркнуть, что не только девушки-крестьянки, но и крестьянские парни, оказавшиеся вне брака, были ущемлены в экономическом, социальном, правовом отношении. Неженатый парень, если ему было даже далеко за тридцать, никем всерьез не воспринимался, он был не «мужик», а «малый». Его клеймили самыми позорными для крестьян именами, бесцеремонно выражали свои догадки о его физическом уродстве. Холостое состояние было сродни безнравственному поведению.

Таким образом, женщина без мужа не имела самостоятельной ценности. Крестьянка девичеству зачастую предпочитала самую «худую» партию [16, с. 43]. Статус старой девы в европейской деревне воспринимался как социально неполноценный.

Библиографический список

1. Бернитам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. : половозрастной аспект традиционной культуры. Л. : Наука, 1988. 278 с.
2. Быт великорусских крестьян-землепашцев : описание материалов Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева : (на примере Владимирской губернии). СПб. : Изд-во Европейского дома, 1993. 472 с.
3. Весин Л. Современный великорус в его свадебных обычаях и семейной жизни // Русская мысль. 1891. № 9. С. 59—88.
4. Гринкова Н. П. Родовые пережитки, связанные с разделением по полу и возрасту : (по материалам русской одежды) // Советская этнография. 1936. № 2. С. 21—54.
5. Громыко М. М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиции // Советская этнография. 1984. № 5. С. 70—80.
6. Гура А. В. Безбрачие // Славянские древности : этнолингвистический слов. М. : Междунар. отношения, 1995. Т. 1. С. 147—148.
7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1980. Т. 3. 555 с.

8. *Добрынкина Е.* Бытовая жизнь крестьянки в Муромском уезде // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. 1875. Вып. 1. С. 119—130.
9. *Добрынкина Е.* Жизнь, нравы и обычаи крестьян в Меленковском уезде // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. 1875. Вып. 1. С. 69—118.
10. *Жбанков Д. Н.* Бабыя сторона : статистическо-этнографический очерк // Материалы для статистики Костромской губернии / Костром. губ. стат. ком. Кострома, 1891. Вып. 8. С. 1—136.
11. *Звонков А. П.* Современные брак и свадьба крестьян Тамбовской губернии Елатомского уезда // Сб. сведений для изучения быта крестьянского населения России. М., 1889. С. 24—49. (Тр. этногр. отд. ИОЛЕАЭ ; вып. 1).
12. *Иваницкий Н. А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии // Сб. сведений для изучения быта крестьянского населения России : (обычное право, обряды, верования и пр.). М., 1890. С. 1—234. (Тр. этногр. отд. ИОЛЕАЭ ; вып. 2).
13. *Кабакова Г. И.* Старая дева // Славянские древности : этнолингвистический слов. М. : Междунар. отношения, 2012. Т. 5. С. 155—157.
14. *Краснопёров В. В.* Крестьянские женщины перед волостным судом // Сб. правоведения и общественных знаний. СПб. : Тип. А. Ильина, 1893. Т. 1. С. 273—299.
15. *Малыхин П.* Быт крестьян Воронежской губернии Нижнедевицкого уезда // Этнографический сб., издаваемый Русским географическим обществом. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1853. Вып. 1. С. 203—234.
16. *Миронов Б. Н.* Вокруг свадьбы. Представления русского крестьянина о семье, браке, детях // Знание — сила. 1976. № 10. С. 42—45.
17. *Мухина З. З.* Вдова в русской крестьянской среде: традиции и новации (вторая половина XIX — начало XX в.) // Женщина в российском обществе. 2012. № 4. С. 62—71.
18. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / ЦСК МВД. СПб., 1904. Вып. 6 : Владимирская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. 251 с.
19. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / ЦСК МВД. СПб., 1904. Вып. 50 : Ярославская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. 254 с.
20. *Потехин А.* Деревенские мироеды // Вестник Европы. 1880. Т. 2. С. 553—574.
21. *Прокопьева Н.* Вековуха // Мужики и бабы : мужское и женское в русской традиционной культуре : иллюстрированная энцикл. СПб. : Искусство-СПб., 2005. С. 96—99.
22. *Пушкарёва Н. Л.* Позорящие наказания для женщин в России XIX — начала XX в. // Этнографическое обозрение. 2009. № 5. С. 120—134.
23. *Пушкарёва Н. Л.* Сексуальность в частной жизни русской женщины (X—XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С. 3—17.
24. Русские крестьяне : жизнь. Быт. Нравы. СПб. : Деловая полиграфия, 2004. Т. 1 : Костромская и Тверская губернии. 568 с. Далее: РКЖБН.
25. РКЖБН. СПб. : Навигатор, 2006. Т. 2 : Ярославская губерния, ч. 1 : Пошехонский уезд. 608 с.
26. РКЖБН. СПб. : Навигатор, 2006. Т. 2 : Ярославская губерния, ч. 2 : Даниловский, Любимский, Романо-Борисоглебский, Ростовский и Ярославский уезды. 552 с.
27. РКЖБН. СПб. : Деловая полиграфия, 2005. Т. 3 : Калужская губерния. 648 с.
28. РКЖБН. СПб. : Навигатор, 2006. Т. 4 : Нижегородская губерния. 412 с.
29. РКЖБН. СПб. : Навигатор, 2007. Т. 5 : Вологодская губерния, ч. 1 : Вельский и Вологодский уезды. 624 с.

30. РКЖБН. СПб. : Деловая полиграфия, 2007. Т. 5 : Вологодская губерния, ч. 2 : Грязовецкий и Кадниковский уезды. 840 с.
31. РКЖБН. СПб. : Деловая полиграфия, 2007. Т. 5 : Вологодская губерния, ч. 4 : Тотемский уезд. 808 с.
32. РКЖБН. СПб. : Деловая полиграфия, 2008. Т. 6 : Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. 600 с.
33. РКЖБН. СПб. : Навигатор, 2009. Т. 7 : Новгородская губерния, ч. 2. 624 с.
34. *Селиванов В. В.* Год русского земледельца : зарисовки из крестьянского быта : Зарайский уезд Рязанской губернии. Изд. 4-е. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 152 с.
35. Смоленский этнографический сборник / сост. В. Н. Добровольский. СПб. : Тип. С. Н. Худекова, 1893. Ч. 2. 447 с.
36. *Титов А. А.* Юридические обычаи села Никола-Перевоз Сулутской волости Ростовского уезда. Ярославль, 1888. 113 с.
37. *Тихонов В. П.* Материалы для изучения обычного права среди крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии // Тр. этнографического отдела ИОЛЕАЭ : сб. сведений для изучения быта крестьянского населения России : (обычное право, обряды, верования и пр.). М., 1891. Вып. 3. С. 2—146.
38. *Толстая С. М.* Одежда // Славянские древности : этнолингвистический слов. М. : Междунар. отношения, 2004. Т. 3. С. 523—533.

ББК 67.3(2)6+63.3(2)6-37

К. А. Полозова, А. А. Федотов

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО РЕЛИГИОЗНУЮ СФЕРУ В СССР В 1929—1990 ГГ.

Советское законодательство, регулирующее религиозную сферу, оформилось в 1929 г. принятием постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» и с незначительными изменениями действовало до 1990 г., когда было принято союзное и российское законодательство о свободе вероисповеданий. Хотя в Советском Союзе и провозглашалось равенство мужчин и женщин, реализация законодательства о религии не всегда этому тезису соответствовала.

В некоторых советских законодательных актах прямо прописывалось запрещение создания, например, чисто женских кружков при религиозных объединениях, что косвенно свидетельствовало о неравноправии полов, т. к. женщины были в массе более активны в религиозном плане и, возможно, по мнению составителей постановления 1929 г. и документов, регулирующих его применение, требовались дополнительные законодательные ограничения этой активности. Религиозным объединениям запрещалось «организовывать как специально детские, юношеские, женские молитвенные и другие собра-

ния, так и общие библейские, литературные, рукодельческие, трудовые, по обучению религии и т. п. собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь» [10, с. 87]. Как отмечал в 1972 г. в докладе Комитету прав человека в СССР «Законодательство о религии в СССР» И. Р. Шафаревич, «выделение женщин особенно удивляет в наш “век равноправия”» [18]. Впрочем, в реальности наибольшие меры по ограничению внешних проявлений религиозности предпринимались все же в отношении мужчин.

После принятия «сталинской» Конституции, предоставлявшей всем гражданам равные права, постановление 1929 г. вступило с ней в противоречие. Это связано с тем, что Конституция СССР 1936 г. была принята в диалектически противоречивый момент истории Советского Союза: декларативность всевозможных свобод граждан на практике оборачивалась подчас произволом внесудебных органов; воля И. В. Сталина значила намного больше любых писанных законов; верующим давались равные права с атеистами (и то не в полной мере: говорилось о свободе антирелигиозной пропаганды и о свободе лишь отправления религиозного культа). Кроме того, правительственным постановлением в 1932 г. была объявлена безбожная пятилетка и подразумевалось, что права верующим будут даны, но воспользоваться они ими не смогут, потому что в силу реализации ряда мероприятий исчезнут как социальная группа.

В условиях широкомасштабных репрессий в советские годы Православие сохранилось в России «во многом благодаря женщинам (так называемым “белым платочкам”, представительницам низкостатусных групп)» [1, с. 101]. По словам Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, «сильные мужчины, делавшие карьеру, образование, даже сохраняя в сердце веру, боялись присутствовать на крещении своих детей, хотя знали, что их крестили, боялись сами перекрестить свой лоб, хотя в глубине души оставались верующими. А кто сохранил веру в нашей стране? Жены-мироносицы, наши матери и бабушки, те самые, которые ничего не боялись» [3].

Особенности атеистической работы, в рамках которой и осуществлялось на практике правоприменение законодательства о религии, с женщинами и мужчинами были разными, как и методы давления на них.

О соотношении количества мужчин и женщин — прихожан в период антицерковных репрессий, инициированных Н. С. Хрущёвым в 1958—1964 гг., косвенно можно сделать вывод по данным проведенного в их рамках так называемого единовременного учета. Проверялось не только количество церковных зданий, их площадь и другие габариты и даже не только количество совершаемых треб, но все, вплоть до того, сколько людей посещает храм в дни церковных праздников. Так, посредством единовременного учета 1961 г. было установлено, что в Костромской области разовое посещение церквей в дни больших религиозных праздников составляет около 22 тыс. человек [6, д. 44, л. 23].

По данным уполномоченного Совета по делам религии при Совете министров СССР по г. Москве, в день праздника Благовещения Пресвятой Богородицы 7 апреля 1959 г. в Москве функционировали 36 церквей, в которых со-

вершались две литургии в 8 и 10 часов утра. Количество посетивших церкви в этот день составляло около 90—100 тыс. человек, подавляющее большинство, 90—95 %, присутствующих были женщины и только 5—10 % — мужчины престарелого возраста [7, д. 254, л. 3].

Как отмечал в 1962 г. уполномоченный Совета по Тульской области, на церковных службах присутствовали, как правило, женщины пожилого возраста — до 85 %. Мужчин пожилого возраста было 10 %, молодых людей — не более 5 %, детей почти не было [9, д. 39, л. 36—37].

Из вышеприведенной информации видно, что в Русской Православной Церкви, являющейся наиболее широко представленной централизованной организацией в Советском Союзе, мужчин среди соблюдающих церковные установления в этот период было существенно меньше, чем женщин. Это связано как с большей религиозностью женщин, так и с тем, что по православным канонам только мужчины могут быть священнослужителями, и, следовательно, каждый мужчина, живущий активной церковной жизнью, рассматривался соответствующими государственными органами как потенциальный священнослужитель, а значит, требовал больших усилий по оказанию на него давления со стороны государства, в том числе законодательно не регламентированного.

Большие препоны ставились перед теми, кто хотел получить богословское образование. Например, в 1972 г. в Ивановской епархии почти 50 % духовенства не имели духовного образования [15, с. 66]. Одной из причин этого были всемерные препятствия, которые местные органы советской власти ставили на пути появления в епархиях новых священнослужителей из числа закончивших духовные семинарии и академии [7, д. 285, л. 52].

Очень мало среди священнослужителей было людей, имеющих высшее светское образование. Это связано с политикой государства того времени. Считалось, что религия несовместима с наукой, а потому в духовных учебных заведениях не могли изучаться светские общеобразовательные дисциплины, а в светских учебных заведениях не могли изучаться богословские науки. Перед каждым, желающим поступить в семинарию, власти ставили большие препоны.

Так, уполномоченный Совета по Тульской области в информации от 9 сентября 1960 г. сообщал, что в результате «работы», проводимой с тремя молодыми людьми, подавшими заявления о поступлении в духовные семинарии, один забрал документы и подал их для поступления в лесной техникум, второму не дал рекомендации для поступления епархиальный архиерей и лишь один поехал сдавать вступительные экзамены [9, д. 37, л. 6—7].

Другой пример. В августе 1973 г. уполномоченный Совета по Костромской области получил от уполномоченного Совета по Московской области следующее письмо: «В порядке информации и принятия соответствующих мер сообщаю, что в МДС из Костромской области подали заявление на учебу на 1973—1974 учебный год следующие лица <...> Если располагаете на указанных лиц компрометирующими материалами, то сообщите не позднее 15—20 августа сего года» [6, д. 137, л. 9]. Такие письма рассылались по всем областям. Получив данный циркуляр, уполномоченные начинали активную работу с «указанными лицами» с целью не допустить их обучения в духовной школе.

Аналогичные письма рассылались даже в годы перестройки, правда более лояльно сформулированные: «Заявление о приеме на учебу в МДС на 1985—1986 учебный год подал гр. (Ф.И.О.), проживающий в Вашей области (крае, республике). Прошу Вас к 15 августа с. г. сообщить нам характеризующие данные на абитуриента» [6, д. 207, л. 18]. Даже в 1987 г. верующему человеку, особенно имеющему высшее образование, было непросто поступить в духовную семинарию [6, д. 216, л. 4—11].

Как отмечал в информационном отчете за 1983 г. уполномоченный Совета по Смоленской области, «архиепископ испытывает большие трудности в подборе людей из местного населения для направления на учебу в духовные учебные заведения и посвящения в духовный сан. За отчетный год ни одного человека не было направлено в духовные учебные заведения, ни один не был рукоположен» [8].

Представляет интерес план работы с епархиальным архиереем, составленный уполномоченным Совета по Калужской области на май — декабрь 1964 г. В нем, в частности, написано: «...умело добиваться от него, чтобы епархия искусственно не поддерживала приходящие в упадок церковные приходы, а также: производить богослужения в церквях, находящихся в сельской местности, не каждый день, а только в воскресные дни и религиозные праздники; не направлять при наличии желающих в духовные учебные заведения лиц, не отслуживших в рядах Советской Армии; не посвящать в сан священников и диаконов из числа граждан, окончивших высшие учебные заведения или специальные техникумы и училища» [5].

С юношами, подавшими прошения в семинарию о приеме на учебу, встречались местные уполномоченные, партийные и комсомольские деятели, работники КГБ и военкомата и различными способами, вплоть до отбирания паспортов, удерживали их от поступления. Поступающих часто брали на военные сборы на период сдачи вступительных экзаменов, иногда уже принятым отказывали в прописке [5].

Протоиерей Николай Винокуров вспоминал об этом так: «Когда я вернулся из армии <...> мне пришел вызов из семинарии <...> И вдруг — вызывают в военкомат, отбирают военный билет <...> приходится ждать. Я спрашиваю военкома: “Я же только из армии пришел, пять месяцев назад?” — “А Вас на переподготовку”. — “Какая же переподготовка после службы в стройбате?” Ну, я понял тогда, в чем дело. Стал проходить комиссию, и на две недели меня задержали» [11, с. 4]. Правда, о Николаю удалось тогда поступить в семинарию. Но многим не удалось. Например, в 1961—1962 гг. из 560 юношей, подавших заявления о приеме в семинарию, 490 в результате «индивидуальной работы» забрали [19, с. 376]. Судьба верующих юношей, попавших в армию в те годы, складывалась по-разному. Сестра протоиерея Николая Винокурова, служившего в армии в 1958—1961 гг., вспоминала о тех трудностях, с которыми ему пришлось там столкнуться: «Верующих считали людьми второго сорта, и он попал в стройбат, где было много людей опустившихся, не имевших никаких нравственных ценностей. Особенно возненавидел Николая один солдат. Николай чувствовал это, но всегда был с ним приветлив и молился за него. И когда пришло время им демобилизовываться,

то этот солдат, никогда ранее не отвечавший даже на его приветствия, подошел и сказал: “Ты знаешь, Николай, ведь я хотел тебя убить, но что-то мне не дало это сделать. Прости меня”. И об этом человеке мой брат потом всегда молился. Было большое искушение и другого рода. Замполит части принес напечатанное на листе бумаге отречение от Бога и заставлял Николая расписаться, угрожал. Но брат ответил: “Если я подпишу это, то я буду предателем. Я этого сделать не могу”. И, несмотря на продолжавшееся давление, неизменно на такое предложение отвечал отказом» [17, с. 19].

А вот архимандрит Иоанн (Маслов) (в миру Маслов Сергей Иванович) был призван в армию в 1951 г., в 1952-м демобилизован по болезни. Рассказывал, что в армии не скрывал своей веры. Над койкой повесил икону, и никто его не ругал, наоборот, все уважали [12, с. 7—8].

Объяснить такую разницу, наверное, можно тем, что один попал в армию в разгар хрущевских гонений, а другой — в период, благоприятный для Церкви в советском государстве.

Для женщин получение богословского образования в 1929—1990 гг. было еще более затруднено, чем для мужчин. К 1929 г. богословское образование в СССР было полностью ликвидировано, а по возрождению его в послевоенные годы получение богословского образования женщинами было возможно лишь в регентских и псаломщицких курсах и школах. Это связано с тем, что богословское образование в России того периода носило узкопрактический характер. Оно предполагало подготовку лишь лиц, ответственных за «отправление культа», но никак не теоретиков [16, с. 96].

Женщины недостаточно привлекались и к исполнению ответственных церковных должностей, не связанных с богослужебной деятельностью. Поместные Соборы 1945 и 1971 гг. мало коснулись вопроса участия женщин в церковной жизни и практически оставили его без изменения. Но в «Уставе об управлении Русской Православной Церкви», принятом на Поместном Соборе 1988 г., уже прямо говорится о привлечении женщин к работе Епархиального Собрания (ст. 28). Необходимо отметить, что в своем выступлении на этом Поместном Соборе митрополит Сурожский Антоний (Блум) акцентировал внимание на следующем: «Сурожская епархия единогласно выбрала представителем их мирян одну из самых замечательных женщин нашей английской эмиграции — вдову Николая Михайловича Зернова Милицу Владимировну. Ее выбрали, потому что она более 60 лет подряд была с мужем свидетельницей, проповедницей Православия в Англии. Через них Православие узнали, полюбили, к Православию потянулись. И ответ, который я получил от Патриархии, заключался в том, что нежелательно привезти женщину как представительницу нашей епархии. Я считаю, что в Церкви Русской здесь, так же как и везде, где большинство составляют женщины, которые здесь спасли своей стойкостью, своим героизмом Церковь в самые мрачные и страшные годы, я считаю, можно признать право за женщиной быть представительницей своей епархии, что мы можем благоговейно и благодарно относиться к женщине, а не только делать отжившее давным-давно различие между мужчиной и женщиной» [13, с. 390; 16, с. 96—97].

В то же время после реформы приходского управления 1961 г., отстранившей священнослужителей от участия в хозяйственной деятельности приходов, женщины, занимающие место старост, членов исполнительных органов, зависящие в своей деятельности не от церковных, а от советских властных структур, нередко чувствовали себя хозяйками в храмах. Так, архиепископ Ивановский и Кинешемский Феодосий в отчете в Патриархию за 1970 г. писал: «Самоуправно, дерзко и грубо ведет себя староста церкви п. Старая Вичуга А. Н. Морева, как в отношении прихожан, так и в отношении духовенства и даже архиерея. Маленький, но материально хорошо обеспеченный храм из-за ее нерадивого отношения содержится в грязном и запущенном состоянии. Священнослужителей она рассматривает как личных наемных работников. Не получая зарплаты, чтобы не лишиться пенсии, она занималась перепродажей несгоревших свечей в свою пользу; с прихожанами, духовенством и служащими Церкви была невероятно дерзка и груба» [15, с. 66].

Архимандрит Иоанн (Экономцев) в романе «Записки провинциального священника» дает такую характеристику председателя исполнительного органа прихода: «Она была полновластной хозяйкой храма. Кто ее назначил председателем несуществующего приходского совета — секрет полишинеля. Во всяком случае, к ее назначению непричастны ни прихожане, ни тем более настоятель, лишенный всякого права голоса и выступающий в качестве наемной рабочей силы. Елизавета Иванова полновластно решала, сколько заплатить священнику, сколько положить себе в карман (об этом умолчим!), сколько передать в конвертах таинственным лицам, от которых зависит ее пребывание на этой должности, сколько перечислить в местный бюджет, в Фонд мира и сколько, наконец, на поддержание предприятия¹» [20, с. 38].

Духовенство восприняло реформу приходского управления неоднозначно. Например, один из священников Костромской епархии в беседе с уполномоченным по поводу ее заявил: «С этой перестройкой я как настоятель превратился в половую тряпку, которой можно лишь подтереть пол. Никому не имею права ничего приказать. К ящику² не подходи, мною могут командовать всякие старухи» [6, д. 44, л. 19]. Аналогичное настроение было характерно для целого ряда священников. Другая же их часть пошла по иному пути: внешне они подчинялись, но фактически продолжали распоряжаться финансово-хозяйственными делами церкви, используя лично им преданных малограмотных членов исполнительных органов [там же].

Другой проблемой, касавшейся в большей степени все же женщин, были ситуации, когда они хотели крестить ребенка, а его отец нет.

Архиепископ Феодосий в 1970 г. отмечал, что для того, чтобы крестить ребенка, необходимо было согласие обоих родителей. А нередки были случаи, когда мать желала крестить ребенка, а отец нет, и наоборот. Большие трагедии для матерей, желающих крестить своих детей, возникали в том случае, когда мужа оставляли их с детьми, не расторгнув официально брака, и находились в безвестном отсутствии, обзаведясь новыми семьями. Имели место случаи, ко-

¹ Имеется в виду храма.

² Свечной ящик (здесь продаются свечи и принимаются заказы на требы).

гда мужа оставляли своих жен и, оформив развод, жили с другими в той же местности, совершенно не интересуясь детьми от первого брака, а между тем не желали дать согласие на крещение этих детей. И даже в таких случаях церковные советы были вынуждены отказывать матерям в крещении их младенцев. В то же время в некоторых других областях не существовало таких строгих и непреклонных правил для крещения детей, отцы которых отсутствовали или порвали общение с ними [14, с. 43].

Если же ребенка крестили без согласия отца, то были примеры обращения таких отцов в суд. Например, В. Г. Петров в заявлении в Гавриловопосадский народный суд писал: «5 апреля 1955 года в с. Пиногор в доме Деевой Анны Федоровны производились крестины детей, независимо от их возраста, самовольно служителем религиозного культа Благовещенским Платоном Гавриловичем, проживающим по адресу — с. Сербилово Лежневского района, который без моего личного согласия окрестил мою дочь Наталью трехлетнего возраста, крестины детей производил в кадке, не имея на это никакого разрешения ни от меня как отца своего ребенка, ни от сельского Совета. Этим самым он оскорбил меня как члена КПСС, а поэтому прошу народный суд участка привлечь священника Благовещенского к уголовной ответственности <...> за незаконность, проявленную с его стороны, и оскорбление моей личности» [4, л. 26].

Судья оснований для привлечения к уголовной ответственности Благовещенского не нашла, поскольку обряд совершался с согласия матери ребенка, т. е. жены В. Г. Петрова. Однако было направлено письмо к уполномоченному с просьбой принять меры к священнику [4, л. 24].

Для советской атеистической пропаганды были характерны заявления о том, что верующая мать наносит непоправимый вред своим детям, разжигание вражды и непонимания между родителями и детьми на почве отношения к религии. Например, преподаватель Ивановского педагогического института А. Галкина писала: «Религиозная мать, против собственной воли, причиняет огромный вред своим детям. Она воспитывает в них либо двоедушие, либо отчужденность от нашего общества; вместо того чтобы воспитывать в детях коллективизм, любознательность, искренность, смелость, она запугивает их божьим гневом и адскими муками, советует не смеяться, не петь; больше думать о спасении души. Ребенок такой женщины рано или поздно должен будет сделать выбор между тем, чему учит мать, и тем, чему учит школа. Такой выбор никогда не проходит безболезненно. Ребенок либо теряет уважение к матери, либо утрачивает интерес к учебе. В обоих случаях страдают и мать, и ребенок, и семья, и общество» [2].

Таким образом, можно отметить, что процессы реализации законодательства, регулирующего религиозную сферу в СССР в 1929—1990 гг., имели, в числе прочего, и достаточно выраженный гендерный аспект. Особенности атеистической работы, к которой, в сущности, сводилось правоприменение, с женщинами и мужчинами были разными, как и методы давления на них. Анализ этих особенностей показывает, что давление на мужчин осуществлялось преимущественно через социальную сторону их жизни, с использованием всех возможностей партийно-государственного аппарата. Это было обусловлено и

тем, что в мужчинах могли видеть потенциальных священнослужителей, что требовало больших усилий, направленных на их индивидуальную проработку; без каких-либо последствий для себя ходить в храм мог только старый или больной мужчина. Атеистическая работа с женщинами была более направлена на семейную сторону их жизни; это было связано с тем, что в тот период социально активные женщины за редким исключением не жили церковной жизнью или же скрывали это. Ставка делалась на подрыв авторитета верующей матери в глазах ее детей и внуков, на противопоставление мужа и жены на религиозной почве. Применение советского законодательства в 1929—1990 гг. выходило далеко за пределы тех жестких и репрессивных для религиозной сферы жизни людей норм, которые были в нем прописаны.

Библиографический список

1. Белова Т. П. Женское православное общественное движение в современной России // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 2. С. 100—107.
2. Галкина А. Как религия отнимает счастье у женщин // *Рабочий край*. 1960. 3 марта.
3. Глава РПЦ отметил подвиги православных женщин в СССР. URL: <http://www.google.ru/url?sa> (дата обращения: 05.07.2013).
4. Государственный архив Ивановской области. Ф. Р-2953. Оп. 1. Д. 397.
5. Государственный архив Калужской области. Ф. Р-3501. Оп. 1. Д. 726. Л. 5.
6. Государственный архив Костромской области. Ф. Р-2102. Оп. 5.
7. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 2.
8. Государственный архив Смоленской области. Ф. 985. Оп. 2. Д. 72. Л. 7.
9. Государственный архив Тульской области. Ф. Р-3354. Оп. 1.
10. Законодательство о религиозных культах : (сб. материалов и документов). М. : Юрид. лит., 1971. 336 с.
11. Ивановский епархиальный вестник. 1999. № 12.
12. Маслов Н. В. Благодатный старец. М. : Самшит, 1997. 78 с.
13. Поместный Собор Русской Православной Церкви 1988 года : материалы. М. : Изд-во Московской патриархии, 1990. 480 с.
14. Федотов А. А. Ивановская епархия Русской Православной Церкви в 1918—1988 гг. : внутрицерковная жизнь и взаимоотношения с государством. Иваново : [б. и.], 1999. 150 с.
15. Федотов А. А. История Ивановской епархии. Иваново : [б. и.], 1998. 243 с.
16. Федотов А. А. Расширение сферы деятельности женщин в Русской Православной Церкви в XX — начале XXI в. // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 2. С. 93—99.
17. Человек Божий. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2001. 320 с.
18. Шафаревич И. Р. Законодательство о религии в СССР : (доклад Комитету прав человека в СССР). URL: <http://www.rodon.org/shir/zorvs.htm> (дата обращения: 23.10.2012).
19. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущёве. М. : Изд-во Крутицкого подворья, 1999. 400 с.
20. Экономцев И. Записки провинциального священника. М. : Вернал, 1993. 416 с.

ББК 63.3(2)6-284.3+60.542.21

Е. В. Фадеева

СТАТУС И РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В ОБЩЕСТВЕ И СЕМЬЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ НИЖНЕГО АМУРА: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Семья коренных народов Нижнего Амура в силу ряда причин (природно-географического и исторического характера) отличалась усложненным составом и длительным сохранением и устойчивостью бытовых традиций. В традиционной семье место каждого ее члена определялось не столько его личными качествами, сколько сложившейся в соответствии с обычаями иерархией взаимоотношений. На этой основе складывались права и обязанности членов семьи, как по возрасту, так и по полу.

Положение женщины регламентировалось вековыми обычаями и зависело от ее семейной роли — дочери, жены, матери. Ей запрещалось заходить на мужскую половину *малу*, она не приступала к еде раньше мужа. Если в доме был гость, то она должна была сидеть молча у входа и заниматься своими делами. Только старая мать или старшая жена могли сидеть вместе с мужчинами за общим столом [10, с. 84]. В жилище для хозяйки предназначались места справа и слева от входа *бя*, где она обычно имела под рукой все предметы личного обихода, а также держала возле себя своих малолетних детей. Тут имелись полки, на которых хранились одежда и швейные принадлежности. На полу под полками стояли сколоченные из жердочек небольшие столики, предназначенные для посуды. Дальше следовали детская игровая площадка и спальня, за очагом против входа *малу* — места для мужчин, где они принимали гостей, отдыхали, хранили свои вещи. Из гостей место *малу* могли занять только уважаемые старики. Тут находилось и помещение для духов, и женщинам в период менструации, а также при посторонних строжайше запрещалось подходить к этому месту. Женщинам была доступна только левая сторона юрты. Спали справа от очага женщины, слева — мужчины [21, с. 25; 13, с. 138]. Дети до 7-летнего возраста спали с родителями. Сестры и дочери располагались на худших местах, вблизи входа, сыновья же помещались подальше от дверей, на поперечных нарах — самом лучшем месте в жилище — либо на боковых нарах. Жилище условно делилось на зоны, в некоторые из них девочка могла заходить, а в другие нет. У тунгусо-маньчжуров женщинам, если они не принадлежали к семье, не разрешалось пересекать линию, параллельную помещению *малу* и проходящую через середину юрты, так что им была доступна только левая сторона юрты. Женатому мужчине следовало избегать мест, где женщинами «помечались» места для духов (сами женщины случайно могли стать такими «местами»), равно как и мест пребывания других духов (*малу*) [3, д. 217,

л. 24—27]. Мужская сторона *малу* находилась за очагом напротив входа. Вдоль стен от входа в жилище находилось место *бя*, где играли дети и устраивали постели на ночь [10, с. 46—48; 8, с. 54]. Старые вдовцы и вдовы занимали правое *бе*, поскольку старые люди считались главами семьи, зять или женатый сын — левое *бе* [3, д. 217, л. 24—27]. На канах обитатели жилища отдыхали: мужчины сидели, скрестив ноги перед собой, молодые женщины — поджав ноги под себя, старые — на корточках; принимали гостей, ели за низкими столиками, работали [19, с. 72]. Спали женщины справа от очага, а мужчины — слева [13, с. 138]. К такому порядку вещей детей приучали с раннего детства. Очевидно, подобное разделение имело практическое значение: находясь подальше от дверей, мужчины меньше подвергались риску простудиться, что имело большое значение для основных добытчиков семьи. Болезнь же женщин не была столь опасна для общего хозяйства северян.

Всю свою жизнь женщина зависела от мужчин-опекунов — сначала от отца и братьев, затем от мужа и свекра. Статус женщины в традиционной семье был неодинаков и определялся множеством факторов. Все зависело от того, какое место она занимала в данный момент в системе семейно-родственных связей, в рамках какого социума она осуществляла свою деятельность и с кем из членов рода, семьи и общины она контактировала.

Девочку с детства приучали к мысли, что она принадлежит к женской половине рода и должна выполнять только женские работы. Ей внушали, что ее подлинное жилище там, где растет ее будущий муж и где она будет хозяйкой; что она «чужеродка» и после замужества уйдет в другой род, т. к. браки внутри своего рода строго воспрещались по обычаю экзогамии. Это накладывало свой отпечаток на взаимоотношения внутри семьи: статус мальчика всегда был выше, чем девочки. Даже родители больше любили сыновей, поскольку они всегда были рядом, в то время как дочери после замужества покидали отчий дом. Таким образом, мужчины в роде образовывали неизменную его половину, а женщины — текучую.

Дочери исключались из права наследования и попадали в зависимое положение от старшего брата и отца, которые и распоряжались судьбой незамужней девушки, выделяя ей из общего имущества приданое для замужества. От них зависело ее будущее благосостояние в семье мужа. В целом же положение дочери в семье отца было относительно свободным и намного легче, чем молодой замужней женщины. Так, П. П. Шимкевич и С. М. Широкогоров писали, что у нанайцев девушка до замужества не обязана была что-либо делать для своей семьи (ходить по воду или за дровами), поскольку эту работу выполняли ее мать или невестка. Если же она и принимала участие в хозяйстве, то по своей доброй воле и обычно на кухне. Зато когда девушка выходила замуж, на нее ложилась основная работа по домашнему хозяйству [27, с. 10; 3, д. 216, л. 234]. Сестры работали поочередно: сегодня одна идет по воду и за дровами, а завтра — другая. Живя же со старшими братьями, сестра не знала никаких обязанностей [26, с. 67, 88, 128]. В нанайской семье существовал обычай, в силу которого старшая сестра работала больше младшей [2, л. 1]. С появлением на Амуре торгового капитала родители нередко отдавали малолетних дочерей в чужие дома в работницы, чтобы от них семье была польза [26, с. 109]. Это еще

больше отдаляло родителей от дочерей, поскольку последние имели достаточно редкую возможность навестить отчий дом.

Незамужняя женщина (но не вдова) пользовалась почти бесконтрольной половой свободой, и отсутствие девственности практически не отражалось на ее положении. Целомудрие обычно требовали в том случае, когда женились на девушке, ничего не зная о ее прошлом. В этом случае, если девушка обманывала ожидания жениха, ее могли избить до полусмерти и даже прогнать к родителям, требуя возврата калыма. С другой стороны, если девушка беременела, это повышало ее цену как невесты, поскольку показывало ее плодовитость и здоровье. Удэгейцы старались выдать беременную девушку за виновника беременности, а внебрачные дети оставались у родителей девушки. Нивхи девушку, родившую без мужа, не осуждали, т. к. считали, что сами плохо за ней смотрели. Впоследствии этого ребенка отец и мать девушки ласкали как законнорожденного [12, с. 148]. С. М. Широкогоров, И. А. Лопатин, Е. Е. Мейер объясняли половую свободу незамужних девушек тем, что они еще не стали чьей-то собственностью, над ними еще не было безграничной власти мужа, а власть отца на половую сферу не распространялась [3, д. 216, л. 235; 11, с. 162—163; 12, с. 147]. Достаточно свободна была девушка и в выборе любовника. Если ей был неприятен жених, она показывала это следующим образом: как только парень входил в жилище, она ложилась на постель и отворачивалась к стене, закрывшись одеждой [22, с. 134].

Вступая в семью мужа, женщина брала на себя бремя забот и работ. Если она была молода, то на нее не возлагали никакой специальной работы, кроме той, которую выполняли все молодые девушки в семье, главная работница учила ее. Если же она была взрослой, то брала на себя обязанности главной работницы в доме или ее помощницы. В последнем случае она находилась в подчинении у главной женщины. Помощница обычно готовила еду, таскала воду и топливо, смотрела за животными, а также выделывала шкуры и немного шила [3, д. 217, л. 45—46].

Положение невестки в семье мужа зависело от того, кто стоял во главе хозяйства: если свекор, то она, как и ее муж, должна была исполнять его волю. Положение женщины менялось, когда муж вступал в наследование имуществом и она становилась хозяйкой дома. Молодой невесткой зачастую помыкала свекровь, а в неразделенных семьях еще и старшие невестки — жены старших братьев, живших единым хозяйством или просто в общем доме. Старшие стремились переложить большую часть работ на плечи молодой (возражать им не позволял обычай), она подвергалась насмешкам и оскорблениям [2, л. 2]. Сноха должна была вставать раньше всех в доме и позже всех ложиться, у нее не было свободного времени. Заработанные ею средства (от продажи изделий домашних промыслов, ягод, грибов и др.) поступали в распоряжение свекра или свекрови, которая могла выгнать ее из дома, не считаясь с мнением своего сына — мужа молодой женщины, или даже отправить обратно к отцу, что было большой семейной неприятностью. У удэгейцев невестку, чем-то не угодившую свекрови, сурово наказывали: взяв за ноги, ударяли головой о дерево и бросали в реку, либо, бросив в реку, били шестами. Если она после этого выживала, то возвращалась в свой род [1, л. 23]. У орочей и нанайцев самая

младшая из замужних женщин варила обед и готовила обувь для мужа, детей и гостей [4, д. 10, л. 96].

Мужчины старались не вмешиваться в дела женщин, не обращать внимания на их ссоры из-за очага, детей, посуды, но изредка, не выдержав крика и шума, они кулаками унимали расходившихся женщин [25, с. 10]. Нормы обычного права защищали интересы женщины только в случае жестокого обращения с нею мужа. Родственники жены могли отомстить роду мужа за обиду, нанесенную женщине их рода. Например, если она умирала из-за того, что ее мужем или членами его рода не был приглашен шаман для оказания помощи. В этом случае мстили по принципу «жизнь за жизнь» [3, д. 217, л. 55—56]. Женщина принималась в состав рода своего мужа, но, несмотря на это, она продолжала состоять и в роду своего отца, которому принадлежали известные права, и он мог вмешаться, если женщина нуждалась в защите или ей требовалась какая-либо помощь.

Положение снохи в семье несколько упрочивалось с рождением ребенка, поскольку, как говорили, к примеру, ульчи, ей начинали доверять и муж, и его родители [19, с. 184]. Женщина уделяла ребенку много времени, и с нее снимали часть работ. Только теперь молодой отец начинал отдавать своей жене деньги, получаемые им от охотничьего промысла. До этого они шли в общесемейную кассу, которой ведала мать семейства (жена главы — старшего мужчины в доме).

Нанайка более свободно высказывала претензии по поводу внимания и ласки со стороны мужа, тогда как нивхинка нередко сама выступала в роли сватьи для своего мужа, захотевшего приобрести вторую жену [11, с. 167; 23, с. 149].

Входя в полигамную семью, молодая женщина сталкивалась с другими женами своего мужа, его братьями, свекровью. Складывающиеся взаимоотношения в таких семьях в значительной степени зависели от характера старшей жены. Старшей женой являлась женщина, на которой мужчина женился раньше (у ульчей, удэгейцев), либо старшая по возрасту (нивхи, орочи) [4, д. 28, л. 87—88]. В литературе старшая невестка описывалась как тихая, рассудительная и расторопная хозяйка, «распределительница» в большом доме, отвечающая за достаток в пище людям и собакам. По ее указу женщины сушили юколу, обжаривали жирные брюшки, вытапливали жир — готовили впрок. Пока она не давала команду, женщины продолжали свою работу. Она не только умела подсчитывать запасы пищи, одежды, но сама работала быстрее и проворнее других женщин. Старшая невестка, как правило, противопоставлялась вздорной, взбалмошной и легкомысленной младшей невестке. Хозяйка дома была загружена работой вдвое больше остальных женщин, поскольку на ней держалось все хозяйство. Она была привычна к любой работе: прибирала дома и в амбаре, успевала обрабатывать рыбы кожи и накормить многочисленных собак [25, с. 12, 115]. Старшая женщина на кухне являлась главным человеком, хозяйствуя, главным образом, словами. Вся же черная работа лежала на невестках, т. к. сестер «бог родил, а их мужья купили, поэтому они и должны работать больше остальных». Младшие невестки все замечания должны были выслушивать молча, не прекослова [2, л. 2]. Во многих случаях совместное

проживание двух или нескольких жен приводило к настоящим трагедиям. Когда женщины большого дома были в ссоре, то они не разговаривали друг с другом, не шушукались возле очага, у них были отчужденные лица, резкие движения, холодные, злые взгляды. Происходило это из-за того, что младшая своянственная невестка не хотела больше находиться под властью старшей женщины, поскольку сама вполне могла вести свое хозяйство. В результате она никому не давала покоя, со всеми ругалась и даже дралась со старшей женщиной. И она же наводила мужа на мысль, что раз у него есть свои острога, ружье, самострелы, собаки и др., то он вполне может обойтись без помощи сородичей, большого дома. Это не проходило бесследно: братья начинали ругаться с отцом и между собой, защищая жен и детей [25, с. 167—168, 169, 170].

Все жены, согласно обычному праву, должны были одинаково подчиняться своему мужу, и он к ним должен был относиться одинаково, регламентировался даже раздел супружеского ложа. Но муж обычно особо не задумывался над тем, с какой из жен спать, он ложился в первую попавшуюся постель, а мог подряд несколько ночей спать со старшей женой, затем ночь — с молодой, и наоборот [25, с. 162]. Отношения между женами нормировались таким образом, что первая жена должна была быть старшей среди них, а все остальные должны были ее уважать и слушаться. Но жизнь далеко уходила от этих правил. Во многих случаях хозяйкой в доме становилась любимица хозяина, как правило, это была самая молодая из жен. Остальные жены были только работницами, и муж нередко даже не разделял с ними ложа. Однако и они имели своих поклонников в лице брата мужа или друга, живущего в юрте [12, с. 151]. Большое значение имело имущественное положение каждой жены, величина материального вклада, внесенного ею в семью. Младшие жены были неправы, они и их дети плохо питались, им отводились самые неудобные и холодные участки нар (близ дверей). В то время как старшая жена сидела дома, младшая ездила на рыбалку, ходила за дровами, носила воду. Очень тяжелым было положение бездетных женщин и женщин, у которых рождались одни девочки: мужья брали себе других жен, которые быстро занимали ведущее место в семье. Плохо обращались мужья и с женами, приобретенными по обычаю *коктоу* (девушку отдавали в качестве платы за убийство), которые нередко подвергались издевательствам и избиениям самыми извращенными способами (например, женщину подвешивали за ноги — головой вниз), их могли даже и убить [5, с. 570—571; 22, с. 124; 2, л. 1; 4, д. 10, л. 92]. Очевидно, здесь сказывалась обида мужчин на род женщины, нанесший оскорбление их сородичам.

После смерти мужа невестка теряла все свои права и вновь попадала в зависимость от его родственников, стремившихся женить на ней младшего сына (по обычаю левирата). В противном случае у нее отбирали детей. Когда вдова перешла в семью своего деверя со всем своим имуществом и детьми, то, как правило, она становилась старшей женщиной в семье, если не было матери мужа.

Положение женщины в семье мужа было тяжелым. Муж имел право наказывать жену за любые провинности, попрекая тем, что пришлось долго зарабатывать на выплату калыма *тори* (нан.) или *ускис* (нивх.), но она на редкость покорно и терпеливо переносила причиняемые мужем страдания [5, с. 570—571]. Например, в фольклоре ульчей содержится упоминание о том, как муж за

то, что жена хотела убить его, подвесил ее за ноги к потолку, отчего женщина похудела, а лицо распухло от прилившей к голове крови. При этом он говорил ей: «...теперь ты здесь, как щучья юкола, насухо высохнешь, как юкола карася, тонко увянешь» (цит. по: [22, с. 124]). Подобные наказания женщины бытовали и у бикинских удэгейцев. За измену муж избивал жену до полусмерти, но иногда приказывал ей привести в дом его любовницу. И жена выполняла это требование, зачастую даже умоляя ее прийти к ним в дом [2, л. 1]. У нивхов убежавшую от него жену муж жестоко наказывал, привязывая ее за ноги к задку нарт и с огромной скоростью разгоняя собак [9, с. 106]. У орочей мальчики свободно могли ударить свою мать, если она их чем-нибудь обидела. Отец на такое обращение сына с матерью смотрел с безразличием. Однако это право не распространялось на дочерей, от которых мать никогда не сносила обиды [4, д. 10, л. 92]. Подобное положение вещей четко отражает социальный статус мужчины и женщины в обществе: мужчина, даже маленький, всегда стоит выше на социальной лестнице, нежели женщина, даже мать.

Многие мужчины почти круглый год были в разъездах. Женщина в течение большей части года оказывалась естественной хозяйкой дома, что отражалось на ее самостоятельности [7, с. 62; 18, с. 234].

Женщины коренных народов, вследствие раннего возраста брачующихся и большого количества беременностей, быстро старились, а мужчины преждевременно становились бессильными. Женщины, помимо вышеуказанных причин, быстро «сгорали» от постоянной, изнурительной работы, отчего выглядели серьезными, сохраняя на лице отпечаток подавленности и утомления [5, с. 594, 579].

Прекращение физиологических функций у женщины позволяло уравнивать ее в правах с мужчиной, поэтому положение старших женщин, благодаря их социальному и биологическому возрастам, в семье было иным. В прошлом у народов региона существовала система традиционно сложившихся нормативных предписаний, выражающих почтительное отношение к пожилой женщине. Только старуха, мать семейства, имевшая взрослых дочерей и других женщин под своим руководством, могла сидеть, разговаривать, есть вместе с мужчинами [3, д. 217, л. 54, 60—61, 64]. Младший мужчина кланялся старшим женщинам, становясь при этом на колени, а те его целовали в щеки. Женщины сами друг другу и старшим мужчинам не кланялись [28, с. 508]. У нивхов старшие при встрече целовали младших, однако хозяйка дома не целовала гостей, а только обнимала и гладила по спине. Пожилые нивхинки *ычикху* могли выступать хранительницами родовых традиций, и, хотя в роде мужа они являлись «чужеродками», их советы принимались всеми членами к исполнению. После смерти мужа жена иногда оставалась полной хозяйкой [14, с. 217].

Традиционное уважение к старшему поколению поднимало статус матери, за ней признавали мудрость и жизненный опыт, она была незаменима в свадебных, родильных, погребальных и поминальных обрядах, ее слово в матримонильных делах детей часто было решающим. Ее несогласие с мнением мужа, если только оно было разумным и обоснованным, могло иногда определить конечный итог обсуждения. Она могла также наложить свое вето на решение, принятое без ее согласия [3, д. 217, л. 54, 60—61, 64].

Старшая женщина приходилась женой или матерью главе семьи и считалась главой женской части дома. Являясь одной из центральных фигур родственного коллектива, она выполняла организаторские, хозяйственные, воспитательные функции, оказывала значительное влияние на внутрисемейные отношения. Ее воздействие было заметно и в сохранении широкого семейного единства: даже полностью разделившиеся семьи родителей и женатых сыновей продолжали ощущать себя одной семейной общностью, оказывая друг другу материальную и моральную поддержку. Большесемейный уклад характеризовался господством патриархальных отношений, которые строились на принципах половозрастной сегрегации и безусловном подчинении младших старшим. В народе говорили, что дети, даже сыновья, за всю жизнь не могут расплатиться с матерью. Сколько бы дети ни кормили мать, это будет меньше доли молока ее одной груди [25, с. 117].

В полигамных и больших семьях главой семьи был старший мужчина, который распоряжался общесемейной кассой вместе со старшей женой — *даи эня* (ульч.). Последняя выступала в роли советчицы, хранила деньги и нередко расходовала их по своему усмотрению, делая для семьи необходимые закупки [19, с. 234].

Одной из важнейших функций старшей женщины в семье была организаторская. Она отвечала за трудовую деятельность женской половины семьи, распределяла обязанности по дому между остальными женщинами (таскание дров, воды, варка и распределение пищи, кормление людей и собак, уборка помещения, уход за детьми, обшивание членов семьи). Распоряжения старшей женщины в семье выполняли ее дочери, снохи (невестки) и внучки. Помимо этого, старшая женщина регулировала отношения между остальными женами (в полигамной семье) или невестками (в больших семьях), что было достаточно трудной ролью и требовало от нее большого такта. Ведь после обеда, при уборке посуды между женщинами нередко вспыхивали ссоры. Она ведала текущими работами по дому и была хранительницей ключей. Она же распределяла покупки, а также шкуры и кожи между семьями, на ней лежала обязанность сохранения мира и спокойствия в доме. Старшая женщина являлась полноправной хозяйкой амбара со всеми продовольственными запасами, которые она должна была рационально расходовать и распределять. Мужчины, в силу различных запретов, как правило, религиозного характера, не имели права доступа туда, а женщины входили только по ее поручению. В полигамных семьях старшая жена не ходила на рыбалку, не готовила и обычно занималась шитьем и вышиванием, т. е. престижными видами работ [17, с. 310]. В семьях, где женатый сын был единственным и последним, свекровь, будучи главой семьи, больше занималась уходом за внуками, меньше — производительным трудом.

Высоким авторитетом старшей женщины предопределялась ее исключительная роль в воспитании подрастающего поколения. Особенно это проявлялось в больших семьях, где неукоснительно соблюдались обычаи избегания между родителями и детьми. От бабушки дети получали и первое представление о религии, о разделении труда между полами, обычаях избегания и пр.

Кроме того, в функции старших женщин входило использование различных рациональных действий, направленных на охрану здоровья и лечение де-

тей, а также передача этих знаний более молодым женщинам семьи. Ими же выполнялись магические действия. Женщины хранили и передавали по наследству дочерям секреты народной медицины, приемы охранительной магии, различные амулеты и обереги.

Старшие женщины аккумулировали в себе все важнейшие качества женского идеала: доброту, ум, хозяйственность, мастерство. Они гордились своими женскими «достижениями»: умением хорошо хозяйничать, искусством рукоделия, удачными детьми и невестками, хорошими мужьями, личной красотой и материнскими качествами. Соревнование у женщин выражалось, например, в искусстве шитья одежды, обработки шкур и вышивания узоров. Но преуспевающие в этих занятиях не отказывались обучить неопытных женщин, при этом никогда не надсмехаясь над ними.

В религиозных обрядах старые женщины играли немаловажную роль, поскольку на них не распространялись многие запреты, существующие для девушек и молодых женщин. Как правило, из их среды выделялись гадатели: *тудины* (у нанайцев) — специфические лекари — не шаманы, *исачила* (у ульчей) — ясновидцы и шаманки [18, с. 235]. В комплекте шаманских атрибутов присутствовала юбка, что является одним из аргументов в пользу того, что ранее в шаманстве главенствующая роль принадлежала женщинам [20, с. 127]. Наиболее «сильными» считались пожилые и старые шаманки, т. к., по сложившимся представлениям, женские регулы отнимали много энергии и сил у молодых женщин. Считалось, что старые шаманки в течение некоторого времени охраняли жизнь ребенка от различных напастей. Нанайцы, как и другие этносы региона, верили, что в становлении детей пожилые женщины играют немаловажную роль. Так, с согласия пожилой женщины мать ребенка совершала следующий обряд. Углы пол халатов младенца и этой женщины накладывали друг на друга и сшивали. Затем их разрезали так, чтобы кусочек детской одежды остался на халате женщины, и наоборот. В этом случае верили, что долголетие, мудрость, жизненный опыт старого человека перейдут к ребенку [6, с. 93].

Многие из старших женщин пользовались большим авторитетом не только в своей семье, но и среди всей родни, принимали участие в семейном совете, на котором присутствовали все взрослые мужчины, и представляли там интересы женской половины дома. Их престиж на семейном совете определялся в известной степени важностью женского труда в общем хозяйстве семьи. Они зачастую выступали посредницами при решении семейных конфликтов даже в других семьях: к их советам прислушивались не только женщины, но и мужчины. Некоторые из них оказывали влияние на формирование общественного мнения в соседской общине. В архивных материалах 1897 г. упоминались нанайские и ульчские вдовы, возглавляющие семьи, хотя это шло вразрез с традиционными обычаями [16, с. 184]. Почтительное отношение к женщине проявлялось и за праздничным столом во время приема гостей, на общественных и семейных торжествах. Однако, несмотря на высокий авторитет, старшие женщины оказывались лишенными каких-либо имущественных привилегий: их собственностью были только личные вещи, в случае развода они не получали доли общесемейного имущества.

Изменения, произошедшие за годы советской власти, затронули все стороны жизнедеятельности этносов: их родовую организацию, традиционные социальные отношения, старые традиции, унижавшие женщин, и др. С первых дней советского строительства особое внимание обращалось на архаичность семейно-брачных отношений у этих народов, на изживание пережитков прошлого. Новые советские законы о браке и семье обеспечивали право вступления в брак без принуждения, запрещали браки несовершеннолетних, многоженство, подтверждали равноправие мужчин и женщин, провозглашенное уже в первых декретах советской власти и утвержденное в Конституции РСФСР 1918 г. Внедрение этих принципов в жизнь было сложной задачей. Созданные на местах органы советской власти призывали к перестройке семейных отношений, проведению в жизнь новых законов о браке и семье, к активному участию женщин в общественной жизни и труде.

Одним из первоочередных мероприятий, направленных на улучшение и оздоровление быта народов Севера, явилось запрещение давать и принимать калым при заключении брака. Были также запрещены ранние браки [24, с. 209].

С женщинами, которые в детстве были выданы замуж или отданы за долги «на воспитание» в другую семью, члены Советов, активисты проводили беседы, в случае необходимости главу семьи, в которой они жили, обязывали выделить им часть имущества из своего хозяйства. Велась борьба и с многоженством: туземные суды предлагали мужчинам оставить себе одну жену, а с остальными развестись.

В начале 1920-х гг. были предприняты попытки уравнивания женщин с мужчинами и в социальном отношении, однако они натолкнулись на активное сопротивление со стороны мужчин, которые грозились немедленно покинуть народное собрание, где решались хозяйственные и административные вопросы, *суглан*. В конце концов был достигнут компромисс: женщины допускались на общественные собрания, но только с правом совещательного голоса.

В родовых и туземных советах с женщинами проводились беседы, их вовлекали в различные кружки и женсоветы. Последние способствовали ликвидации неграмотности женщин, помогали медицинским работникам следить за соблюдением в быту основных правил санитарии и гигиены, создавали первые детские площадки во время интенсивных сезонных работ. Помимо этого, женсоветы защищали права женщин (особенно в семьях, где мужья и свекрови были несправедливы к женам и невесткам), вступались за девушек в тех случаях, когда родители выдавали их замуж против воли или запрещали им ехать на учебу в города. Женщины быстро приобщались к общественной работе, начали выступать на собраниях, стремились наравне с мужчинами работать в колхозах. Труд в колхозе юридически и фактически уравнивал женщину в правах с мужчиной.

В конце 1930-х гг. во время выборов в центральные и местные Советы женщины Севера не только впервые избирали, но многие из них были сами избраны в советские органы власти [15, л. 285; 17, с. 307—308]. Активное участие женщин северных народов в строительстве новой жизни в значительной степени объясняется тем, что женщины у оленеводов и промысловиков никогда не были затворницами, бесправными и забытыми существами, как это счи-

талось долгое время. Огромное значение в деле реального освобождения женщины от влияния старых традиций имела повсеместная организация в тайге школ-интернатов, детских садов и яслей.

С 1930-х гг. началась эпоха коллективизации, приведшая к дальнейшим изменениям традиционного уклада. Женщины стали выполнять мужскую работу — корчевать лес, ловить рыбу, вязать сети.

В 1940-х гг., отправив мужчин на фронт, многие семьи остались без отцов, старших братьев и сыновей, в результате чего воспитание мальчиков легло на плечи женщин и преемственность традиционного опыта по мужской линии была утрачена. Это, в свою очередь, тоже не могло не сказаться на перераспределении традиционных ролей в семье.

На сегодняшний день у женщин выше уровень образования, они чаще владеют востребованными в сельской местности профессиями, меньше подвержены разного рода социальным аномалиям. Они, как правило, материально независимы, у них достаточно высокие требования к будущему спутнику жизни, что, к сожалению, приводит к трудностям выбора брачного партнера, а естественное желание иметь ребенка влечет за собой увеличение количества внебрачных детей (тем более что отношение к матерям-одиночкам в последние годы кардинально изменилось).

Изменения, происходящие в структуре семьи, в ее бюджете, — важные факторы обновления внутрисемейных отношений, в том числе это касается статуса женщины. Взаимоотношения в современной семье можно назвать демократическими, эгалитарными. Теперь нередко (как можно судить по походяственным книгам) статус главы семьи имеют и женщины, чаще всего когда жена получила образование и пользуется авторитетом, занимая более высокое социальное положение (работает педагогом, бухгалтером, заведует отделением связи и др.), или в том случае, если она (вдова с детьми или разведенная) принимает в дом нового мужа. Впрочем, официальный статус главенства в семье в большинстве случаев является формальным. Даже при главенстве мужа в наше время, как правило, семейной кассой заведуют женщины. На них лежат обязанности по воспитанию детей, они ведут дом, причем работают и на производстве и нередко получают более высокую заработную плату, чем мужья. Естественно, отчасти изменились и семейные функции мужчин. Они занимаются подсобным семейным хозяйством вместе с женами и старшими детьми, хотя на них лежит основная забота о материальном обеспечении семьи. Сейчас мужчины выполняют работы, в прошлом считающиеся чисто женскими, в частности заготавливают воду, топливо. Существовавшие в прошлом различные запреты для женщин в той или иной степени сохранялись и в 1970-х гг. — лишь в семьях, где еще были живы глубокие старики. Однако мотивировка таких запретов в большинстве случаев уже была утрачена. Многие важные семейные вопросы решаются мужем совместно с женой и другими членами семьи. Естественной является атмосфера взаимной любви, уважения всех членов семьи, забота друг о друге, стремление родителей создать детям благоприятные условия для учебы и отдыха [17, с. 328—329]. Отметим, что даже в таком вопросе, как расторжение брака, женщины выступают на первых ролях, о чем раньше они не могли и помышлять. Отношение общества к этому явлению повсеместно стало бо-

лее либеральным. Сегодня уже никто не осуждает ни саму процедуру расторжения брака, ни разведенных женщин. Эти данные свидетельствуют о достаточной независимости и самостоятельности женщин, о перераспределении ролей в современной семье. Таким образом, изменения, происходящие в последнее время в хозяйстве и материальной культуре, не могли не отразиться на духовной жизни этнической группы, на взаимоотношениях членов семьи, на статусе и роли женщины в современной семье и обществе.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что, несмотря на неравноправное положение, женщины в традиционном обществе и семье не являлись пассивными членами, а активно участвовали в социальной, и в том числе производственной, жизни. Исследование эволюции социального статуса женщины выявило некоторые наиболее характерные черты ее положения и прав в семье, особенности, определяющие ее (условно говоря) «свободу» или «закабаленность», «дееспособность» или «бесправие», на которые всегда оказывали воздействие этнические факторы, нормы обычного права, традиции повседневного поведения и общения. Это позволило определить, что статус женщины в традиционном обществе и семье зависел от того, какое место она занимала в данный момент в системе семейно-родственных связей, в рамках какого социума она осуществляла свою деятельность и с кем из членов рода, семьи и общины она контактировала.

Библиографический список

1. Архив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Ф. 1. Фонд С. В. Березницкого. Оп. 2. Д. 434.
2. Архив Музея антропологии и этнографии РАН. Ф. 5. Фонд А. Н. и Н. А. Липских. Оп. 2. Д. 80. Далее: Архив МАЭ РАН.
3. Архив МАЭ РАН. Ф. К-2. Фонд С. М. Широкогорова. Оп. 1.
4. Архив Общества изучения Амурского края. Фонд В. К. Арсеньева. Оп. 1.
5. *Белиловский К. А.* Женщина инородцев Сибири : (медико-этнографический очерк) // Сб. работ по акушерским и женским болезням, посвящ. проф. К. Ф. Славянскому в 25-летие его врачебно-ученой деятельности. СПб. : Типолитография Р. Голике, 1894. С. 527—629.
6. *Гаер Е. А.* Древние бытовые обряды у народов Севера // Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М. : Наука, 1981. С. 91—107.
7. *Золотарёв А. М.* Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск : Дальгиз, 1939. 206 с.
8. История и культура орочей : историко-этнографические очерки / отв. ред. В. А. Тураев. СПб. : Наука, 2001. 176 с.
9. *Крейнович Е. А.* Нивхгу : загадочные обитатели Сахалина и Амура. М. : Наука, 1973. 496 с.
10. *Ларькин В. Г.* Орочи : историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней. М. : Наука, 1964. 175 с.
11. *Лопатин И. А.* Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские : опыт этнографического исследования // Зап. Общества изучения Амурского края Владивостокского отделения Приамурского отдела РГО. Владивосток, 1922. Т. 17. 372 с.
12. *Мейер Е. Е.* Письма с Амура. К С. В. М. // Вестник Сахалинского музея : ежегодник Сахалинского областного краеведческого музея. Южно-Сахалинск, 2000. № 7. С. 119—156.

13. *Подмаскин В. В.* Народные знания удэгейцев : историко-этнографическое исследование по материалам XIX—XX вв. Владивосток : Изд-во ДВО РАН, 1998. 227 с.
14. *Пухта М. Н.* О нивхском этикете // Изв. Ин-та наследия Бр. Пилсудского при Сахалинском государственном областном краеведческом музее. Южно-Сахалинск, 1999. С. 217—223.
15. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. Р-2413. Фонд Далькраисполкома. Оп. 4. Д. 648.
16. *Смоляк А. В.* Изменения семейного строя у народов Нижнего Амура с конца XIX в. до конца 1970-х гг. // Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера. М. : Наука, 1985. С. 175—194.
17. *Смоляк А. В.* Народы Севера и Дальнего Востока // Семейный быт народов СССР. М. : Наука, 1990. С. 307—336.
18. *Смоляк А. В.* Положение женщины народов Севера в семье и обществе // Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен : материалы междунар. конф., 1993 г. М. : Наука, 1994. С. 231—236.
19. *Смоляк А. В.* Ульчи : хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. М. : Наука, 1966. 290 с.
20. *Смоляк А. В.* Шаман : личность, функции, мировоззрение : (народы Нижнего Амура). М. : Наука, 1991. 280 с.
21. *Старцев А. Ф.* Материальная культура удэгейцев (вторая половина XIX—XX в.). Владивосток : Изд-во ДВО РАН, 1996. 155 с.
22. *Суник О. П.* Ульчский язык : исследования и материалы. Л. : Наука, 1985. 264 с.
23. *Тихвинский С.* Записки миссионера : воспоминания о жизни гольдов, гиляков, самогирцев, айнцев и других народов, обитающих по Амуру и его притокам : гиляки // Благовещенские епархиальные ведомости. 1913. № 9/10. С. 146—152 ; № 11. С. 179—186.
24. *Туголуков В. А.* Преодоление старого в быту и сознании эвенков // Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М. : Наука, 1971. С. 200—212.
25. *Ходжер Г. Г.* Конец большого дома. Хабаровск : Кн. изд-во, 1969. 368 с.
26. *Шимкевич П. П.* Материалы для изучения шаманства у гольдов // Зап. Приамурского отдела РГО. Хабаровск, 1896. Т. 2, вып. 1. С. 1—131.
27. *Шимкевич П. П.* Некоторые моменты из жизни гольдов и связанные с жизнью суеверия // Этнографическое обозрение. 1897. Кн. 34, № 3. С. 1—20.
28. *Штернберг Л. Я.* Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны / под ред. и с предисл. Я. П. Алькора (Кошкина). Хабаровск : Кн. изд-во, 1933. 740 с.

ГЕНДЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

ББК 88.334.1

К. Г. Мальцев, А. А. Попель

ПРОБЛЕМА ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ ГЕНДЕРНЫМ ФАКТОРОМ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Креативность выступает одним из наиболее противоречивых и наименее изученных явлений в современной психологии, т. к. активные исследования по данной проблеме стали проводиться только в начале 50-х гг. прошлого века. Их результаты представлены в работах таких отечественных психологов, как Б. Г. Ананьев, Ю. Д. Бабаева, С. М. Бернштейн, В. С. Библер, П. Я. Гальперин, В. Н. Дружинин, И. И. Ильясов, А. Г. Ковалёв, В. А. Крутецкий, А. М. Матюшкин, Н. С. Лейтес, А. Н. Лук, В. И. Панов, К. К. Платонов, Я. А. Пономарёв, С. Л. Рубинштейн, Б. М. Теплов, О. К. Тихомиров, В. Н. Пушкин, В. Д. Шадриков, Н. Б. Шумакова, М. А. Холодная, В. С. Юркевич, Э. Г. Юдин, М. Г. Ярошевский и другие.

Большой вклад в разработку проблем способностей, одаренности, творческого мышления внесли зарубежные психологи: М. Воллах, Дж. Гилфорд, С. Медник, В. Смит, Р. Стернберг, П. Торренс, К. Тейлор, Х. Трик, Д. Халперн и другие.

Однако, как отмечает П. Я. Гальперин, несмотря на достаточный срок, прошедший со времени выхода первых научных работ, для многих исследователей и по сей день креативность остается своеобразной «синей птицей психологии» [1].

М. Эдвардс обобщил состояние дел в данной области посредством неутешительного вывода: «Независимо от того, какое определение мы даем креативности, она до сих пор остается аморфным и крайне трудным для понимания концептом» [17, p. 222].

Отсутствие единого мнения относительно того, что следует понимать под термином «креативность», привело к тому, что в современной психологической литературе широко представлены самые разнообразные (а подчас и противоречивые) точки зрения. Так, еще в 60-х гг. прошлого века существовало более 60 определений креативности, причем их число продолжает расти. Подобная тенденция терминологического бума, господствовавшая в течение нескольких десятилетий, не только сильно затруднила интеграцию крайне скуд-

ных сведений в единую концепцию, но и увела от истинного понимания того, что представляет собой креативность [33].

Проведя анализ последних исследований о способности к творчеству, Л. Дорфман (1999) пришел к следующему:

1) креативность подразумевает способность реагировать на необходимость в новых подходах и продуктах и тем самым адаптироваться к изменяющейся внешней среде. Данная способность также позволяет осознавать новое в бытии, хотя сам процесс может носить как сознательный, так и бессознательный характер;

2) центральным фактором творчества во многом является личность творца и сила его внутренней мотивации;

3) специфические свойства креативного процесса, продукта и личности — их оригинальность, самостоятельность, валидность, адаптивность;

4) креативные продукты могут сильно различаться по своей природе (новое решение математической задачи, открытие химического процесса, сочинение музыки, построение новой философской и религиозной системы, инновация в юриспруденции, свежее решение социальных проблем).

Влияние гендерного фактора на креативность представляет собой еще менее изученную область. Работы [10, 30, 31], убедительно подтверждающие факт существования гендерных различий в креативности, оказались неспособны существенно продвинуть нас в понимании их природы. В частности, Дж. Баеру [10] удалось обнаружить, что успехи женщин в области искусства, литературы, музыки и театра в целом сопоставимы с достижениями мужчин, однако значительно уступают последним в прикладной и теоретической науке, живописи и ряде других областей.

Более 30 лет тому назад Н. Коган [25] провел одно из наиболее исчерпывающих на тот момент исследований взаимосвязи гендера и креативности. Среди основных тезисов работы — следующее утверждение (кстати, не потерявшее своей актуальности и сегодня): каждый исследователь в области психологии поведения, вставший на позицию превосходства одного пола над другим в области креативности, неизбежно превратится в объект яростной критики со стороны большинства научного сообщества. К радости автора, ему удалось избежать подобной участи, поскольку обнаруженные им различия оказались весьма незначительными.

Следует отметить, что отношения между гендером и креативностью представляют собой «исключительно сложную проблему; тем не менее проведение исследований в данной области крайне необходимо, поскольку тесты креативности обнаружили свою весьма скромную чувствительность к гендерному фактору, а сам гендер зачастую выносится за скобки при оценке творческих достижений мужчин и женщин. Как результат, подобное пренебрежительное отношение послужило причиной нарастающих затруднений при объяснении взаимосвязи и влияния гендера и креативности» [11, p. 75].

В итоге предельная противоречивость самых разнообразных точек зрения сделала почти невозможным пролить «луч света» на это «темное царство» гендерных различий в креативности, что не могло не привести к вполне закономерному итогу: эта проблема стала все чаще выпадать из фокуса научного внима-

ния. Так, ее обсуждение полностью отсутствует на страницах весьма авторитетного сборника под редакцией Р. Стернберга «Природа креативности» (1988).

Что же послужило основанием столь предвзятого отношения? Большинство ученых сходятся во мнении, что основным слабым местом является очевидное несоответствие между результатами выполнения тестов на креативность и реальными творческими достижениями, которые испытуемые впоследствии демонстрируют в повседневной жизни [11]. Справедливой критике подвергается и то обстоятельство, что «большая часть исследований, посвященных проблеме влияния гендера на креативность, сосредоточивались на анализе дивергентного мышления, чья связь с креативностью до сих пор окончательно не изучена» [11, р. 76]. Как полагают Дж. Баер и Дж. Кауфман, «мы имеем в своем распоряжении целый ряд работ, убедительно доказывающих преимущество женщин в выполнении подобных тестов; при этом существуют столь же многочисленные исследования, свидетельствующие об обратном. Первые, однако, представлены более широко, что в некоторой степени развенчивает миф о тотальном преимуществе мужчин над женщинами» [11, р. 79].

Дж. Абра и С. Валентин-Френч [7] проанализировали большинство современных теорий, описывающих взаимосвязь гендерного фактора и креативности, и также были вынуждены подвести неутешительный итог: несмотря на наблюдаемый в последнее время рост исследований, их научная ценность остается по-прежнему весьма скромной. Одну из причин такого фиаско ученые видят в том, что «для оценки креативности обычно применяют многочисленные тесты (например, тест Медника или Гилфорда), валидность которых вызывает у исследователей все большие сомнения» [7, р. 237]. Проблема усугубляется еще и тем, что большинство испытуемых являлись либо детьми, либо студентами колледжа, т. е., обладая огромным творческим потенциалом, свойственным данному возрасту, они оказались просто неспособными продемонстрировать такие значительные творческие достижения, которые бы сделали факт влияния гендерных различий очевидным. В итоге, как и их предшественники, не добившиеся серьезных успехов в раскрытии загадки связи креативности с гендером, Дж. Абра и С. Валентин-Френч оставляют читателя наедине с весьма неоднозначным выводом о том, что «креативность определяется как средовыми, так и генетическими факторами <...> поскольку мужчины и женщины отличаются друг от друга по каждому из них, то каждый фактор в отдельности вполне может оказывать влияние» [7, р. 235].

Не менее широко представлена точка зрения, отрицающая влияние гендерного фактора на креативность. Так, в эксперименте, проведенном М. А. Ранко, 150 школьников со средним IQ=133 попросили описать свои творческие достижения в семи областях: письме, музыке, искусстве, науке и пр. Анализ полученных данных позволил обнаружить наличие значительных гендерных различий только в области частоты музыкальных выступлений [32].

Серьезные гендерные различия не были обнаружены и в эксперименте Д. В. Чана, в котором двум сотням одаренных китайских студентов было предложено оценить уровень своей креативности, степень сплоченности семьи и эмоциональный интеллект [14].

Широкую популярность, несмотря на слабую прогностическую способность [23, 37], приобрел метод внешней оценки наставником или сверстниками.

С. Лау и В. Л. Ли предложили учащимся и преподавателям ряда школ Гонконга оценить креативность своих одноклассников [27]. Оказалось, сверстники оценили юношей как более креативных; оценки учителей, однако, не выявили значительных гендерных различий.

Не обнаружены они были и в ряде исследований, проведенных признанным лидером в области изучения креативности Т. Амабайл, в которых объектом выступила вербальная креативность [8, 9]. Студентам колледжа предлагали создать какой-либо творческий продукт (рассказ, стихотворение, коллаж и др.), после чего их работы передавались группе экспертов, которые не обнаружили существенных гендерных различий. В другом эксперименте в одной из групп, состоявшей из взрослых, Амабайл удалось выявить «минимальную степень гендерных отличий. Женщины продемонстрировали несколько более высокую креативность в создании коллажей, чем мужчины ($p < .052$)» [9, p. 49], однако при повторном проведении эксперимента различий обнаружить уже не удалось.

Отметим, что Амабайл применяла метод внешней экспертной оценки (Consensual Assessment Technique — CAT), который «исходит из признания того факта, что наиболее эффективным средством оценки креативности в области искусства, теоретических дисциплин, научных гипотез и прочего является оценка полученного результата группой внешних экспертов в данной предметной области. В отличие от тестов на дивергентное мышление, CAT не зависит от какой-либо определенной теории креативности, что делает его валидность независимой от валидности данных теорий» [12, p. 1].

Суть данного метода заключается в следующем: испытуемых просят создать некий творческий продукт, например сочинить рассказ, написать стихотворение или сделать эскиз. Полученные работы затем поступают к экспертам, которые оценивают их с точки зрения креативности. Эксперты работают индивидуально, что минимизирует их влияние друг на друга. Применение CAT показало как довольно высокую согласованность во мнениях экспертов в отношении того, что мы можем считать креативным продуктом, так и незначительные различия по гендерному, расовому и этническому факторам [12].

Дж. Кауфман, Дж. Баер, М. Д. Агарс и Д. Лумис подтвердили высокую степень объективности CAT и также не обнаружили значимых различий по гендерному признаку [16]. В ходе эксперимента исследователи произвольно отобрали 60 произведений, размещенных в свободном доступе на сайте любителей поэзии. Затем каждое из них было помечено мужским или женским именем, ассоциирующимся у большинства людей с представителями негроидной или европеоидной расы. После этого они были помещены в два пакета — с указанием имени автора и без него — и переданы группе оценщиков, студентам старших курсов. Студенты оценивали каждое литературное произведение по следующим критериям: креативности, грамотности письменной речи и степени удовольствия от прочтения. Исследователи особо подчеркивают тот факт, что они намеренно выбрали студентов-«дилетантов», а не профессиональных экспертов, поскольку одной из задач эксперимента было определение того, могут ли стереотипы и предубеждения влиять на оценку. Как показал эксперимент, удалось обнаружить «минимальную степень влияния предубеждений, которая оказалась настолько незначительной, что не оказала существенного влияния на полученный резуль-

тат. Это позволило сделать вывод о том, что предубеждения и стереотипы в отношении литературного творчества различных групп представлены практически в минимальной степени» [16, р. 202—203].

Тем не менее будет справедливо отметить, что не все исследователи склонны придерживаться подобных взглядов. Например, доказываемая, что специфичность словарного запаса и особенности построения предложений позволяют с точностью до 75 % определить пол автора литературного произведения. Применение компьютерной программы, способной распознавать пол автора, позволило повысить данный показатель до 80 % [18].

В то же время существует целый ряд научных работ, фиксирующих наличие определенной взаимосвязи между гендерным фактором и креативностью. В эксперименте Дж. Кауфмана [24] приняли участие более 3500 выпускников школ и студентов колледжей, которым предстояло оценить себя в 56 сферах творческой деятельности. Анализ показал следующее: юноши оценивали свою креативность выше в области науки, аналитики и спорта, а девушки — в области социальной коммуникации и изобразительного искусства. Были обнаружены существенные гендерные различия в 43 из 56 областей. Мужчины в целом описывали себя как более креативных в 28 областях, женщины — в 15. В большинстве случаев полученные данные хорошо согласовывались с гендерными стереотипами.

Нельзя не отметить и теории, объясняющие взаимосвязь гендера и креативности биологическими или генетическими факторами. Несмотря на определенные успехи [36], подобные теории по-прежнему скорее исключение, чем правило.

Например, в ряде экспериментов с женщинами, принимавшими противозачаточные препараты, удалось зафиксировать влияние эндокринной системы на креативность [6]. Дж. Баер ссылается на исследование, где «была отмечена положительная связь между количеством тестостерона в слюне и музыкальной креативностью» [10, р. 757].

Дж. Абра ссылается на статью Ф. Гринакр (1971), в которой отмечается, что «талант задается при рождении, и, следовательно, факт его наличия очевиден уже на самых ранних этапах жизни человека. Он проявляет себя в особой чувствительности к сенсорным стимулам, способности улавливать разнообразные отношения между ними, редкой гармоничности с окружающим внешним миром, а также обладании чрезвычайно развитым сенсомоторным аппаратом» [6, р. 4].

Предметом изучения следующего подхода выступает анализ активности работы мозга. В частности, было обнаружено влияние активации различных полушарий головного мозга на креативность у мужчин и женщин. Н. Н. Николаенко отмечает: «Существуют <...> причины полагать, что правое полушарие должно быть связано с креативностью. Подавляющее большинство мозговых структур, вовлеченных в восприятие и порождение музыкальных образов (как и необходимых для создания зрительного изобразительного искусства), локализовано в правом полушарии. Правое полушарие более вовлечено в порождение ментальных образов, чем левое полушарие. Исследования расщепленного мозга показали, что правое полушарие обладает вполне исчерпывающим лексиконом, но хаотически организованным» [5, с. 247].

М. Хасслер с соавторами установили, что музыкальный талант и развитая способность ориентироваться в пространстве высоко коррелируют между собой, уточнив при этом, что подобную корреляцию не удалось обнаружить лишь в группе женщин-композиторов [21]. Этот факт вполне может объясняться различными уровнями тестостерона, который, в свою очередь, определяет доминирующее полушарие. Подобную точку зрения мы также можем обнаружить и в ряде других работ [19, 38].

Наибольшую же популярность в настоящее время приобрело мнение, согласно которому творческие достижения мужчин и женщин в значительной степени детерминированы отнюдь не биологическим, а средовым фактором. Важность среды обусловлена прежде всего тем, что, согласно данным современных генетических исследований, креативность, в отличие от интеллекта, в большей степени зависит от средовых факторов [2, 3, 4].

Современные исследования по проблеме креативности личности убедительно показывают, что для ее развития необходимо создание определенных условий, в первую очередь особой — творческой — среды (И. А. Зимняя, Д. В. Чернилевский, М. С. Егорова, А. В. Морозов, В. Н. Дружинин и др.). Важную роль в развитии творческой среды играет высокая внутренняя мотивация творческой личности [15]. Как пишет Е. Виннер, «после определенного этапа способность как таковая играет менее значимую роль, чем личностный и мотивационный фактор» [39, p. 122].

В отечественной и зарубежной психологии мотивация деятельности и творчества исследуется в работах Б. Г. Ананьева, С. Л. Рубинштейна, В. Г. Асеева, Л. И. Божович, А. Н. Леонтьева, А. Маслоу, М. Аргайл, Х. Мюррея и других. Основой внутренней мотивации может выступать желание человека добиться успеха, славы, одобрения, просто позитивной оценки со стороны окружающих [13, 20, 26, 28, 29, 35].

Однако мы не можем не согласиться с мнением Д. К. Симонтона, что устойчивая дискриминация по половому признаку привела к тому, что женщинам становится все тяжелее получать доступ к тем ресурсам, которые необходимы для развития их творческого потенциала. «Мужское доминирование в области ресурсов вполне позволяет нам понять, почему из женщин получают великолепные литераторы. Как известно, для занятий поэзией совершенно не нужны ни оборудованная лаборатория, ни оркестр, ни огромный кусок мрамора» [34, p. 36]. Симонтон также обозначает ряд факторов, которые способствуют эскалации неравенства между мужчиной и женщиной: различия в социализации; разные уровни затрат в семейной жизни; «влияние, оказываемое гендерным фактором на общество в определенный исторический период <...> которое не отличается сильной благосклонностью к достижениям женщин» [ibid.].

Вопрос об отношении общества к творческим достижениям мужчин и женщин получил свое развитие в работе Дж. Баера, где приводится объяснение фундаментальных различий между европейской и неевропейской культурами: «В некоторых неевропейских культурах можно наблюдать тот факт, что процесс введения в них западных идеалов, с одной стороны, ведет к улучшению показателей выполнения тестов на креативность у девочек, а с другой — к минимизации или же полному исчезновению различий по этим показателям у испытуемых обоих

полов. <...> Различия в результатах выполнения тестов на креативность детьми разных полов, которые ставят их в более привилегированное положение в традиционных культурах, изначально носят незначительный характер, но становятся все более значимыми по мере их взросления. Девочки же, воспитывающиеся в традиционных культурах, становятся жертвой «гиперсоциализации» — особого типа социализации, который налагает существенные ограничения на развитие их творческого потенциала» [10, р. 757—758].

Р. Хельсон предлагает свое объяснение сложившейся ситуации: изменение культурных ценностей, социальных ролей, а также преобладание сексистского типа мышления выступают основными причинами, определяющими значительно более заметные успехи сильного пола в области креативности. Оглянувшись на 30 лет назад, вполне можно согласиться с автором в том, что «социальная роль женщины не эволюционировала в той мере, чтобы предоставить ей преимущество в этом вопросе. Вряд ли существует некая мистика в ответе на вопрос о том, почему число творческих мужчин выше, чем женщин» [22, р. 46]. Более того, подчеркивает автор, «различия между полами по биологическому фактору и моделям социализации впоследствии усиливаются культурой» [22, р. 47]. Хельсон также упоминает в своей работе неравные возможности в процессе школьного обучения, различия в ожиданиях (социальных и академических), а также применение для оценки достижений в целом ряде областей стандартов, разработанных мужчинами без какого-либо участия женщин.

В заключение позволим себе сделать следующий вывод: современное общество, декларируя равные возможности для обоих полов, тем не менее создает для мужчины особую среду, которая, предоставляя ему почти безграничный доступ к ресурсам, максимально способствует раскрытию его творческого потенциала. Женщина же, зачастую наделенная ничуть не меньшей, а порой даже и более высокой способностью к творчеству, вынуждена отказаться от ее развития в угоду социальным ожиданиям и гендерным стереотипам.

Библиографический список

1. Гальперин П. Я., Данилова В. Л. Воспитание систематического мышления в процессе решения малых творческих задач // *Вопр. психологии*. 1980. № 1. С. 31—38.
2. Дружинин В. Н. Психология общих способностей. СПб. : Питер, 1999. 368 с.
3. Егорова М. С. Сопоставление дивергентных и конвергентных особенностей когнитивной сферы детей : (возрастной и генетический анализ) // *Вопр. психологии*. 2000. № 1. С. 36—46.
4. Когнитивная психология : учеб. для вузов / под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова. М. : ПЕРСЭ, 2002. 480 с.
5. Николаенко Н. Н. Психология творчества : учеб. пособие / под ред. Л. М. Шипицыной. СПб. : Речь, 2005. 277 с.
6. *Abra J. Gender differences in creative achievement: a survey of explanations // Genetic, Social and General Psychology Monographs*. 1991. Vol. 117 (3). P. 1—23.
7. *Abra J., Valentine-French S. Gender differences in creative achievement: a survey of explanations // Genetic, Social and General Psychology Monographs*. 1991. Vol. 117 (3). P. 235—284.
8. *Amabile T. M. Social psychology of creativity: a consensual assessment technique // J. of Personality and Social Psychology*. 1982. Vol. 43. P. 997—1013.

9. *Amabile T. M.* The Social Psychology of Creativity. New York : Springer-Verlag, 1983. 245 p.
10. *Baer J.* Creativity and gender differences // Encyclopedia of Creativity / ed. by M. A. Runco, S. R. Pritzker. San Diego : Academic Press, 1999. P. 753—758.
11. *Baer J., Kaufman J. C.* Gender differences in creativity // J. of Creative Behavior. 2008. Vol. 42 (2). P. 75—105.
12. *Baer J., McKool S.* Assessing creativity using the consensual assessment // Handbook of Assessment Technologies, Methods, and Applications in Higher Education. Hershey (PA) : IGI Global, 2009. P. 1—13.
13. *Barker J.* Bright lights // Sales and Marketing Management. 1995. Vol. 147. P. 524—527.
14. *Chan D. W.* Self-perceived creativity, family hardiness, and emotional intelligence of Chinese gifted students in Hong Kong // J. of Secondary Gifted Education. 2005. Vol. 16. P. 47—56.
15. *Collins M. A., Amabile T. M.* Motivation and creativity // Handbook of Creativity / ed. by R. Sternberg. Cambridge, 1999. P. 297—313.
16. Creativity stereotypes and the consensual assessment technique / J. C. Kaufman, J. Baer, M. D. Agars, D. Loomis // Creativity Research J. 2010. Vol. 22 (2). P. 200—205.
17. *Edwards M. S.* The technology paradox: efficiency versus creativity // Creativity Research J. 2000/2001. Vol. 13, № 2. P. 221—228.
18. Gender, Genre, and Writing Style in Formal Written Texts / S. Argamon, M. Koppel, J. Fine, A. R. Shimoni // Text. 2003. [Vol.] 23 (3). P. 321—346. URL: <http://www.cs.biu.ac.il/~koppel/papers/male-female-text-final.pdf> (дата обращения: 09.10.2013).
19. *Geschwind N., Galaburda A. M.* Cerebral lateralization: biological mechanisms, associations, and pathology // Archives of Neurology. 1985. Vol. 42. P. 428—459.
20. *Gruber H., Devis S.* Inching our way up Mount Olympus: the evolving system approach to creative thinking // The Nature of Creativity / ed. by R. Sternberg, T. Tardiff. Cambridge : Cambridge Press, 1988. P. 243—270.
21. *Hassler M., Nieschlag E., Motte D. de la.* Creative musical talent, cognitive functioning, and gender: psychobiological aspects // Music Perception. 1990. Vol. 8. P. 35—48.
22. *Helson R.* Creativity in women: outer and inner views over time // Theories of Creativity / ed. by M. A. Runco, R. S. Albert. Newbury Park (CA) : Sage, 1990. P. 46—58.
23. *Howieson N.* A longitudinal study of creativity: 1965—1975 // J. of Creative Behavior. 1981. Vol. 15. P. 117—124.
24. *Kaufman J. C.* Self-reported differences in creativity by gender and ethnicity // J. of Applied Cognitive Psychology. 2006. Vol. 20 (8). P. 1065—1082.
25. *Kogan N.* Creativity and sex differences // J. of Creative Behavior. 1974. Vol. 8. P. 1—14.
26. *Krohe K.* Managing creativity // Across the Board. 1996. Vol. 33. P. 16—21.
27. *Lau S., Li W. L.* Peer status and perceived creativity of Chinese children: are popular children viewed by peers and teachers as creative? // Creativity Research J. 1996. Vol. 9. P. 347—352.
28. *Majaro S.* Strategy search and creativity: the key to corporate renewal // European Management J. 1992. Vol. 10. P. 230—238.
29. *Oldham G. R., Cummings A.* Employee creativity: personal and contextual factors at work // Academy of Management J. 1996. Vol. 39. P. 607—634.
30. *Piirto J.* Encouraging creativity and talent in adolescents // Understanding the Gifted Adolescent : Educational, Developmental, and Multicultural Issues / ed. by M. Bireley, J. Genshaft. New York : Teachers College Press, 1991. P. 104—121.
31. *Piirto J.* The pyramid of talent development // Gifted Child Today. 2000. Vol. 23 (6). P. 22—29.

32. *Runco M. A.* Predicting children's creative performance // *Psychological Reports*. 1986. Vol. 59. P. 1247—1254.
33. *Runco M. A., Bahleda M. D.* Implicit theories of artistic, scientific and everyday creativity // *J. of Creative Behavior*. 1986. Vol. 20. P. 93—98.
34. *Simonton D. K.* *Greatness : Who Makes History and Why*. New York : Guilford Press, 1994. 502 p.
35. *Stein M. I.* Creativity is people // *Leadership and Organizational Development J.* 1991. Vol. 12. P. 4—10.
36. *Vernon P. E.* The nature-nurture problem in creativity // *Handbook of Creativity : Perspectives on Individual Differences* / ed. by J. A. Glover, R. R. Ronning, C. R. Reynolds. New York : Plenum Press, 1989. P. 93—110.
37. *Wallach M.* Creativity // *Carmichael's Manual of Child Psychology* / ed. by P. E. Mussen. New York : Wiley, 1970. Vol. 1. P. 1273—1365.
38. *Waterhouse L.* Speculations on the neuroanatomical substrate of special talents // *The Exceptional Brain* / ed. by K. Obler, D. Fein. New York : Guilford Press, 1988. P. 493—512.
39. *Winner E.* *Gifted Children : Myths and Relatives*. New York : Basic Books, 1996. 252 p.

ББК 87.153.3

Н. А. Блохина

КРИТИКА ФИЗИКАЛИСТСКОГО ПОНИМАНИЯ СОЗНАНИЯ: ДВА ПОДХОДА

Во второй половине XX в. спор в аналитической философии о сущности сознания разделил его участников на антифизикалистов и физикалистов. Антифизикалисты, критикуя бихевиоризм, ратовали за восстановление доверия к «народной психологии», картезианскому пониманию сознания. Физикалисты же были убеждены в концептуальной сводимости сознания к нейрофизиологическим или другим физическим процессам, т. е. в его онтологической редуцируемости. Этот спор продолжился в XXI в., породив новые формы антифизикализма и физикализма. Радикальной разновидностью физикализма в современной аналитической философии выступает элиминативизм, а более умеренной — теория тождества (сознания и мозга). Антифизикализм также разнолик. Две его разновидности мы и рассмотрим. Это натуралистический дуализм Дэвида Чалмерса и праксиологический конструктивизм Наоми Шеман.

Теоретические споры, касающиеся сущности сознания, имеют не только научное значение. Важной составляющей таких споров становится оценка позиций, с которых ведется исследование сознания. И если субъектом исследования выступит теоретик феминизма, он выявит гендерные аспекты сознания. Именно это мы и постараемся показать, сравнивая антифизикалистское понимание сознания «чистым» философом-аналитиком Д. Чалмерсом и представительницей аналитического феминизма Н. Шеман.

**Натуралистический дуализм Д. Чалмерса
и аргументы в его защиту**

В книге «Сознающий ум» (1996) дуалистический тезис о том, что сознание *логически* не супервентно¹ физическому и его невозможно объяснить с помощью физических терминов, Чалмерс обосновывает пятью разными способами (логическая возможность зомби, перевернутый спектр, аргумент эпистемологической асимметрии, аргумент знания и аргумент отсутствия анализа). Это обоснование строится в форме доказательства, что априорного следования феноменальных фактов (субъективного опыта) за изменяющимися физическими фактами не существует [10, р. 94—106].

В отечественной литературе рядом философов (В. В. Васильев, Н. М. Гарнцева, Д. И. Дубровский, Д. В. Иванов и др.) уже проделана работа по анализу и оценке антифизикалистских аргументов Чалмерса [1, 2, 3, 4, 5, 7]. Однако они оставили без внимания аргумент апостериорной необходимости, который Чалмерс также использовал, защищая дуализм ментального и физического.

Аргумент апостериорной необходимости

На протяжении веков философы спорили о модальной силе логического вывода. Казалось, что их спор разрешил И. Кант в «Критике чистого разума» (1781), противопоставив априорную необходимость и апостериорную вероятность. С. Крипке в статье «Именование и необходимость» (1972) выдвинул идею о существовании особой — апостериорной — необходимости. Эта идея была призвана показать, что употребление и условия использования, истинность или ложность многих терминов, которые применимы во всех возможных мирах, могут быть не априорными.

Аргумент апостериорной необходимости Чалмерс признавал самым опасным для своей концепции натуралистического дуализма. К моменту написания «Сознающего ума» Чалмерсу представлялось, что ему удалось добыть аргументы, доказывавшие логическую несводимость ментального к физическому. Существование же апостериорной необходимости могло свести антифизикалистские аргументы в его концепции к нулю, поскольку предполагало возможность онтологической редуцируемости ментального.

Однако Чалмерс постарался показать, что аргумент апостериорной необходимости для развенчания натуралистического дуализма несостоятелен. Философ нашел ответы на аргумент апостериорной необходимости. Он убежден, что редуccionистскую доказательность апостериорного аргумента можно опровергнуть использованием двуаспектной теории значения.

¹ *Супервентность* — термин, широко используемый в современной англоязычной философии. В философии сознания ему присущ метафизический статус, поскольку, характеризуя взаимосвязь сознания и тела, он не имеет естественно-научного описания.

Супервентность (от лат. *super* + *venire* приходить, происходить) — отношение зависимости между свойствами или явлениями одного вида (А) и свойствами или явлениями другого вида (Б), для которого характерно то, что совокупность свойств или явлений Б следует за совокупностью свойств или явлений А только в том случае, если изменения или различия А не могут существовать без изменений и различий Б.

Ответы Чалмерса на аргумент апостериорной необходимости

Ответы философа своим оппонентам на аргумент апостериорной необходимости выстраиваются в двух направлениях, соответствующих двум стратегиям критики его натуралистического дуализма. Реагируя на первую стратегию критики, философ рассуждает: если существуют миры, физически тождественные нашему миру, но в которых мы не находим сознания, значит, в нашем мире существуют свойства, не являющиеся физическими. Защита дуализма в данном случае осуществлена без обращения к апостериорным фактам, замечает Чалмерс, следовательно, существование апостериорной необходимости никак не может опровергнуть натуралистический дуализм [10, p. 133].

Другая стратегия опровержения дуализма с использованием понятия апостериорной необходимости связана с тем, что если мир зомби считать физически тождественным нашему миру, то можно предположить, что он таковым не является: мы просто неправильно его описываем. Мир зомби только *кажется* тождественным нашему, но на самом деле он отличается от него физическими свойствами. В нем нет свойств, которые в скрытом виде присутствуют в нашем мире, не обнаруживая себя и являясь в то же самое время причиной существования сознания. Тогда можно утверждать, что сознательный опыт может быть производным «метафизически» от физических свойств и отношений нашего мира. «Это во многих отношениях более интересное возражение, чем предыдущее. Оно, конечно, основывается на спекулятивной метафизике, но это не препятствует тому, чтобы оно оставалось логически последовательным», — замечает Чалмерс [10, p. 135].

Даже если допустить, что предполагаемые скрытые свойства, приписываемые нашему миру, сами производны от физических свойств, разница между описанной точкой зрения и дуализмом свойств (позицией самого Чалмерса) не велика. И в том и в другом случае мир обладает феноменальными свойствами, которые *не фиксируются* физическими методами. Дуализм «физического» и «нефизического», характерный для концепции Чалмерса, заменен в предложенной гипотезе на дуализм «доступных» и «скрытых» физических свойств, однако суть объяснительного подхода к сознанию остается прежней.

Книга Чалмерса вызвала острую дискуссию и коснулась концептуальных инструментов, используемых философом. Участвуя в дискуссии, Чалмерс сосредоточился на двуаспектной теории значения, которая, с его точки зрения, позволяет усилить доводы в пользу его концепции натуралистического дуализма.

Двуаспектная теория значения против физикализма

В ряде следующих за «Сознающим умом» работ Чалмерс еще раз проанализировал ход рассуждения о несводимости феноменального к физическому, используя двуаспектную теорию значения [9, 11]. Ход этого рассуждения можно представить следующим образом [13, p. 313]:

- 1) $P \& \neg Q$ мыслимо;
- 2) если $P \& \neg Q$ мыслимо, $P \& \neg Q$ метафизически возможно;
- 3) если $P \& \neg Q$ метафизически возможно, материализм ложен;
- 4) материализм ложен.

В данном случае под Р понимается исчерпывающее описание нашего универсума в терминах микрофизики. Q фиксирует факт существования феноменального опыта. R&¬Q констатирует положение дел, при котором наличествует первое и отсутствует второе. Согласно последнему выражению существует мир, который детально повторяет наш универсум, но в котором отсутствуют какие-либо феноменальные свойства или же эти свойства слегка перевернуты (мысленный эксперимент перевернутых квалиа). R&¬Q описывает или мир зомби, или мир перевернутых квалиа, т. е. мир, в котором существа, физически подобные нам, вовсе не обладают субъективным опытом или же характеристики их феноменальных состояний не совсем такие, как у нас.

В отстаивании дуализма свойств с помощью двуаспектной теории значения уязвимым местом Чалмерс считал переход в рассуждении от мыслимого к модальному. Этот переход чреват тем, о чем писал в «Философских исследованиях» (1953) Л. Витгенштейн: «Фокусник “передернул”, и именно этот момент мы сочли самым безобидным»². Чтобы избежать обвинений в фокусничестве, Чалмерс и использовал двуаспектный аргумент, который был призван повысить доказательную силу перехода от мыслимого к модальному.

Двуаспектный аргумент — современная разновидность аргументации от мыслимого к сущему. Данный аргумент, вероятно, может соперничать с онтологическим доказательством бытия Бога. У этих доказательств разные онтологические цели (дуализм свойств/бытие Бога), отличающиеся логические техники. Но их объединяет общий «грех» имплицитной включенности доказываемого в свои предпосылки (априорную убежденность в существовании трансцендентного/эмпирическую убежденность в обладании субъективным опытом), что возвращает нас к многовековым спорам о силе онтологического доказательства.

Пока в дискуссии о сущности феноменального сознания между Чалмерсом и его оппонентами установилось некое динамическое равновесие, которое можно охарактеризовать словами Д. Льюиса по поводу онтологического доказательства Ансельма Кентерберийского. В статье «Ансельм и действительность» Льюис писал, что это доказательство «имеет два основных немодальных перевода; различие между ними довольно тонкое. Неудивительно, что это доказательство никогда не было окончательно опровергнуто; неудивительно, что с его помощью никогда не удавалось переубедить неверующих» [6, с. 350].

Праксиологический конструктивизм Н. Шеман

Н. Шеман, представительница современного аналитического феминизма, также делает предметом своей критики физикалистский подход к сознанию. И это несмотря на его, казалось бы, приемлемость для феминистской онтологии и гносеологии. Физикализм демонстрирует монистический взгляд на мир и постулирование первичности материального. Натурализованная эпистемология У. ван Ормана Куайна предлагает изменить традиционный позитивистский

² Перевод наш. См.: Феминистская критика и ревизия истории политической теории / сост. М. Л. Шенли, К. Пейтмен : пер. с англ. под ред. Н. А. Блохиной. М. : РОССПЭН, 2005. С. 82.

взгляд на эпистемологию как *рациональную реконструкцию* процесса познания и заменить ее изучением реального процесса познания во всей его комплексности и эмпиричности. Именно это позволяет теоретикам феминизма сделать вывод, что «современная аналитическая сцена содержит эпистемологию, которая может отвечать требованиям *феминистской* эпистемологии» [8, р. 203].

Однако анализ психологических феноменов, таких как желания, убеждения, установки, эмоции, интенции, а также анализ того, как эти феномены включены в причинно-следственные связи с окружающим нас физическим миром, показывает, что сущность этих феноменов надо искать не в физических (физиологических) процессах, а в социальных условиях человеческого существования. В качестве иллюстрации этой мысли Шеман приводит скандал на премьере балета «Весна священная» И. Стравинского, состоявшейся в 1913 г. в Париже. Причиной возмущения публики было не представление само по себе как движение физических тел, а те смыслы, которыми эти движения были наполнены.

В рамках физикализма существуют два понимания того, как можно объяснить связь ментального и физического. Одни авторы, и среди них Д. Дэвидсон, Дж. Фодор, Дж. Ким, отстаивают ту точку зрения, что объяснение может быть редукционистским. Другие отстаивают версию нередукционистской супервентности. Но в целом оценка описанной картины мира сводится к тому, что именно «физикализм обеспечивает онтологические основания для того, чтобы сделать возможным объяснение ментального, неважно, какой вид объяснения будет отстаиваться...» [14, р. 55].

Дж. Ким, доказывая редукционистский характер связи физического и ментального, основывает свою позицию на известном принципе «каузальной замкнутости». Согласно этому принципу для причинного объяснения какого-либо физического события нет необходимости выходить за пределы мира физических явлений и событий. (Надо заметить, что Ким не одинок в своем убеждении.) Другие философы оспаривают принцип «каузальной замкнутости». Среди них Дж. Хорнсби и Дж. Дюпре, к которым присоединяется и Н. Шеман. Но Шеман интересуется не принцип сам по себе, а его онтологические допущения. По ее мнению, онтологическая картина мира, состоящая из объектов, в частности ментальных событий, состояний и процессов, вызывает сомнения.

Для онтологии Кима и Дэвидсона центральным понятием является событие. Существует обширная литература, посвященная спорам вокруг трактовки понятия «событие». Между «событиями», утверждает Шеман, лежит еще более туманное онтологическое болото — «состояния» и «процессы», которые прибавляются к разряду ментальных феноменов. Эти феномены требуют сказать о себе что-то вразумительное — им может стать индивидуация событий по аналогии с физическими объектами, поскольку состояния и процессы должны объясняться с точки зрения принципа «каузальной замкнутости» и быть включены во взаимосвязи между объектами. И вот тут происходит, замечает Шеман (приводя нам цитату из Витгенштейна: «Фокусник “передернул”, и именно этот момент мы сочли самым безобидным»), незаметная подмена, в результате которой событиям придается самостоятельное существование в виде объектов.

По мнению Шеман, индивидуация должна касаться прежде всего таксономических вопросов, т. е. вопросов классификации. Так, Д. Дэвидсон одно время полагал, что в рамках пространства-времени мы говорим о материальных объектах, а в рамках каузальности — о событиях. Но если предположить, что мир каузально замкнут, необходимо, чтобы все события были самостоятельными объектами, характеризующимися уникальными физическими свойствами. Но возможно ли указать на отличительные свойства многих феноменов — социальных, ментальных — в физикалистских терминах? Шеман возвращает нашу мысль к первому представлению балета Стравинского «Весна священная» в Париже.

Придерживаясь онтологии объектов и принципа каузальной замкнутости для объяснения их взаимосвязи, мы, таким образом, не сможем объяснить происходящее в мире. Шеман пишет: «Один из моих центральных аргументов заключается в том, что, если серьезно подойти к психологии здравого смысла, это будет означать переход в отряд приверженцев *не* теоретически досаждающей онтологии объектов (ментальных событий, состояний, процессов), а практик, объяснения ими взаимосвязей и нюансов нашей жизни как того, что формируется и делается вразумительным через эти практики» [ibid.].

Шеман убеждена, как и ряд других авторов (Дж. Дюпре, И. Хэкинг, М. Рут), что социальная онтология имеет дело с конструируемыми (социальными) видами. Социальные виды могут служить основанием даже каузального объяснения. Сравним три вопроса и ответы на них.

1. Вопрос: *Почему сердечный приступ не случился у Алекс, когда она была моложе?*

Ответ: *Потому что она женщина.*

2. Вопрос: *Почему Алекс не стала исполнительным директором корпорации?*

Ответ: *Потому что она женщина.*

3. Вопрос: *Почему Алекс пользуется туалетом, на двери которого приклеен треугольник с вершиной, направленной вверх?*

Ответ: *Потому что она женщина.*

Анализируя вопросы и ответы, Шеман доказывает, что, несмотря на различия в основаниях объяснения (апелляция к физиологии, гендерному порядку или культурной традиции разделения туалетных комнат по полу), все они не вызывают возражений. Одновременно ни у кого не возникает сомнений в том, что это не физикалистские объяснения, поскольку ответы носят социальный характер.

Шеман задается вопросом: неужели мы, прибегая к традиционным для психологии понятиям, верим в онтологическую состоятельность таких вещей, как убеждения, желания, установки, интенции и эмоции? «И “да”, и “нет”», — говорит она. «Нет» — потому что если считать существующим только то, что вписано в хорошо организованную теорию в духе Куайна, то объяснительные практики психологии здравого смысла никогда, возможно, не будут «хорошо организованы». Никогда мы не достигнем этого простыми номиналистическими упражнениями со словами, заменяя одни формы высказываний другими (ее гнев — она была сердита, ее убеждение — она убеждена и т. п.). «Да» — потому что объяснение со ссылкой на существование таких феноменов в реальности дает нам понимание себя и окружающих нас людей. И это более важно, чем первое.

В первом случае мы разделяем представления теории, во втором речь идет о наших ролях и действиях, через которые формируется то, чему мы привержены.

Шеман пишет, что ее следование психологии здравого смысла не похоже на обращение к здравому смыслу Дж. Мура («Защита здравого смысла», 1925). Феминистское обращение к реальности не столь однозначно в отличие от апелляции к ней Дж. Мура: среди женщин нет единого понимания «мы». Когда феминистки обращаются к психологии здравого смысла, то это обращение их не всегда устраивает, потому что в обыденном сознании часто присутствует дискриминация женщин. Но задача теоретиков феминизма и заключается в том, чтобы понять и объяснить, как возникают дискриминационные практики и институты [14, р. 63].

Библиографический список

1. Блохина Н. А. Двухаспектный аргумент в отстаивании дуализма свойств Дэвида Чалмерса // *Вопр. философии*. 2013. № 2. С. 148—157.
2. Васильев В. В. Трудная проблема сознания. М. : Прогресс-Традиция, 2009. 271 с.
3. Гарнцева Н. М. Антифизикалистские аргументы в учении Д. Чалмерса о сознании // *Вопр. философии*. 2009. № 5. С. 93—105.
4. Дубровский Д. И. Зачем субъективная реальность, или «Почему информационные процессы не идут в темноте?» : (ответ Д. Чалмерсу) // *Вопр. философии*. 2007. № 3. С. 90—104.
5. Иванов Д. В. Аргумент от отсутствия квалиа // *Вопр. философии*. 2011. № 12. С. 139—149.
6. Льюис Д. Ансельм и действительность // *Возможные миры. Семантика, онтология, метафизика*. М. : Канон+, 2011. С. 349—369.
7. Секацкая М. А. Что мы знаем о сознании? : комментарий к полемике Д. Чалмерса и Д. Деннета // *Вопр. философии*. 2012. № 11. С. 147—157.
8. Antony L. M. Quine as feminist: the radical import of naturalized epistemology // *A Mind of One's Own : Feminist Essays on Reason and Objectivity* / ed. by L. M. Antony, Ch. Witt. Boulder (CO) : Westview Press, 1993. P. 185—225.
9. Chalmers D. J. Epistemic two-dimensional semantics // *Philosophical Studies*. 2004. № 118. P. 153—226.
10. Chalmers D. J. *The Conscious Mind : in Search of a Fundamental Theory*. New York ; Oxford : Oxford University Press, 1996. 414 p.
11. Chalmers D. J. The foundations of two-dimensional semantics // *Two-Dimensional Semantics : Foundations and Applications* / ed. by M. Garcia-Carpintero, J. Macia. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 55—140.
12. Chalmers D. J. The nature of epistemic space // *Epistemic Modality* / ed. by A. Egan, B. Weatherson. Oxford : Oxford University Press, 2009. P. 60—107. URL: <http://consc.net/papers/espace.html> (дата обращения: 15.01.2012).
13. Chalmers D. J. The two-dimensional argument against materialism // *Oxford Handbook of Philosophy of Mind* / ed. by B. McLaughlin. Oxford : Oxford University Press, 2009. P. 313—335.
14. Scheman N. Feminism in philosophy of mind: against physicalism // *The Cambridge Companion to Feminism in Philosophy* / ed. by M. Fricker, J. Hornsby. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2000. P. 49—67.

Е. А. Белова

ОСОБЕННОСТИ УЧЕБНОГО СТРЕССА СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ (Гендерный аспект)

Проблема возникновения стресса и отражения его влияния на результатах деятельности в последние годы становится одной из актуальных в мировой психологической науке и практике. Накоплено значительное количество многоплановых описаний различных видов психологии стресса: стресс жизни (Р. Лазарус, Л. А. Китаев-Смык, В. А. Бодров, Ю. В. Щербатых), посттравматический (Л. А. Якушева, Н. В. Тарабрина, А. В. Костельникова, О. Ю. Сальникова), профессиональный (Н. Н. Асеева, А. М. Жуков, М. А. Багрий, Н. А. Кошечева, Е. А. Туренко, А. А. Баранов, С. Б. Величковская), коммуникативный (М. В. Коврова, А. Е. Янковская, Н. В. Казанцева, Е. А. Муратова, В. И. Кабрин, Н. В. Самоукина), экзаменационный (О. М. Сергеева, К. В. Краева), гендерно-ролевой (Ш. Берн, Т. В. Бендас) и др.

Важное значение приобретает изучение особенностей протекания стрессовых реакций у женщин (респонденты) и мужчин (контрольная группа).

Большинство исследователей сходятся во мнении, что различия реакций представителей двух полов на психологический стресс определяются сочетанием двух групп факторов: в широком смысле гендерными и в базовом аспекте психофизиологическими различиями между мужчинами и женщинами. Если факторы, определяющие характеристики физиологических компонентов реакций на стресс, связаны с действием гормонов, а также индивидуальными особенностями деятельности гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой системы, то социальные и психологические связаны с усвоением в процессе социализации лицами различного пола традиционных для данного общества и его культуры гендерных способов реагирования на трудные жизненные ситуации.

В современных обществах с развитыми экономиками гендерные факторы в тех или иных формах продолжают оказывать действие на распределение социальных ролей мужчин и женщин. До сих пор сохраняются проявления дискриминации по признаку пола в сферах занятости, политики и управления, в обществе доминирует модель мужчины-кормильца и женщины — частично домохозяйки [7, с. 11]. И хотя в последнее время границы между общепринятыми маскулинными и феминными ролями становятся все более сглаженными (пример на законодательном уровне — распространение на отцов льгот, связанных с уходом за ребенком, и частичное распространение на отцов права распоряжаться средствами «материнского капитала» как возможность для мужчины посвятить себя воспитанию детей, а для женщины — зарабатывать деньги [6]), мужская полоролевая идентификация в большей степени связана с

установками на социальные достижения и успех, а женская — с семейным благополучием и сохранением потомства. Так, результаты мониторингового исследования социального самочувствия и ценностных ориентаций женщин в различных регионах России свидетельствуют о существовании устойчивого стереотипа массового сознания, согласно которому карьера является прерогативой мужчин, и увеличении количества женщин, назвавших в качестве базовой ценности семейное счастье [4, с. 36—37]. Таким образом, потенциально стрессующим фактором для мужчин выступают проблемы построения карьеры, а для женщин — неудачи в личной жизни, наряду с которыми могут появиться и факторы карьерного роста.

Специалисты по гендерной психологии подтверждают вывод о последствиях большей эмоциональности для женщин. По Т. В. Бендас [1, с. 192—197], для них характерен высокий уровень тревожности, большая значимость связи эмоций с межличностными отношениями, большая чувствительность к негативным жизненным событиям, чаще наблюдаются депрессии, желания сообщать о своих негативных эмоциях, отмечается большая яркость положительных эмоций, меньшая сдержанность при демонстрации эмоциональных реакций, большее соответствие невербальной экспрессии эмоциональному состоянию и большая точность декодирования эмоциональных невербальных сигналов других людей.

Мужчины остаются эмоционально более сдержанными, что традиционно связано с более жесткой регламентацией их поведения со стороны общества, необходимостью пребывать в определенном образе.

Также исследователи отмечают большую подверженность женщин психологическому стрессу ввиду нарастающей конкуренции за место в обществе, воздействия окружающей социальной действительности и осознания необходимости быстрее и радикальнее выходить из рамок традиционной гендерной роли [2, с. 184—193].

Имеющиеся данные позволяют ожидать большей подверженности девушек в отличие от юношей учебному стрессу за счет последствий переживаемых ими эмоциональных реакций. Одновременно эти обстоятельства способны повлиять на формирование стереотипов совладающего поведения и привести к их особенностям, что требует своего изучения.

В связи с этим представляется актуальным изучение учебного стресса старших школьников в его гендерном аспекте. Выбор старшего школьного возраста неслучаен. На него приходится много социально значимых событий: получение паспорта, наступление уголовной ответственности, возможность реализации активного избирательного права, а также вступления в брак. Одновременно перед каждым молодым гражданином весьма остро встают задачи выбора профессии и планирования дальнейшего жизненного пути. Образовательная подготовка к профессиональному выбору происходит в условиях изменения образовательной среды, увеличения межличностной конкуренции внутри коллективов учащихся, роста учебных нагрузок. На наш взгляд, на примере изучения психологического стресса от школьной учебной деятельности юношей и девушек проявляются различия поведенческого реагирования и стилей преодоления возникающих трудностей, которые в перспективе способ-

ны закрепиться. Поэтому актуальное значение приобретает исследование особенностей структуры стресс-факторов, формирующихся стратегий стрессосовладающего поведения, эмоциональных и мотивационных компонентов, специфических для представителей полов.

В целях проверки выдвинутой гипотезы в период 2011—2012 гг. было проведено исследование особенностей психологического стресса учащихся выпускных классов школ г. Иванова. Общее количество выборки — 520 человек. Среди респондентов девушки составили 59 % (группа 1), юноши — 41 % (группа 2). Наличие количественной диспропорции связано с фактом участия в нашем исследовании реальных школьных коллективов. Мы тем самым считали важным и необходимым учесть ведущие ситуативные характеристики: пространство, время и среду.

Нами определялся уровень психологического стресса старшеклассников, факторы учебного стресса, доминирующие эмоции, направленность респондентов на достижения или избегание неудач, стиль стратегий преодоления ими стрессовых ситуаций.

За последние перед окончанием школы три месяца учебы проявился ряд значимых различий между представителями полов в переживании учебного стресса, сопровождающей его партитуре эмоций и доминирующих стратегий стрессосовладающего поведения.

Мы установили, что для юношей остается характерным более низкий уровень стресса, тогда как среднее значение уровня психологического стресса у девушек за тот же срок наблюдения гораздо выше и стабильно характеризуется не только эмоциональными и поведенческими признаками, но и дополнительно некоторыми соматическими проявлениями (напряженность в мышцах, головные боли, нарушения сна).

Среди доминирующих факторов, вызывающих и усиливающих в обеих группах респондентов учебный стресс, выделяется стрессогенный параметр «проблемы в личной жизни». Для девушек этот фактор является более стрессорирующим, чем для юношей ($M=5$ и $M=3,4$, $p<0,001$). Остальные причины («большая учебная нагрузка», «строгие преподаватели», «непонятные учебники», «неумение организовать режим дня», «страх перед будущим», «конфликт в классе», «излишне серьезное отношение к учебе», «нежелание учиться» и др.) имеют для представителей обоих полов практически одинаковое значение и общую направленность действия в сторону повышения уровня стресса. Из полученных нами результатов следует, что эти факторы в своем действии взаимопотенцируются, создавая состояние, которое принято называть «предпусковая готовность». При ее наличии достаточно усиления хотя бы одного из них (или появления дополнительного), чтобы общий уровень стресса резко повысился и начал удерживаться на новом уровне неопределенно длительное время.

Традиционно изучая трехкомпонентную структуру психологического стресса, мы выясняли, какие же более сильные эмоции в повседневной школьной деятельности испытывают старшеклассники за последние перед окончанием школы три месяца учебы. Для этого мы составили рейтинг доминирующих эмоций. Первое место занимает «радость», второе — «интерес»,

третье с одинаковым количеством баллов делят между собой «стыд» и «вина». Положительные эмоции во главе рейтинга свидетельствуют о том, что окончание школы учащиеся воспринимают позитивно, как открытие новых горизонтов и возможностей.

Вина возникает в ситуациях, связанных с чувством ответственности. Отмечено существование тесной связи между силой чувства ответственности и достижением порога эмоции вины. Известно, что заключительный этап школьной жизни является наиболее важным и определяющим для учащихся, от него зависит их будущее. Именно в этот период указанная выше диадическая связь достоверно актуализируется.

Были выявлены также значимые различия в переживании эмоций интереса и радости: девушки их испытывают в меньшей степени. С этим фактом связано и то, что коэффициент самочувствия у девушек значительно ниже, чем у юношей.

У юношей диагностируется более высокая мотивация успеха, тогда как у девушек мотивационный полюс «достижения» столь ярко не выражен. Мотив достижения успеха мы понимаем как отражение потребности личности доступными средствами достичь желаемого результата. Наши и других авторов экспериментальные исследования показали, что одним из основных механизмов актуализации мотивации достижения выступает мотивационно-эмоциональная оценка ситуации, складывающаяся из оценки мотивационной значимости ситуации и оценки собственной компетентности в ситуации достижения [3]. Таким образом, в основном мотивация достижения актуализируется ближе к окончанию срока школьного обучения при наличии значимой цели (поступление в ВУЗ, выбор профессии) и ресурсов для ее достижения (знания, умения, навыки). При этом юноши в нашем исследовании отчетливо проявляют стремление во что бы то ни стало добиваться успехов в своей текущей деятельности, желание не терять в будущем настойчивость в достижении поставленных целей. Девушки выбирают для деятельности мотивационную направленность в зависимости от актуальности переживаемой ситуации.

Считается, что, преодолевая учебный психологический стресс, девушки и юноши демонстрируют разные модели поведения: девушки больше фиксируются на эмоциональных и межличностных аспектах ситуации, юноши — на концепциях решения проблем. При этом девушки используют более широкий диапазон стратегий, чаще прибегают к социальной и эмоциональной поддержке, чем юноши. Наши наблюдения совпадают с данными Н. П. Ребровой [5, с. 123—124].

В результате проведенного исследования мы детализировали имеющиеся на этот счет представления, составив рейтинг моделей преодолевающего поведения, свойственных в настоящее время учащимся выпускных классов. На первом месте — план действий по формуле «вступление в социальный контакт». Второе место делят между собой «уверенные действия» и «поиск социальной поддержки». Третье место занимают «осторожные действия». Далее идут «манипуляции», «асоциальные действия», «импульсивные действия», «агрессивные действия», «избегание». Данный рейтинг был также составлен отдельно для юношей и девушек (табл. 1).

Таблица 1

**Рейтинг предпочитаемых стратегий преодоления стрессовых ситуаций
для девушек и юношей**

Стратегии преодоления стрессовых ситуаций	Рейтинг для девушек	Рейтинг для юношей
Поиск социальной поддержки	1	3
Вступление в социальный контакт	2	1
Уверенные действия	3	2
Агрессивные действия	4	7
Осторожные действия	5	4
Манипуляция	6	5
Импульсивные действия	7	8
Асоциальные действия	8	6
Избегание	9	9

Для изучения достоверности выявленных гендерных различий средних значений параметров в моделях стрессовосовладающего поведения мы использовали t-критерий Стьюдента (табл. 2).

Таблица 2

**Сравнительный анализ средних значений параметров
стратегий преодоления стрессовых ситуаций групп девушек и юношей**

Стратегии преодоления стрессовых ситуаций	Девушки (n=307)		Юноши (n=213)		Достоверность различий р
	М	σ	М	σ	
Поиск социальной поддержки	22,0*	4,9	20,0*	5,6	0,005
Вступление в социальный контакт	21,5	4,4	20,8	4,6	–
Уверенные действия	20,4	3,4	20,6	3,7	–
Агрессивные действия	20,0*	4,9	17,6*	4,3	0,000
Осторожные действия	19,7	3,9	20,0	3,7	–
Манипуляция	19,5	4,5	19,9	4,1	–
Импульсивные действия	19,0*	3,5	17,5*	3,6	0,003
Асоциальные действия	18,2	4,9	18,9	4,6	–
Избегание	18,0*	4,1	16,0*	3,1	0,002

* Различия между группами статистически значимы.

На высоком уровне достоверности выявлены различия между девушками и юношами в выборе стратегий «избегание», «поиск социальной поддержки», «импульсивные действия» и «агрессивные действия». По результатам исследования, в трудных жизненных ситуациях девушки чаще юношей обращаются за психологической поддержкой и помощью к социальному окружению (M=22 и M=20, $p<0,005$). Девушки более чувствительны и испытывают потребность в общении, мысль о близких эмоциональных отношениях для них более актуальна. Для юношей же, подвергающихся более жесткой саморегламентации (вследствие регламентации со стороны общества), вместо демонстрации эмоциональных переживаний характерны сдержанность и стремление скрывать свои эмоции.

Также было обнаружено, что девушки чаще юношей прибегают к тактике избегания проблем и импульсивным действиям в трудных ситуациях (M=18 и M=19, $p<0,005$).

Интересно, что девушки чаще юношей используют стратегию агрессивного поведения ($M=20$ и $M=17,6$, $p<0,005$), хотя считается, что эмоция гнева и агрессия более свойственны не им, а представителям мужского пола.

Таким образом, в последние месяцы учебы девушки настроены менее оптимистично, чем юноши, испытывают больше переживаний относительно ближайшего будущего, в трудных ситуациях склонны выбирать менее оптимальные модели стрессовосовладающего поведения и, следовательно, более подвержены вторично возникающему психологическому стрессу, что отражается на результатах учебной деятельности.

Юноши мотивированы на успех: мобилизуют все свои ресурсы на достижение поставленной цели, проявляют большую настойчивость и испытывают в этом процессе положительные эмоции, что позволяет сделать вывод об их меньшей подверженности психологическому стрессу благодаря созданию барьера психологической защищенности.

Мониторинг действия стрессогенов и отдельных последствий влияния на учащихся учебного стресса в гендерном аспекте показал актуальность подобной диагностической процедуры. В настоящее время на примере женской части изучавшейся выборки мы выявили гетерогенность причин к стрессированию; вызывающие этот феномен факторы дополнительно потенцируют последствия собственно учебных нагрузок и циклично формируют амбивалентность чувственно-эмоциональных переживаний, приводя к изменениям в поведенческих проявлениях. Выраженность этих проявлений в пределах сроков наших наблюдений существенно выше не только аналогий у мужской части респондентов, но и данных за предшествующие годы (5—10 лет назад). Это указывает на более значимые негативные психологические последствия учебного стресса у современных школьников старших и выпускных классов.

Библиографический список

1. *Бендас Т. В.* Гендерная психология : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2006. 431 с.
2. *Здравомыслова-Стоюнина О. М.* Общество сквозь призму гендерных представлений // *Женщина. Гендер. Культура* / под общ. ред. З. А. Хоткиной, Н. Л. Пушкарёвой, Е. И. Трофимовой. М. : МЦГИ, 1999. 368 с.
3. *Магомед-Эминов М. Ш.* Мотивация достижения: структура и механизмы : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1987. 23 с.
4. Мониторинг социального самочувствия и ценностных ориентаций российских женщин : сб. науч.-метод. материалов / под ред. О. А. Хасбулатовой. Иваново : Юнона, 1998. 45 с.
5. *Реброва Н. П.* Взаимосвязь биологических и психологических характеристик личности : гендерный аспект // *Гендерная психология : практикум* / под ред. И. С. Клёциной. 2-е изд. СПб. : Питер, 2009. 479 с.
6. *Хасбулатова О. А.* Реалии российской гендерной политики в XXI столетии // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 3. С. 4—12. URL: <http://www.rapidwaycorp.ru/content/realii-rossiiskoi-gendernoi-politiki-v-khkh-stoletii> (дата обращения: 20.06.2013).
7. *Хасбулатова О. А.* Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2005. 372 с.

РОССИЙСКИЙ ДРУГОЙ В ИДЕНТИЧНОСТИ ЕС: РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ГЕНДЕРНОГО ПОРЯДКА В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПРЕССЕ

Европейский союз остается одним из влиятельных участников современной системы международных отношений. Его будущее во многом зависит от легитимности его институтов, от того, насколько европейцы будут чувствовать себя частью общего политического сообщества, насколько высок будет уровень европейской политической идентичности [27, 40]. Важность европейской консолидации подчеркивается и в основополагающих документах ЕС: Маастрихтском и Лиссабонском договорах; о значении феномена европейской идентичности свидетельствует и то, что на протяжении двух десятилетий службой «Евробарометр» проводятся регулярные замеры европейской идентичности в странах ЕС [8].

А. Вендт, один из основоположников конструктивистского подхода в теории международных отношений, считает государственную идентичность ключевым фактором мировой политики [45]. По его мнению, формирование идентичности государств происходит именно в ходе взаимодействия с другими участниками международных отношений, поэтому идентичность следует трактовать как набор значений, которые субъект приписывает себе, принимая во внимание поступки других акторов [45] (см. также: [7]). Т. Хопф, другой представитель конструктивизма, подчеркивает, что политика акторов международных отношений зависит от существующих у них образов Себя и Других [31, р. 14] (о взаимообусловленности образов Своих и Чужих см.: [32]). Под Другими принято понимать социальную общность, имеющую иной, более или менее отличный, образ жизни, язык, культуру, иные экономические, политические и другие интересы и цели, иные ценности [1, с. 49]. Как утверждает Хопф, каждый актор имеет свой собственный набор значимых Других, в отношении с которыми создается и поддерживается собственная идентичность; при этом в ее создании принимают участие не только политические элитные группы, но и широкие массы [31, р. 5, 8].

Характеризуя создание государственной идентичности, Я. Ассман выделяет два ее типа и соответственно два способа формирования. Идентичность создается «вертикально», посредством политической институционализации, и «горизонтально», через постоянную дифференциацию со значимыми Другими, за счет чего достигается внутренняя однородность (см.: [6, с. 414—416]). Очевидно, аналогичным образом формируется и европейская политическая идентичность. С одной стороны, она является результатом целенаправленной политики идентичности и «побочным продуктом» социально-экономической дея-

тельности институтов ЕС. С другой стороны, процесс формирования европейской политической идентичности происходит за счет противопоставления ЕС значимым внешним Другим.

Роль Другого в коллективной идентичности в рамках политической науки начали изучать с 1960-х гг. [14, с. 43]. Среди идей, оказавших влияние на методологию политического анализа идентичности, отметим тезис Ф. Барта, полагавшего, что возникновению различий между сообществами предшествует необходимость в создании между ними границ [2, с. 16]. Вопрос о роли образа Другого в идентичности Запада изучался, в первую очередь, в парадигме постколониальных исследований. Э. Саид показал, что сущностная характеристика конструирования идентичности Запада заключается в отрицании «восточности» [20]. Дальнейшие исследования установили, что в самоидентификации Запада мир делится на «Запад и всех остальных» («The West and the Rest»), причем всему не-Западу приписываются черты восточности [30, р. 277].

Противопоставление европейских норм и ценностей нормам и ценностям значимых Других помогает мобилизовать граждан ЕС перед лицом внешней угрозы [27, р. 6—7; 40, р. 14], поэтому понять проблемы формирования европейской политической идентичности невозможно вне изучения вопроса, кто же для Европы — Другой, каким образом проводятся границы между Европой и ее значимыми Другими. Среди Других Европейского союза называют США и Турцию [11, с. 71; 26, р. 46; 28, р. 33], а также «собственное прошлое континента: войны, национализм, фашистское или коммунистическое правление» [42, р. 206]. Какое место принадлежит России, особенно в настоящее время? Ответ на этот вопрос важен не только в контексте проблемы формирования внешнеполитической идентичности ЕС, но и в свете необходимости изучения факторов, влияющих на отношения двух акторов международных отношений — ЕС и России.

Российский Другой выступает для Европы в качестве частного случая «Востока», с которым европеец себя сравнивает. Этот тезис, который нашел отражение в работах Э. Саида [20], И. Нойманна [11] и позднее Т. Хопфа [31], — методологическая посылка нашего исследования. Европе и России приписываются характеристики, традиционно соотносящиеся соответственно с Западом и Востоком, например индивидуализм и коллективизм, разум и интуиция, прогресс и отсталость, свобода и угнетение, цивилизация и варварство; эти различия получают предсказуемую оценку [20, 30]. Естественно, образ России в Европе не является гомогенным, он варьируется в зависимости от идеологической ориентации политических акторов, поднимающих тему России [36, р. 9—10], от состояния отношений России и Европы, от политической ситуации в Европе.

В современной европейской прессе образ России создается при помощи различных маркеров. Для спецификации России акцентируются ее отличия от Европы в таких аспектах, как политическая система, внутренняя политика, права человека, экономика, внешняя политика [16]. Мы бы хотели затронуть вопрос о роли гендерных маркеров в репрезентациях России. Н. Ювал-Дэвис предложила в качестве «символических пограничников» интерпретировать гендерные символы, которые, наряду с другими маркерами, идентифицируют индивидов в качестве членов или же не-членов определенного сообщества (см.:

17, с. 21]). Гендерные маркеры выступают эффективными символическими пограничниками и в ситуации с общеевропейской идентичностью: дискурс европейскости охотно прибегает к противопоставлению образов европейских и неевропейских гендерных норм. Западный дискурс активно использует гендерные маркеры для проведения символических границ и с Россией [там же]. Аналогичные идентификационные процессы происходят в России, в том числе и постсоветской, где противопоставление европейским гендерным порядкам является важной составляющей политик идентичности, что стало предметом исследования в ряде работ [18, 19, 21]. Что же касается сегодняшних репрезентаций российского гендерного порядка в европейских медиа, то этот вопрос не получил пока освещения. Цель нашей статьи — обозначить основные тенденции репрезентаций гендерных норм российского общества в европейской идентичности. Как они представлены в европейских СМИ? Какую оценку в контексте европейскости/неевропейскости они получают? Как это связано с другими маркерами России? Как образ гендерного порядка России включается в дискуссии о европейских ценностях и единой Европе?

Для того чтобы получить ответы на эти вопросы, в статье используются материалы СМИ стран Евросоюза, посвященные двум событиям, произошедшим в 2012—2013 гг.: делу «Pussy Riot» и принятию в России закона о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних.

«Pussy Riot» — российская феминистская панк-группа, получившая известность после ее акции в храме Христа Спасителя в феврале 2012 г., в период президентской кампании. Спустя полгода приговором российского суда три участницы группы были осуждены. Дело вызвало большой резонанс в Европе; в их защиту выступали политики, общественные деятели и представители европейской культуры.

В дискурсе европейских СМИ можно выделить два измерения репрезентаций «Pussy Riot» — и, следовательно, обвинений в адрес России. В первом, политическом, участницы панк-группы выступали в качестве представителей либеральной оппозиции; во втором, гендерном, — радикального феминизма.

Что касается политических репрезентаций, то участники группы в подавляющем большинстве проанализированных источников предстают «отважными борцами с авторитарным режимом» [43] и его «знаменосцами — В. Путиным и Д. Медведевым» [3] (см. также: [13, 24, 34, 35, 41, 44]). Так, один из журналистов видит именно в этих трех девушках тех, кто «переломит хребет» системе [13]. Подчеркнем, что аргументами в защиту панк-группы становятся традиционные обвинения в адрес политической системы России как неевропейской и нецивилизованной [4, 5, 25, 38]. К примеру, в связи с делом «Pussy Riot» польская «Газета Выборча» пишет: «Эта история напоминает нам <...> что Россия — это другая цивилизация» [41]; еще одно издание привлекает популярный на протяжении столетий тезис о «рабской России» («Девушки отделились от своего ортодоксального, консервативного, рабского общества» и др.) [37]. На таком фоне комментаторы выносят оценки самому Евросоюзу и его политике по отношению к России: «В свете все возрастающего числа нарушений прав человека Европа остается поразительно молчаливой» [39].

Второе измерение репрезентаций «Pussy Riot» в европейской прессе — гендерное, которое связано, во-первых, с позиционированием участниц группы как феминисток, во-вторых, с характеристикой их истории в контексте репрезентаций гендерного порядка России в целом. Показательна статья К. Кадвалладр в британской «Гардиан», где утверждается, что творчество «Pussy Riot» содержит мощный феминистский посыл, который является глубоко чуждым России. Кадвалладр пишет: «Российские лидеры всегда понимали могущество образов власти: серпа и молота; ядерных боеголовок и мускулистого мужчины, занимающегося на природе с обнаженным торсом мужскими делами. И последнего случая: пяти девушек в разноцветных балаклавах, скачущих в символическом сердце Российского государства — на Красной площади» [25]. Заслуга панк-группы, по мнению журналистов многих изданий, заключается в привнесении феминизма в страну, основанную на принципах патриархата, символом которого для них является российский лидер [25, 29].

Освещение данной темы обнаруживает корреляции с репрезентациями других аспектов гендерного порядка в России. Исследователи уже показали, что мужественность россиян в западном дискурсе интерпретируется как отсталая, примитивная, построенная вокруг культа силы и агрессии, ксенофобии и отсутствия толерантности к сексуальным меньшинствам. Западные СМИ описывают российских мужчин как «массивных и непредсказуемых русских медведей» или же как инфантильных алкоголиков, а женщин — как покорных и сексапильных, отвергающих саму идею феминизма [19].

Еще более суровую критику европейских медиа вызвало принятие в России закона о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних. Обсуждение закона включает в себя воспроизводство уже упоминавшихся маркеров России. Отношение к правам сексуальных меньшинств выступает критерием оценки демократичности государства, убеждают читателей журналисты (см., напр.: [12]). Закон трактуется и как проявление авторитаризма в целом [4], и как ограничение гражданских прав и свобод [9, 12, 39], и как доказательство преследования инакомыслящих [33]. Особо подчеркнем, что в нем представители СМИ Евросоюза увидели подтверждение цивилизационного раскола между Россией и Европой. В латвийском издании отмечается, что и в политическом смысле, и, в большей мере, географически «граница между государствами, в которых закон обеспечивает равные права однополым и гетеросексуальным парам, и теми странами, где это не признается, довольно точно разделяет карту на Запад и Восток» [12].

Итак, гендерный дискурс выступает способом противопоставления «хорошей Европы» и «плохой России». Однако обратим внимание на другую тенденцию, связанную с обсуждением этого закона, которая показывает неоднородность образа России в европейских СМИ и вызовы, с которыми сталкивается европейская идентичность. Как известно, вопрос об однополых браках принимается самими гражданами Евросоюза далеко не однозначно (особенно в странах с сильной позицией католической церкви). В этих условиях можно наблюдать и различное отношение к принятому в России закону и, что для нас представляет особый интерес, к проблеме европейскости России.

Например, российский закон вызвал одобрение у шведских правых, которые считают, что единственной нормой являются традиционные семейные отношения [15], у М. Ле Пен, президента французского «Национального фронта» [10]. Французское издание так объясняет поддержку, которую оказывают закону французские «антилибералы»: «На фоне порочной Европы и полуханжеской/полуанархистской Америки Россия предстает как страж золотого века, времен, когда еще не было никакой ЛГБТ-революции» [4]. «Отсталость России» начинает интерпретироваться как ее преимущество. Заметим, что представления о России как чистом листе, *tabula rasa*, лежали у истоков западной русофилии: страну ожидает великое будущее именно в силу неиспорченности ее цивилизацией [17].

Особое внимание в контексте обсуждения закона уделялось личности президента России. Испанское издание пишет: «Сразу же после того как Владимир Путин стал премьер-министром России, он превратился в своего рода демона для гей-лобби. Западная пресса пестрит такими заголовками, как “Путин преследует гомосексуалистов” или “Путин запретил гей-браки”. Однако мало кто говорит о том, что принятый в России закон о запрете гей-пропаганды среди детей не имеет политической направленности, а всего лишь навсего инструмент национального выживания» [23]. Специфика мужественности российского президента теперь описывается не только как брутальность и мачизм, но также как сила, решительность и разумность: «Путин не такой бесхребетный тьюфак, как западные политики, пасующие перед идиотизмом гомосексуального лобби» [15].

Таким образом, в риторике европейской прессы гендерный вопрос приобретает политическое измерение. Основная тенденция репрезентаций гендерного порядка российского общества состоит в том, что он представлен как отличный от европейского; это объясняется либо политикой российских властей, либо цивилизационными особенностями страны. При этом он является показателем отсталости России. Подобные репрезентации имеют корреляции с другими распространенными маркерами России. Вместе с тем за пределами гегемонного дискурса специфика гендерного порядка российского общества расценивается как преимущество России перед Европой. Более того — именно Россия выступает здесь как хранитель подлинных европейских ценностей, основанных на христианстве. По мнению О. Матвейчева, «европейцы высоко ценят тот факт, что российское руководство стремится к сохранению традиционных ценностей», а «Путин — единственный, кто не предал свои истоки, в том числе западные, поэтому вызывает такое уважение у людей» [22]. Заметим, что аналогичные идеи — о том, что Россия превратилась в основной бастион традиционных ценностей и именно в этом заключается ее миссия на современном этапе — набирают популярность и в нашей стране [18]. В этой перспективе российский Другой выступает как фактор не только укрепления европейской идентичности, но и ее разрушения, превращаясь в альтернативный проект для многих европейцев, которых не устраивают происходящие в ЕС изменения гендерного порядка. Это лишний раз демонстрирует сложность и противоречивость процессов формирования европейской идентичности.

Библиографический список

1. Ачкасов В. А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2, № 1. С. 45—56.
2. Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы : социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта. М. : Новое изд-во, 2006. С. 9—48.
3. Бастиан С. Хит-парад групп, у которых были проблемы с законом до Pussy Riot. URL: <http://inosmi.ru/world/20120828/197352606.html> (дата обращения: 10.10.2013).
4. Гардер Н. Почему французским антилибералам нравится Путин? URL: <http://inosmi.ru/world/20130918/213078036.html> (дата обращения: 10.10.2013).
5. Грациоли С. Москва: полемика бросает тень на чемпионат мира по легкой атлетике. URL: <http://inosmi.ru/sport/20130820/212116633.html> (дата обращения: 10.10.2013).
6. Замятина Н. Ю. Территориальные идентичности и реконфигурация социального пространства // Политическая идентичность и политика идентичности. М. : РОССПЭН, 2012. Т. 2 : Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / под ред. И. С. Семененко. С. 411—430.
7. Киселёв И. Ю. Проблема образа государства в международных отношениях: конструктивистская парадигма // ПОЛИТЭКС. 2007. Т. 3, № 3. С. 253—260.
8. Крестинина Е. С. Проблема формирования наднациональной политической идентичности : (на примере ЕС) // ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7, № 2. С. 52—61.
9. Ленуар Н. Pussy Riot и новое политическое сознание. URL: <http://inosmi.ru/politic/20120830/197497262.html> (дата обращения: 10.10.2013).
10. Маньи С. Пустота, заполненная Путиным. URL: <http://inosmi.ru/russia/20131128/215183109.html> (дата обращения: 10.10.2013).
11. Нойманн И. Использование «Другого» : образы Востока в формировании европейской идентичности. М. : Новое изд-во, 2004. 335 с.
12. Озолиньш А. Однополые браки — критерий демократии. URL: <http://inosmi.ru/world/20130711/210861893.html> (дата обращения: 10.10.2013).
13. Озолиньш А. Свергнут ли девушки Путина? URL: <http://inosmi.ru/russia/20120806/196118801.html> (дата обращения: 10.10.2013).
14. Попова О. В. Россия как «Другой»: к вопросу об амбивалентности субъектов оценки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2008. № 4. С. 43—50.
15. Российский закон о запрете пропаганды содомии был с воодушевлением поддержан шведскими патриотами. URL: <http://perevodika.ru/articles/23299.html> (дата обращения: 10.10.2013).
16. Рябов Д. Россия в европейской идентичности: пятидневная война в польских СМИ // Россия в начале нового десятилетия : материалы межвуз. молодеж. науч. конф., Санкт-Петербург, 21 мая 2011 г. СПб. : НИУ ВШЭ, 2011. С. 56—60.
17. Рябов О. В. «Россия-Матушка» : национализм, гендер и война в России XX века. Stuttgart ; Hannover : Ibidem-Verlag, 2007. 290 с.
18. Рябова Т. Б., Рябов О. В. «Гейропа»: гендерное измерение образа Европы в практиках политической мобилизации // Женщина в российском обществе. 2013. № 3. С. 31—39.
19. Рябова Т. Б., Рябов О. В. Настоящий мужчина российской политики? : (к вопросу о гендерном дискурсе как ресурсе власти) // Полит. исслед. 2010. № 5. С. 48—64.
20. Саид Э. Ориентализм. М. : Русский мир, 2006. 640 с.
21. Цалко Е. О., Рябова Т. Б. Русскость и европейскость сквозь призму гендерных идентификаторов : (по результатам социологического исследования) // Женщина в российском обществе. 2010. № 2. С. 57—65.

22. Эксперты: мировое сообщество одобряет решения Путина. URL: http://www.infox.ru/authority/mans/2013/07/02/Ekspyertyu__Mirovoe_print.phtml (дата обращения: 10.10.2013).
23. Эснарса Х. Антигейский закон в России — инструмент национального выживания. URL: <http://inosmi.ru/world/20130826/212264304.html> (дата обращения: 10.10.2013).
24. Beylin M. Odrażający wyrok na Pussy Riot nas obraża // Gazeta Wyborcza. 2012. 18 sierpień. URL: http://wyborcza.pl/1,75968,12326451,Odrzajacy_wyrok_na_Pussy_Riot_nas_obraza.html (дата обращения: 10.10.2013).
25. Cadwalladr C. Pussy Riot: will Vladimir Putin regret taking on Russia's cool women punks? // The Guardian. 2012. 29th July. URL: <http://www.theguardian.com/world/2012/jul/29/pussy-riot-protest-vladimir-putin-russia> (дата обращения: 10.10.2013).
26. Calhoun C. The virtues of inconsistency: identity and plurality in the conceptualization of Europe // Constructing Europe's Identity / ed. by L.-E. Cedermann. Boulder (CO) : Lynne Rienner, 2001. P. 35—56.
27. Cedermann L.-E. Political boundaries and identity trade-offs // Constructing Europe's Identity / ed. by L.-E. Cedermann. Boulder (CO) : Lynne Rienner, 2001. P. 1—34.
28. Delanty G. Redefining political culture in Europe today: from ideology to the politics of identity and beyond // Political Symbols, Symbolic Politics : European Identities in Transformation / ed. by U. Hedetoft. Aldershot : Ashgate, 1998. P. 23—43.
29. Donath K.-H. «Hexenprozess» im Namen Gottes // Die Tageszeitung. 2012. 26. März. URL: <http://www.taz.de/Anti-Regierungsproteste-in-Russland/!90369> (дата обращения: 10.10.2013).
30. Hall S. The West and the rest: discourse and power // Formations of Modernity / ed. by S. Hall, B. Gieben. Cambridge : Polity Press, 1992. P. 276—320.
31. Hopf T. Reconstructing the Cold War : the Early Years, 1945—1958. Oxford University Press, 2012. 305 p.
32. Jenkins R. Social Identity. New York : Routledge, 2008. 232 p.
33. Jenkins S. The west's hypocrisy over Pussy Riot is breathtaking // The Guardian. 2012. 21st Aug. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2012/aug/21/west-hypocrisy-pussy-riot> (дата обращения: 10.10.2013).
34. Jones N. Pussy Riot's protests threaten more than just the Putin regime // New Statesman. 2012. 31st July. URL: <http://www.newstatesman.com/blogs/worldaffairs/2012/07/pussy-riots-protests-threaten-more-just-putin-regime> (дата обращения: 10.10.2013).
35. Lynskey D. Pussy Riot: activists, not pin-ups // The Guardian. 2012. 20th Dec. URL: <http://www.theguardian.com/music/2012/dec/20/pussy-riot-activists-not-pin-ups> (дата обращения: 10.10.2013).
36. Malia M. Russia under Western Eyes : from the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge (MA) : The Belknap Press of Harvard University, 2000. 528 p.
37. Michalski C. Pussy Riot na krzyżu bez pluszu // Krytyka Polityczna. 2012. 23 sierpień. URL: <http://www.krytykapolityczna.pl/CezaryMichalski/PussyRiotnkrzyzubezpluszu/menuid-291.html> (дата обращения: 10.10.2013).
38. Moore S. Pussy Riot are a reminder that revolution always begins in culture // The Guardian. 2012. 1st Aug. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2012/aug/01/pussy-riot-reminder-revolution-culture?CMP> (дата обращения: 10.10.2013).
39. Philosophers urge support for jailed Pussy Riot protester // The Guardian. 2013. 22nd Nov. URL: <http://www.theguardian.com/music/2013/nov/22/philosophers-support-pussy-riot-protester> (дата обращения: 22.11.2013).
40. Preez P. du. The Politics of Identity : Ideology and the Human Image. New York : St. Martin's Press, 1980. 178 p.

41. *Radziwinowicz W.* Proces Pussy Riot: oskarżone oskarżają // *Gazeta Wyborcza*. 2012. 9 sierpień. URL: http://wyborcza.pl/1,75475,12278468,Proces_Pussy_Riot__Oskarzone_oskarzaja.html (дата обращения: 10.10.2013).
42. *Risse T., Engelmann-Martin D.* Identity politics and European integration: the case of Germany // *The Idea of Europe: from Antiquity to the European Union* / ed. by A. Pagden. Cambridge University Press, 2002. P. 287—316.
43. *Skweciński P.* Pussy Riot — czy polubilibyśmy je w Polsce? // *Rzeczpospolita*. 2012. 31 lipiec. URL: <http://www.rp.pl/artukul/628874,920610-Pussy-Riot---czy-polubilibysmy-je-w-Polsce-.html> (дата обращения: 10.10.2013).
44. *Walker S.* Russia's Duma waves through anti-gay law — by 436 votes to 0 // *The Independent*. 2013. 11th June. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/europe/russias-duma-waves-through-antigay-law--by-436-votes-to-0-8654582.html> (дата обращения: 10.10.2013).
45. *Wendt A.* Collective identity formation and the international state // *American Political Science Rev.* 1994. Vol. 88, № 2. P. 384—396.

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ СОБЫТИЯХ

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛЕТНЯЯ ШКОЛА «ГЕНДЕР И РЕЛИГИЯ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫХ ОБЩЕСТВАХ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ»

8—26 июля 2013 г. в г. Редджио-ди-Калабрия (Италия) состоялась Международная летняя школа «Гендер и религия в мультикультурных обществах: вызовы современности». Школа явилась совместным проектом Ивановского центра гендерных исследований (Ивановский государственный университет) и Университета для иностранцев Данте Алигьери (Редджио-ди-Калабрия). Участниками летней школы стали преподаватели, аспиранты и студенты старших курсов университетов России, Белоруссии, Украины и Казахстана. Поскольку тематика школы вызвала большой интерес и предварительный отбор прошла 41 мотивированная и достойная заявка, то организационным комитетом было решено изменить формат школы и в качестве эксперимента организовать две параллельные учебные группы. В результате наша школа фактически превратилась в летний университет, тем более что занятия проходили в аудиториях Университета Данте Алигьери и в соответствии с его учебным расписанием. Участники школы начали обучение с недельных курсов итальянского языка и культуры, что способствовало их коммуникации и интеграции в культурную среду Юга Италии. В рамках основной программы школы им была предоставлена возможность прослушать лекции ведущих европейских специалистов в области гендерных исследований, феминистской теологии, гендера и религии, мультикультурализма: Елены Здравомысловой (Европейский университет, Санкт-Петербург), Терезы Толди (Университет Фернандо Пессоа, Порту, Португалия), Чии Лонгман (Университет Гента, Бельгия). Нам удалось собрать специально для летней школы блестящую команду лекторов — не только преподавателей, но и серьезных исследователей, поэтому участники могли ознакомиться как с наиболее современными теоретическими подходами, так и с уникальным эмпирическим материалом, мало известным в научной среде постсоветского пространства. В анкетах обратной связи все слушатели высоко оценили образовательную программу летней школы и отметили значимость и полезность курсов для их профессиональной квалификации.

Школа завершилась круглым столом, участники которого, опираясь на полученные в летней школе знания, представили свое видение перспектив исследования проблемы соотношения гендера и религии на постсоветском пространстве. Их многонациональный и многоконфессиональный состав был залогом того, что дискуссия получилась очень интересной и конструктивной. В ее ходе бы-

ли намечены темы и авторы для публикаций в новом европейском он-лайн журнале «Гендер и религия», редактором которого является Чиа Лонгман.

Поскольку на летние школы слушатели приезжают преимущественно во время отпуска, образовательная концепция подразумевает обучение с удовольствием. Для участников была организована обширная экскурсионная программа, что позволило ознакомиться с уникальной историей и культурой Южной Италии, прекрасно отдохнуть и увезти с собой незабываемые впечатления. В анкетах обратной связи практически все слушатели школы написали, что хотели бы принимать участие в подобных проектах и в дальнейшем.

В 2014 г. исполняется 100 лет с начала Первой мировой войны, что делает еще более актуальными проблемы войны и мира, изучение конфликтов и войн и их последствий как на глобальном, так и на локальном уровне. Поэтому следующая школа будет посвящена гендерным аспектам коммеморации Первой мировой войны. Благодаря профессору Т. Толди Ивановский центр гендерных исследований установил отношения с университетом Фернандо Пессоа в Порту (Португалия), администрация которого выразила согласие стать нашим партнером в проведении летней школы в июле 2014 г. Место проведения логично вписывается в концепцию открытия для широкого круга исследователей мало известных, но актуальных сюжетов истории и социальных наук в целом. Мы мало что знаем о гендерных аспектах Первой мировой войны, и еще меньше о Португалии как ее участнице.

А. Л. Колесникова,
аспирантка кафедры новой, новейшей истории
и международных отношений ИвГУ

АННОТАЦИИ

Бекарев А. М., Шакурова А. В. Индивидуальные профессионально-ролевые комплексы как ресурсы эффективной деятельности педагога

Дано описание индивидуальных профессионально-ролевых комплексов учителей, работающих в обычных муниципальных образовательных учреждениях, элитных школах, негосударственных религиозных учебных заведениях. Выявленные комплексы оцениваются с точки зрения обеспечения технологической готовности учителей к эффективной педагогической деятельности.

Ключевые слова: профессионально-ролевые комплексы, функциональные роли, учитель, педагог, трудовое поведение.

Лелюхин С. В. Роли сельских учительниц: анализ случая в Саратовской области

На основе интервью с учениками и директором школы села Прокудино Аткарского района Саратовской области анализируется трансформация социальных ролей сельских учительниц. Этот процесс рассматривается как реакция на преобразования сельской школьной сети. Автор выявил четыре социальные роли: матери, коррекционного педагога, усыновителя и защитника села.

Ключевые слова: сельский учитель, сельские школы, реформа школьного образования, социальная роль, усыновление.

Микляева А. В. Гендерные траектории профессионального пути учителя: взгляд учеников

Представлены результаты экспериментального исследования особенностей гендерной и возрастной стереотипизации (в их взаимосвязи) в процессах восприятия педагогов учащимися подросткового возраста. Показано, что содержательная сторона профессиональной деятельности педагогов в большей степени подвергается гендерной стереотипизации, чем возрастной. Однако для характеристики восприятия подростками траекторий мужского и женского профессионального педагогического пути оказывается необходимым анализировать гендерный аспект профессионализации во взаимосвязи с другими аспектами, в частности с возрастным.

Ключевые слова: гендер, возраст, профессиональный путь, педагогическая деятельность, социальная перцепция.

Петрова Ж. В. Дискриминационные практики пенсионеров по возрасту в профессионально-трудовой сфере как проблема социально-экономической политики государства: гендерный аспект

Анализируется ситуация практик дискриминации на рабочих местах сотрудников третьего возраста, раскрываются стратегии интеграции трудового потенциала пожилых людей в рамках социально-экономической политики государства.

Ключевые слова: третий возраст, социальная группа, дискриминация, трудовой потенциал.

Юдина А. А. Гендерные особенности социальных сетей малого предпринимательства в Гатчине

Проводится анализ социальных сетей малого предпринимательства Гатчины в гендерном разрезе. Рассматривается влияние гендерных особенностей социальных сетей на их размер, структуру и содержание. Определена степень развития сотрудничества внутри социальных сетей и выявлены преимущества, которые они дают малым предпринимателям.

Ключевые слова: социальные сети малого предпринимательства, гендерные особенности социальных сетей, степень развития сотрудничества, эмоциональная нестабильность, профессиональная замкнутость.

Меньшикова Е. Н. Малая юмористическая проза («картинки из купеческого быта») как новый источник по женской истории русского купечества второй половины XIX — начала XX в.

Статья посвящена выявлению и обоснованию источникового потенциала литературно-художественных памятников второй половины XIX — начала XX в., объединенных в так называемые «картинки из купеческого быта», при исследовании проблем женской истории русского купечества. Очерчены границы использования художественной литературы в качестве исторического источника; дана археографическая характеристика произведений малой юмористической прозы; выявлены направления женской истории русского купечества, источниками исследования которых могут служить указанные литературно-художественные памятники.

Ключевые слова: нетрадиционные исторические источники, литературно-художественные памятники, «картинки из купеческого быта», русское купечество, женская история, вторая половина XIX — начало XX в.

Мухина З. З. Старые девы в русской крестьянской среде (вторая половина XIX — начало XX в.)

Изучается социовозрастная группа старых дев, особенности их положения в русской крестьянской среде во второй половине XIX — начале XX в. На основании историко-этнографических данных, собранных информаторами Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева, и других источников выявлены причины безбрачия крестьянских девушек, показана роль старых дев в семейной жизни, отношение к ним членов семьи и общины в целом. Отмечены локальные особенности существования данного явления.

Ключевые слова: женская история, гендерная история, социовозрастная группа, русская крестьянка, старая дева, Европейская Россия.

Полозова К. А., Федотов А. А. Гендерный аспект реализации законодательства, регулирующего религиозную сферу в СССР в 1929—1990 гг.

Рассматривается гендерный аспект реализации законодательства, регулирующего религиозную сферу в СССР в 1929—1990 гг. Отмечается, что особенности атеистической работы с женщинами и мужчинами были разными, как и методы давления на них, проводится анализ этих особенностей.

Ключевые слова: законодательство, религия, Русская Православная Церковь, мужчина, женщина.

Фадеева Е. В. Статус и роль женщины в обществе и семье коренных народов Нижнего Амура: традиции и современность

Исследуются факторы, определяющие роль и статус женщины в традиционном обществе и семье коренных этносов Нижнего Амура, их трансформация с конца XIX в. по настоящее время. Анализ приведенных материалов позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на неравноправное положение, женщины в традиционных обществе и семье не являлись пассивными членами, а активно участвовали в социальной, и в том числе производственной, жизни. Это, в свою очередь, позволило определить, что статус и роль женщины в традиционном обществе и семье зависели от того, какое место она занимала в данный момент в системе семейно-родственных связей, в рамках какого социума она осуществляла свою деятельность и с кем из членов рода, семьи и общины она контактировала.

Ключевые слова: традиционная семья, женщина коренных народов, социальный статус.

Мальцев К. Г., Попель А. А. Проблема детерминированности социальной креативности гендерным фактором: современные подходы

Статья посвящена обзору новейших теорий детерминированности социальной креативности гендерным фактором. Подтверждается непротиворечивость методологических подходов, представленных в статье, сложившейся в отечественной научной литературе традиции изучения проблемы взаимосвязи гендерного фактора и креативности. Делается вывод о том, что социальная среда может затруднять реализацию креативного потенциала женщины в современном обществе.

Ключевые слова: социальная креативность, гендер, социальная среда, детерминированность, социальная мотивация.

Блохина Н. А. Критика физикалистского понимания сознания: два подхода

Изучение такого сложного явления, как сознание, требует комплексного подхода. Два философа-аналитика критикуют физикалистское понимание сознания. Д. Чалмерс, деля сознание на феноменальное и психологическое, стремится обосновать несводимость феноменального к физиологическим процессам мозга. Н. Шеман, представительница аналитического феминизма, также уверена, что не сами физические процессы детерминируют содержание нашего сознания, а те смыслы, которые в них заложены. Антифизикализм Чалмерса и антифизикализм Шеман не отрицают, а дополняют друг друга, делая исследование сознания комплексным.

Ключевые слова: аналитическая философия, аналитический феминизм, онтология сознания, натуралистический дуализм, праксиологический конструктивизм, Дэвид Чалмерс, Наоми Шеман.

Белова Е. А. Особенности учебного стресса старших школьников (Гендерный аспект)

Статья посвящена актуальной теме — изучению психологического стресса в юношеском возрасте. Основное внимание уделяется гендерному аспекту. Приводятся результаты эмпирического исследования учебного стресса старших школьников. Анализируются различия в проявлении и переживании психологического стресса у юношей и девушек.

Ключевые слова: психологический стресс, гендерно-ролевой стресс, учебный стресс девушек и юношей, гендерные особенности стратегий стрессосовладающего поведения.

Рябов Д. О. Российский Другой в идентичности ЕС: репрезентации современного гендерного порядка в европейской прессе

Статья посвящена проблеме репрезентаций российского Другого как фактора формирования идентичности европейцев. Анализируя материалы европейских СМИ, посвященные гендерному порядку российского общества, автор приходит к выводу об амбивалентной роли России в процессах создания европейскости. С одной стороны, образ российского гендерного порядка как отличного от европейского, отсталого, направлен на укрепление общеевропейской идентичности. С другой, Россия предлагает альтернативные решения современных гендерных проблем и тем самым выступает фактором ослабления консолидации ЕС.

Ключевые слова: образ России, образ Другого, европейская идентичность, «Pussy Riot», гендерный порядок России.

SUMMARIES

Bekarev A. M., Shakurova A. V. Individual professional and role complexes as the bases for the efficient pedagogue's work

The article offers the description of the individual professional and role complexes of the teachers working in the public schools, elite schools, non-governmental religious educational institutions. The mentioned complexes are evaluated from the viewpoint of the level of technological readiness of teachers for educational work.

Key words: professional and role complexes, functional roles, teacher, pedagogue, work behavior.

Lejukhin S. V. The roles of village female teachers: a case in Saratov region

The transformation of the social roles of the village female teachers is analyzed in the article on the base of the interviews with the students and the principal of Prokudino village school, Saratov region. This process is considered as reaction to the village school network reform. The author points out four social roles: mother, correction pedagogue, foster parent, and defender of the village.

Key words: village female teacher, village school, school education system reform, social role, adoption.

Miklyayeva A. V. The gender aspects of a teacher's professional way: students' opinion

The article represents the results of the experimental study of gender and age-related interconnected specifics of stereotyping in the perception of teachers by teenage students. It shows that the contents of the teachers' work is subjected to the gender stereotyping more than to the age-related one. But in order to characterize the teenagers' perception of the male and female professional pedagogical ways, the gender aspect of the profession should be considered in its interaction with the other aspects, in particular with the age-related one.

Key words: gender, age, professional way, pedagogical practice, social perception.

Petrova Zh. V. Discriminatory practices towards the retired by age in the professional and labor sphere as a problem of the socio-economic policy of the state: gender aspect

The author analyzes the discriminatory practices at the work places implied towards the aged employees and reveals the strategies of the aged people integration within the framework of the socio-economic policies of the state.

Key words: aged people, social group, discrimination, labor potential.

Yudina A. A. Gender specifics of small business social networks in Gatchina

The article analyzes small business social networks in Gatchina in gender perspective. The author considers the influence of the gender specifics on the social networks' size, structure, and content. The degree of cooperation development inside the social networks is defined, and the advantages they allow to the small business owners are revealed.

Key words: small business, social networks, gender specifics, degree of cooperation development, emotional instability, professional autarchy.

***Menshikova E. N.* Short humorous prose («pictures of merchants' life») as a new source of the Russian merchant class women's history of the late XIX — the early XX c.**

The article is devoted to the detection and substantiation of the source potential of the literary works of the late XIX — the early XX centuries collected in the so-called «pictures of merchant life», for the research of the Russian merchant class women's history. The limits of the usage of literature as a historical source are outlined; the archaeographical characteristic of the short humorous prose works is given. The author reveals the directions of the Russian merchant class women's history, which can be studied on the base of the mentioned literary works.

Key words: non-traditional historical sources, literary works, «pictures of merchant life», Russian merchant class, women's history, the late XIX — the early XX c.

***Mukhina Z. Z.* Old maids in Russian peasantry (the late XIX — the early XX c.)**

The social and age group of old maids is considered, and the specifics of their position in Russian peasantry in the late XIX — the early XX c. are revealed. On the base of the historical and ethnographical data collected by the informers of the Ethnographic office headed by Prince V. N. Tenishev's and other resources the author reveals the reasons of the peasant maids celibacy, shows the maids' role in family life, the attitude of the other members of a family and society towards them. The local peculiarities of this phenomenon are pointed out.

Key words: women's history, gender history, social and age group, Russia peasant woman, old maid, the European part of Russia.

***Polozova K. A., Fedotov A. A.* The gender aspect of the legislation in the religious sphere implementation in the USSR in 1929—1990**

The gender aspect of the implementation of the legislation concerning religious sphere in the USSR in 1929—1990 is considered. The authors point out that the specifics of the atheistic propaganda among women and men differed, as did the methods of pressure implied against them. These specifics are analyzed in the article.

Key words: legislation, religion, Russian Orthodox Church, man, woman.

***Fadeeva E. V.* Woman's status and role in society and family of the Lower Amur region native peoples: traditions and the present.**

The article studies the factors determining woman's status in traditional society and family of the Lower Amur region native ethnies, the ways they have been transforming from the late XIX c. till nowadays. The analysis of the mentioned materials allows to conclude that women despite their unequal position in the traditional society and family were not their passive members, but participated actively in the social life including the sphere of production. In its turn this assumption leads to the conclusion that the woman's status and role in the traditional society and family depended on her current position in the system of the family relations, on the social milieu she acted within, and on the members of the family and community she contacted with.

Key words: traditional family, woman, native peoples, social status.

***Maltsev K. G., Popel A. A.* The problem of the social creativeness determination by the gender factor: modern approaches**

The article offers the review of the recent theories of the social creativeness determination by the gender factor. The authors reveal the compatibility of the methodological ap-

proaches mentioned in the article to the Russian scholarly tradition to interconnection the study of gender factor and creativity. It is concluded that the social environment may impede the realization of a woman's creative potential in the modern society.

Key words: social creativity, gender, social environment, determinancy, social motivation.

Blokhina N. A. Critics of the physicalist understanding of the consciousness: two approaches

Such a complicated phenomenon as consciousness needs to be studied within a complex approach. Two philosophers criticize the physicalist understanding of the consciousness. D. Chalmers dividing the consciousness into the phenomenal and the psychological attempts to justify the irreducibility of the phenomenal to the psychological (or brain) processes. N. Sheman, the representative of the analytical feminism, is also sure that the physical processes themselves do not determine the content of our consciousness, but the senses they contain. Chalmers' and Sheman's anti-physicalist approaches do not disclaim but complement each other making the research of the consciousness complex.

Key words: analytical philosophy, analytical feminism, ontology of consciousness, naturalistic dualism, praxeological constructivism, David Chalmers, Naomi Sheman.

Belova E. A. The specifics of the high school pupils' stress (gender aspect)

The article touches upon the urgent issue — the study of a psychological stress in the teens. Special attention is paid to the gender aspect. The results of the empiric study of school stress among older pupils are given. The differences between females' and males' stress manifestations and survival are analyzed.

Key words: psychological stress, gender-and-role stress of high school male and female students, gender specifics of the stress-coping behavior strategies.

Riabov D. O. The Russian Other in the identity of the EU: representations of the contemporary gender order in the European press

The article deals with the problem of representing Russian Other as a factor of the European identity formation. Analyzing European media coverage on contemporary gender order, the author comes to the conclusion on the ambivalence of the role of Russia in the process of the «Europeanness» formation. On the one hand, the image of the Russian gender order as different from European, backward, aims to strengthen the European identity. On the other, Russia is represented as having alternative ways of solving contemporary gender problems, thus weakening European Union consolidation.

Key words: image of Russia, image of the Other, European identity, «Pussy Riot», Russian gender order.

АВТОРЫ НОМЕРА

- БЕКАРЕВ**
Адриан Михайлович
доктор философских наук, профессор кафедры общей социологии и социальной работы, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского.
Adrian.bekarev@yandex.ru
- БЕЛОВА**
Екатерина Андреевна
аспирантка кафедры социальной работы и прикладной психологии, Ивановский государственный университет.
belova_e_a@mail.ru
- БЛОХИНА**
Наталья Александровна
кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина.
bna@mail.ryazan.ru
- КОЛЕСНИКОВА**
Александра Леонидовна
аспирантка кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет.
alexkolesnikova@yandex.ru
- ЛЕЛЮХИН**
Сергей Викторович
кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций, Поволжский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Саратов).
s.lel@list.ru
- МАЛЬЦЕВ Константин**
Геннадьевич
доктор философских наук, профессор кафедры общей социологии и социальной работы, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского.
maltsevaannav@mail.ru
- МЕНЬШИКОВА**
Евгения Николаевна
кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.
menshikova@bsu.edu.ru
- МИКЛЯЕВА**
Анастасия Владимировна
кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.
a.miklyaeva@gmail.com
- МУХИНА**
Зинара Зиевна
кандидат исторических наук, профессор, заведующая кафедрой гуманитарных наук, Старооскольский технологический институт им. А. А. Угарова (филиал) НИТУ «МИСиС».
mukhiny@mail.ru

Авторы номера

- ПЕТРОВА**
Жанна Викторовна кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы, Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина.
jannav.petrova@rambler.ru
- ПОЛОЗОВА**
Кристина Андреевна аспирантка кафедры истории права, Шуйский филиал Ивановского государственного университета.
ormhildr@list.ru
- ПОПЕЛЬ**
Александр Александрович кандидат психологических наук, доцент кафедры методологии, философии и истории науки, Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева.
a_popel@mail.ru
- РЯБОВ**
Дмитрий Олегович аспирант кафедры международных политических процессов, Санкт-Петербургский государственный университет.
dmriabov@gmail.com
- ФАДЕЕВА**
Елена Викторовна кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток).
ev_fadeeva@mail.ru
- ФЕДОТОВ**
Алексей Александрович доктор исторических наук, кандидат богословия, профессор кафедры юридических дисциплин, Ивановский филиал Института управления (Архангельск).
aalfedotov@yandex.ru
- ШАКУРОВА**
Анна Васильевна кандидат социологических наук, докторант кафедры общей социологии и социальной работы, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского.
anvash72@gmail.com
- ЮДИНА**
Анна Александровна аспирантка кафедры социологии, Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики.
YUDIN13@YANDEX.RU

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ ПРОФЕССИЙ И ТРУДА

Бекарев А. М., Шакурова А. В. Индивидуальные профессионально-ролевые комплексы как ресурсы эффективной деятельности педагога	3
Лелюхин С. В. Роли сельских учительниц: анализ случая в Саратовской области ...	10
Микляева А. В. Гендерные траектории профессионального пути учителя: взгляд учеников	15
Петрова Ж. В. Дискриминационные практики пенсионеров по возрасту в профессионально-трудовой сфере как проблема социально-экономической политики государства: гендерный аспект	23
Юдина А. А. Гендерные особенности социальных сетей малого предпринимательства в Гатчине	32

ЖЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

Меньшикова Е. Н. Малая юмористическая проза («картинки из купеческого быта») как новый источник по женской истории русского купечества второй половины XIX — начала XX в.	39
Мухина З. З. Старые девы в русской крестьянской среде (вторая половина XIX — начало XX в.)	50
Полозова К. А., Федотов А. А. Гендерный аспект реализации законодательства, регулирующего религиозную сферу в СССР в 1929—1990 гг.	57
Фадеева Е. В. Статус и роль женщины в обществе и семье коренных народов Нижнего Амура: традиции и современность	65

ГЕНДЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Мальцев К. Г., Попель А. А. Проблема детерминированности социальной креативности гендерным фактором: современные подходы	77
Блохина Н. А. Критика физикалистского понимания сознания: два подхода	85
Белова Е. А. Особенности учебного стресса старших школьников (Гендерный аспект)	92
Рябов Д. О. Российский Другой в идентичности ЕС: репрезентации современного гендерного порядка в европейской прессе	98

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ СОБЫТИЯХ

Колесникова А. Л. Международная летняя школа «Гендер и религия в мультикультурных обществах: вызовы современности»	106
<i>Аннотации</i>	108
<i>Авторы номера</i>	114

CONTENTS

PROFESSIONAL AND LABOR SOCIOLOGY

Bekarev A. M., Shakurova A. V. Individual professional and role complexes as the bases for the efficient pedagogue's work	3
Leljukhin S. V. The roles of village female teachers: a case in Saratov region	10
Miklyayeva A. V. The gender aspects of a teacher's professional way: students' opinion	15
Petrova Zh. V. Discriminatory practices towards the retired by age in the professional and labor sphere as a problem of the socio-economic policy of the state: gender aspect	23
Yudina A. A. Gender specifics of small business social networks in Gatchina	32

WOMEN'S HISTORY

Menshikova E. N. Short humorous prose («pictures of merchants' life») as a new source of the Russian merchant class women's history of the late XIX — the early XX c.	39
Mukhina Z. Z. Old maids in Russian peasantry (the late XIX — the early XX c.)	50
Polozova K. A., Fedotov A. A. The gender aspect of the legislation in the religious sphere implementation in the USSR in 1929—1990	57
Fadeeva E. V. Woman's status and role in society and family of the Lower Amur region native peoples: traditions and the present	65

GENDER PSYCHOLOGY AND SOCIOLOGY

Maltsev K. G., Popel A. A. The problem of the social creativeness determination by the gender factor: modern approaches.....	77
Blokhina N. A. Critics of the physicalist understanding of the consciousness: two approaches	85
Belova E. A. The specifics of the high school pupils' stress (Gender aspect)	92
Riabov D. O. The Russian Other in the identity of the EU: representations of the contemporary gender order in the European press	98

SCIENTIFIC EVENTS

Kolesnikova A. L. The International summer school «Gender and religion in multicultural societies: modern challenges»	106
<i>Summaries</i>	111
<i>Authors of the issue</i>	114

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Журнал «Женщина в российском обществе» издается на базе Ивановского государственного университета и Российского межвузовского центра гендерных исследований с 1996 года. За более чем десять лет, прошедших с выхода первого номера, журнал зарекомендовал себя как серьезное научное издание, посвященное разработке методологии гендерных исследований, научному осмыслению эволюции социального статуса женщин и мужчин, их роли в общественном развитии России, методическому обеспечению курсов по гендерной проблематике. География авторов научных статей представляет все крупные регионы России от Москвы до Дальнего Востока. С 2008 года наш журнал включен в список ВАК.

Основные задачи журнала:

— способствовать институционализации гендерного образования в вузах России через создание научно-методической базы для чтения курсов по специальностям различного профиля;

— интегрировать научное сообщество, занимающееся разработкой гендерной проблематики и представляющее авторитетных и молодых ученых России, докторантов, аспирантов;

— предоставить право первой публикации новому поколению молодых ученых.

Журнал «Женщина в российском обществе» выходит ежеквартально, распространяется бесплатно по предварительным заявкам ученых и библиотек.

Надеемся, что вы проявите интерес к нашему изданию и пожелаете сотрудничать с нами. Будем рады видеть вас среди авторов журнала. Мы поместим ваши научные статьи, рецензии на монографии и диссертации, переводы, обзоры конференций по следующим направлениям:

- теория и методология гендерных исследований,
- гендерная социология,
- проблемы гендерного равенства в политическом процессе,
- гендерные аспекты труда и занятости,
- гендерная лингвистика,
- женщины и мужчины в истории,
- гендерная педагогика и гендерное образование,
- гендерная психология,
- женское движение: традиции и современность.

Приглашаем вас на сайт журнала (www.womaninrussia.ru), на форуме которого можно принять участие в обсуждении направлений издания и проблематики статей.

По всем вопросам, связанным с публикацией и оформлением заявки на получение журнала, можно обращаться по электронной почте: gafizovanb@mail.ru, kodina_inna@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

С уважением

главный редактор журнала

«Женщина в российском обществе»,

доктор исторических наук, профессор О. А. Хасбулатова

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. Материалы принимаются в электронном виде ответственным секретарем журнала.

Объем научных статей — 0,5 авт. л., т. е. 20 000 знаков с учетом пробелов (в исключительных случаях до 1 п. л.) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14.

2. Материал для журнала должен быть оформлен в такой последовательности: **БК**; на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** объемом 10—15 строк и **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы (к каждому пункту списка должен быть отсыл в тексте). Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленного материала следует указать фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность, адрес электронной почты (для публикации в журнале), а также полный почтовый адрес автора, его телефон (для рассылки журнала и взаимодействия с редакторами).

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материал, представляемый к публикации в журнале, будет проходить научную экспертизу и публиковаться, если редакционный совет получит положительную рецензию.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку и корректирование текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 4 (69) — 2013

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Редакторы *О. В. Батова, О. В. Боронина*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Подписано в печать 23.12.2013 г. Формат 70x108 ¹/₁₆
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 9,3. Тираж 200 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41
E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru